

ЖИВАЯ СТАРИНА

БЫТ — СИМВОЛ — ВЕЩЬ

- Кувшин и его родня
- Букситанка и другие самодельные игрушки (Юсьвинский район Пермского края)
- «Платочки» (с. Ивановка, Республика Азербайджан)

ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР

- Кому городская легенда не дает умереть
- Загадочная надпись на валуне на горе Арбухим

Игрушечная тележка (Пермский край)

ЭКСПЕДИЦИИ

- Украинские песни из тасжного села
- Родинно-крестинный обряд в Волжском Понизовье и Подонье

На 1-й странице обложки:

Татьяна Петровна Бычкова (1923 г.р., д. Дублёново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края) играет на двухствольных флейтах пöляннэз. 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Самодельная игрушечная деревянная тележка (д. Логново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Рушник. 1988 г. Работа Евдокии Степановны Барсуковой, 1930 г.р. Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова, КП № 545

Рушник. 1986 г. Работа Валентины Александровны Халюковой, 1931 г.р. Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова, КП № 462-1

▲ Ульяна Николаевна Соломенная, 1932 г.р. 2009 г. Фото из личного архива М. М. Горшкова

Читайте статью Г. И. Лопатина «Традиционное ткачество белорусской деревни Неглюбка» на с. 17-20

◀ Евдокия Степановна Барсукова, 1930 г.р. 2009 г. Фото из личного архива М. М. Горшкова

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

БЫТ — СИМВОЛ — ВЕЩЬ

- М. В. Большаков.* Крестьянские промыслы Зарайского уезда во второй половине XIX — начале XX в. 2
- А. В. Гаврилина.* Филимоновская игрушка Одоевского района Тульской области: история возникновения и развития промысла 5
- М. М. Горшков.* Букситанка и другие самодельные игрушки (Юсьвинский район Пермского края) 10
- Ю. А. Лихтер, Ю. Г. Кокорина.* Кувшин и его родня 11
- Г. И. Лопатин.* Традиционное ткачество белорусской деревни Неглюбка 17
- И. Б. Качинская.* «Платочки» (с. Ивановка, Республика Азербайджан) 20
- Е. А. Ключикова, С. Ю. Королёва.* Материализованная память. Вещи в устных рассказах о Майкорском заводе 28

ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР

- А. Г. Авдеев.* Загадочная надпись на валуне на горе Арбухим 36
- Д. Чубаля.* Кому городская легенда не дает умереть. Пер. с польского Г. Кутырёвой-Чубали 39

АРХИВНАЯ ПОЛКА

- О. В. Белова, Л. Л. Степченков.* Песни Велижского мятежа 43

ВЫСТАВКИ

- Н. И. Жуланова, М. М. Горшков.* Фотовыставка «Юсьва. Путешествие за дудками. Дневник экспедиции» 46

ЭКСПЕДИЦИИ

- Е. В. Миненок.* Украинские песни из таежного села 49
- С. Ю. Пальгов, В. А. Шилкин.* Родинно-крестинный обряд в Волжском Понизовье и Подонье 57

ЮБИЛЕИ

- О. В. Бойцова, А. М. Пиир.* О главном (к 75-летию Альберта Кашфулловича Байбурина) 62

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- О. В. Чёха.* Украинская народная астрономия глазами белорусского исследователя 63
- Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая.* Этнодиалектный словарь региональной демонологической системы. Пермский край 64
- О. В. Трефилова.* Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 66

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. Е. Калкаева.* Конференция молодых ученых «Фольклористика и культурная антропология сегодня» 67
- Д. Е. Давыдова, О. Б. Христофорова.* Конференция «Демонология как семиотическая система» 70

Проект реализован при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грант предоставлен
ООГО «Российский фонд культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

2022 год — Год культурного наследия народов России

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора),
канд. филол. наук, Государственный Рос-
сийский Дом народного творчества им.
В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский
этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения,
Государственный Российский Дом народ-
ного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения,
профессор, Российская академия музыки
им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профес-
сор, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государственный
гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профес-
сор, Институт славяноведения РАН, Нацио-
нальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр
гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт
славяноведения РАН

Михаил Владимирович Большаков,
Музей-заповедник «Зарайский кремль», Российский университет дружбы народов
(Москва)

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ ЗАРАЙСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Статья посвящена промысловой деятельности крестьян Зарайского уезда в пореформенный период и начале XX в.

Ключевые слова: промыслы, Рязанская губерния, Зарайский уезд, зарайское кружево, крестьянство, пореформенный период

Статья посвящена промыслам Зарайского уезда Рязанской губернии, которые были развиты в крестьянской среде во второй половине XIX — начале XX в. Наша задача — проанализировать распространение кустарных промыслов по волостям, расширить имеющиеся сведения о зарайском кружеве, ввести в научный оборот информацию о ранее не фигурировавших в исследованиях региональной истории видах промыслового производства.

Работа опирается на статистику по Рязанской губернии, в частности, на статистические таблицы XIX в. [6], из которых можно узнать о ранее неизвестной промысловой деятельности уезда; на «Свод данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии» А. В. Селиванова [5] — важный источник, который помогает восполнить недостающую информацию по тому или иному вопросу. Особого внимания заслуживает труд В. А. Фалеевой «Русское плетеное кружево» [8], где кружевная продукция не только описана, но и проиллюстрирована. Однако при исследовании зарайского кружева возникает много вопросов, потому что сведений о нем практически не сохранилось. В музей-заповеднике «Зарайский кремль», к сожалению, нет образцов зарайского кружева, которые подкрепляли бы приведенные в книге Фалеевой сведения о нем. Следующим важным трудом является диссертация Н. Н. Бертяевой «Русское сцепное кружево конца XVIII — начала XX в.» [2]. Автор приводит очень подробные сведения о сцепном кружеве, его ареале, особенностях, технике исполнения. В диссертации можно найти очень редкие описания зарайского кружева с образцами из музеев России (Государственный Русский музей — далее ГРМ; Государственный Эрмитаж — далее ГЭ). Два образца сцепного кружева, которые автор идентифицировала как зарайские, очень важны, хотя проблема недостатка материальных источников (предметов) остается. Для исследователей Зарайского уезда эти сведения восполняют

пробел в изучении истории кустарных промыслов и занятий крестьян и городского населения в XIX в.

На территории Зарайского уезда, согласно статистическим данным по Рязанской губернии, встречались различные промысловые занятия, которых насчитывалось около сорока. Как и в большинстве уездов, были распространены ткацкий, портняжный, сапожный, корзиночный промыслы. Вместе с ними фиксируется чисто женское занятие — щипание пера [5. С. 266]. Существовали и очень редкие кустарные крестьянские промыслы, в частности изготовление иконостасов, икон, сусального и червонного золота [6. С. 91], а также создание портретов [6. С. 93]. Как уже было отмечено, в Зарайске имело место плетение кружев. Этот промысел не нашел особого отражения в литературе, крайне редко упоминался в документах, и о нем не сохранилось практически никакой информации. Здесь будет предпринята попытка восполнить эту лакуну.

Вторая половина XIX в. в Российской империи — время экономического роста, период активного строительства железных дорог, развития промышленности, капиталистических отношений, которые изменили жизненный уклад сельской общины и крестьянского населения в целом. Это выразилось, например, в трансформации внешнего облика сельского населения (изменениях в одежде), переменах в семейных отношениях, а также в появлении отхожих промыслов.

На развитие промыслов оказывали влияние два основных фактора — почва и климат, умеренно холодный, позволяющий заниматься земледелием, даже в южных уездах, не более половины года [5. С. 243]. Данный фактор вынуждал крестьян искать дополнительный источник заработка. В связи с отменой крепостного права в 1861 г. и как следствие с изменением статуса крестьян у них появилась возможность заниматься отхожими промыслами, наниматься на работы в другие города. Крестьяне становились плотниками, частными

извозчиками и пр. Также развитие конкретных занятий было обусловлено географическими особенностями той или иной местности. Например, на территории Зарайского уезда протекали две полноводные реки — Ока и Осётр, поэтому в поймах рек образовывались заливные луга. Это обусловило развитие такого промысла, как луговоеводство.

Урожай трав был очень большой, однако и в южной части Рязанской губернии (черноземный район) отмечался его упадок. В связи с неудобством доставлять сено гужевым транспортом в места, удаленные от Оки, большая его часть доставлялась по воде в Москву. Средняя цена сена на этих прибрежных лугах, на месте, не превышала 8–10 копеек за пуд, но в других местах губернии цена поднималась до 10–20 копеек за пуд [1. С. 200].

Наличие рек послужило также развитию в Зарайском уезде рыболовства, которое преобладало в селах Ловцы, Белоомут и Дединово. Летом крестьянские общины обычно сдавали внаем места для ловли рыбакам своей деревни, которые вместо платы обязывались огородить места ловли рыбы от подобных мест других домохозяйств. Эти территории отделяли кольями и хворостом, оставляя свободные места, так называемые *звезды* (места на реке или водоеме, на которых производится лов рыбы неводом или другими рыболовными снастями). Осенью и в начале зимы ловили рыбу всей общиной мирскими (т.е. принадлежащими общине) неводами и сетями. Пойманную рыбу раскладывали на кучи для дальнейшего распределения между членами общины.

Зимой рыбу ловили также всей общиной, но каждый домохозяйин использовал свои снасти. Все места рыбной ловли разбивались на участки, которые делили между собой, в зависимости от числа крестьян в том или ином домохозяйстве. Полосы каждого домохозяйства отгораживались от соседних полос таким образом, чтобы рыба не могла переходить из одних делянок в другие. Для этого по обеим сторонам прорубали лед и опускали до самого дна дрань. Эта изгородь тянулась от одного берега реки до другого, иногда более версты. Зимняя ловля рыбы продолжалась до ледохода [1. С. 229].

На территории уезда существовали и другие промыслы. Их можно разделить на три группы: 1) механическая обработка дерева, 2) обработка волокон, 3) изготовление одежды и обуви. Они имели свои отличия в разных местах уезда.

К первой группе относится изготовление бочек и кадок (бондарный промысел), мебели, сельскохозяйственных орудий, мелких предметов сельского хозяйства и т.п. В эту группу также можно включить производство изделий из со-

ломы и обработку коры (плетение лаптей, соломенных колпаков на бутылки).

Наиболее распространены были промыслы, связанные с деревообработкой [4. С. 166]. В Рязанской губернии это занятие было зарегистрировано во всех уездах, кроме Пронского [9. С. 123]. На территории Зарайского уезда в Верхне-Белоомутской волости существовал промысел по изготовлению иконостасов [6. С. 89].

Бондарный промысел был развит в Дединовской волости [6. С. 85], производство мебели — в Беспятовской (д. Маврино) и Бельнической (д. Махалева) волостях, где делали комоды, шкафы, школьные парты, а также рамы для картин [6. С. 81, 85].

Кустарный промысел по производству сельскохозяйственных орудий и мелкого домашнего инвентаря был развит в Апонитищенской волости (сельцо Борисовы-Околицы), где производили ведра и ванны [6. С. 81]. В д. Замятино той же волости крестьяне делали колеса для телег, а сохи, сани и телеги [6. С. 85] производили в Бельнической волости (д. Махалева). Однако наибольшее количество сельскохозяйственного инвентаря в уезде производила Каринская волость. Здесь в сельцо Асаново местные крестьяне создавали дробачи и бороны, а в с. Злыхино — веялки и молотилки; кроме этого, изготовляли сани и салазки, в д. Березники — севалки и гнезда для кур [6. С. 85]. В Луховической волости в с. Луховицы (ныне город) занимались производством ножей, крючьев, окосья (рукоятки косы) [6. С. 87].

В Бельнической (д. Махалева) и Каринской (д. Авдеевские Выселки) волостях крестьянское население занималось плетением лаптей [6. С. 85]. В различных селениях Зарайского уезда крестьяне делали соломенные колпаки для бутылок [6. С. 83, 87]. По статистике

1915 г. (с. Козлово Булыгинской волости, д. Кунаково Луховической волости) подавляющее большинство занятых в этом кустарном промысле были женского пола [6. С. 82, 86].

Также Зарайское уездное земство содержало столярные отделения при Ванинском и Титовском земских училищах, а в Зарайске в домах трудолюбия были открыты слесарные мастерские (1912) [4. С. 178]. В Рязанской губернии этому ремеслу обучалось 440 учеников (Данковский, Зарайский, Касимовский, Рязский, Рязанский уезды); 107 учеников обучались переплетному ремеслу (Данковский, Егорьевский, Зарайский, Рязанский, Сапожковский уезды) [4. С. 175].

Эти сведения, которые мы получили при анализе статистики по кустарным промыслам Рязанской губернии, показывают, что промысловая деятельность населения не ограничивалась ткачеством, сапожным или портняжным делом. Крестьяне разных волостей были заняты в различных промыслах. Отметим, что среди промысловых занятий было создание рам для картин. Это производство являлось очень редким и было развито, согласно статистическим данным за 1912 г., только в Бельнической и Беспятовской волостях Зарайского уезда Рязанской губернии.

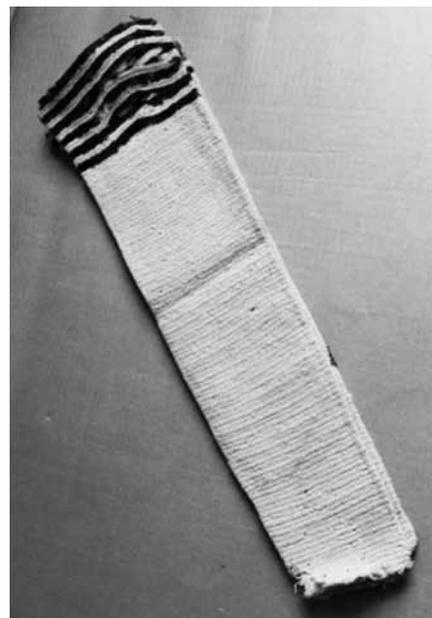
Во вторую группу промыслов входят ручное ткачество (производство нанки, хлопчатобумажных материй), вышивальное ремесло, плетение кружев и рыболовных сетей [4. С. 166].

В Зарайском уезде особенно широко было распространено тканье миткаля и нанки из материалов, получаемых от коломенских фабрикантов [7. С. 161].

На территории Зарайского уезда также существовало производство кружевных изделий. В Рязанской губернии центрами производства сцепного

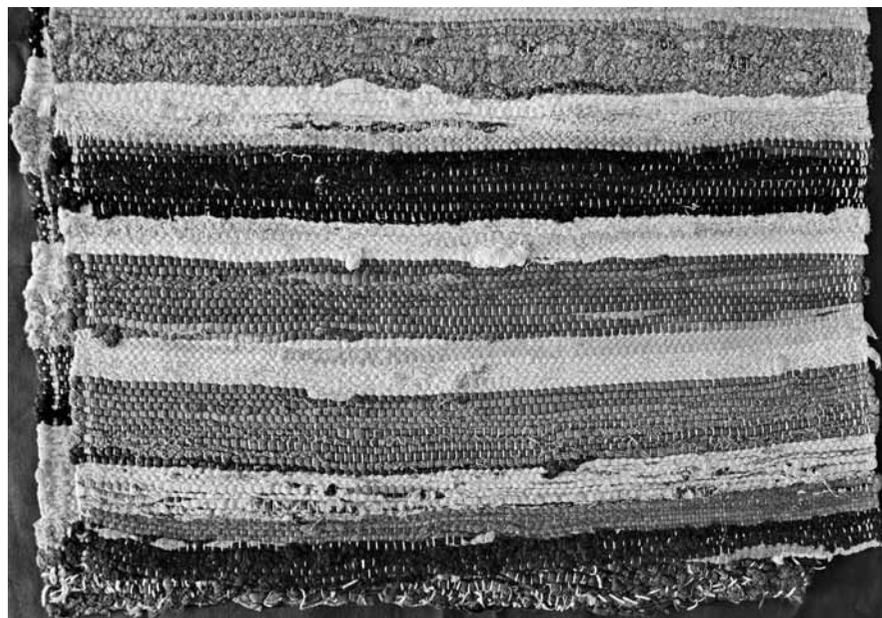
Севалка. Начало XX в. Солома, лыко. МЗК КП-1779. Фото М. В. Большакова

Чуллок левый. Чулки старинные, деревенские, шерстяные. Конец XIX в. МЗК КП-1010/1. Фото Т. В. Фадеевой

Лапти. Конец XIX — начало XX в. Лыко, ручная работа, плетение. ЗМ-962/1. Фото Т. В. Фадеевой

Половик. Начало XX в. МЗК НВФ-7233. Фото М. В. Большакова

кружева являлись города Михайлов, Зарайск и Скопин. В каждом из них выработались собственные технические приемы и орнаментальные мотивы [2. С. 155]. В первой половине XIX в. славились кружева уездного города За-

райска. Кружево никогда не было предметом торговли, т.е. кружевоплетение не оформилось в промысел: его плели для себя в семьях богатых горожан. Материалом служила льняная нить хорошего качества. Рассмотрев конкретные образцы зарайского кружева из ГРМ (К-2203) и ГЭ (КП-2317–3571, Э/РТ 7993), можно выделить его характерные особенности. Композиция орнамента прошвы на кружевном изделии (ГРМ) состоит из растительных мотивов, заполняющих поверхность изделия тесным переплетением цветов и стеблей на фоне плетешковой решетки. Узор образован пятилепестковыми цветами, сердцевинки которых заполнены сочными рельефными насновками. В кружеве отчетливо видны сквозные просветы в изгибах тесьмы-вилюшки (волнистой, сильно изогнутой полосы полотнянки). Толстые стебли выполнены плотным плетением, поэтому даже при переходе полотнянки в сетку фактура кружева практически не изменяется. Чередование сетки и полотнянки является главной особенностью данного вида кружева. Другой отличительной чертой кружева Зарайска можно считать обрамление мерных лент полосой сетки, по которой сканью намечена цепочка из ромбов или треугольников. В рассмотренном выше примере прошвы из коллекции ГРМ эта полоса располагается на рисунке сверху. Другим примером зарайского кружева, хранящимся в фондах ГЭ (КП-2317–3571), является подзор с необычным решением края — зубцы отделяются от прошвы не проставкой ткани, а двойной линией широкой полотнянки. Пришивная сторона кружева также отмечена цепочкой треугольников. Зигзагообразные фигуры образуются путем введения в сетчатое плетение одной более толстой нити — именно она своим движением задает ломаную линию. Как и в предыдущем образце из коллекции ГРМ, здесь ведущая роль в узоре отводится цветочным розеткам с равным количеством лепестков, но варьируемым по форме. Растительный узор строится в виде параллельных линий стеблей, которые завершаются пятилепестковыми цветами, — этот характер трактовки орнамента также отличает зарайское кружево. Так при простоте рисунка за счет ритмического повторения деталей достигается воздушность узора. ажурная решетка, сквозные просветы и насновочные розетки создают необычную фактурную поверхность, отличающую местные образцы от кружев других центров. Кружево было преимущественно белым, но иногда в него вводились цветные нити. Пространство, остававшееся между узорами, обычно заполнялось несложной плетешковой решеткой или более узорной «московской». Эти просветы создают своеобразный декоративный

эффект, подчеркивая крупный узор дополнительными мелкими формами. Зарайское кружево самобытно и не похоже ни на городское рязанское, ни на скопинское, ни на михайловское [2. С. 159–160]. Однако к концу XIX в. зарайское кружево теряет свою оригинальность, мастерицы начинают повторять распространенные образцы [8. С. 135–136].

Также в Зарайском уезде действовали рукодельные классы при Верхне-Белоомутском, Сенницком и Ново-Внуковском сельских училищах. Ученицы рукодельных классов изготавливали прошивки, кружева, строчку на полотенцах, вышивку по канве, кроили и шили сорочки, кофточки, юбки, фартуки, вязали чулки и т.д. [4. С. 178]. На платьях и рубашках местные мастерицы выполняли самобытные орнаменты, благодаря которым одежда отличалась оригинальностью. В Каринской волости Зарайского уезда имело место плетение половиков [6. С. 85], а в Булыгинской волости развился чулочный промысел [6. С. 83] (д. Кишкино и село Печерники).

В третью группу мы включили изготовление обуви и портняжное дело. В Зарайском уезде были сильно развиты портняжный промысел и шитье одежды (по заказу московских магазинов, торговавших готовыми платьями и открывавших с этой целью даже целые конторы) [7. С. 161 3-й пагинации]. Портняжным делом крестьяне занимались в Апонитищенской (д. Нижне-Вельяминово), Алпатьевской, Беспятовской, Верхне-Белоомутской, Дединовской, Каринской, Ильицынской (села Ерново, Столпово, а также деревни Клепальники, Руднево) волостях.

Одним из самых распространенных промыслов был сапожный, он существовал в Каринской (с. Куково), Беспятовской, Верхне-Белоомутской, Дединовской волостях [6. С. 81, 83, 85].

Таким образом, Зарайский уезд являлся территорией с развивающимися кустарными промыслами, связанными с обработкой материалов, созданием предметов повседневного быта, а также сельскохозяйственных орудий. Однако наши знания о здешних ремеслах ограничиваются сведениями о нескольких видах распространенных промыслов. Например, в д. Чурилково и в с. Протасово существовали очень редкие промыслы, которые нельзя отнести ни к одной из выделенных нами групп.

Очень редкий промысел зафиксирован в д. Чурилково Старолетовской волости Зарайского уезда — изготовление сусального золота [6. С. 91]; этим ремеслом занимались только мужчины. Промысел был тесно связан с иконописью и изготовлением лубков. Тонкие листы золота или серебра рабочий разрезал на маленькие четырехугольники и каждый из них клал между пластинками из

воловых кишок. Всё это скручивали в трубочки, похожие на папиросы, пачку таких трубочек клали на камень. Рабочий брал молот и 25 минут бил по этой пачке. Куски серебра или золота истончались, их площадь увеличивалась. После их варили в уксусе и опять сворачивали еще горячими в такую же пачку. Снова положив их на камень, мастер начинал продувать пачку, работая ртом и легкими, как мехами, примерно 15–20 минут без остановки. Затем опять следовала ковка, а после нее тонкие, как паутинка, листы золота или серебра раскладывали между страниц [3. С. 18]. Однако этот промысел не имел широкого распространения из-за своей сложности и опасности. Подобными листами сусального золота обычно покрывали резные деревянные иконостасы.

Трасненская волость была богата различными промыслами. Кроме стандартных занятий крестьян здесь была развита нестандартная промышленная деятельность: иконопись, написание портретов и картин. Например, в с. Протасово по данным на 1915 г. было развито производство кошелей (мельничных рукавов), а также севалок, плетеных гнезд для кур, кузовов (плетеных коробов). В этом же селе делали шкафы, столы, рамы для картин, телеги, сани, был развит токарный промысел. Здесь же сельские жители писали иконы, картины, портреты [6. С. 93], в создании которых принимало участие одно хозяйство, где работали четыре человека, все мужского пола, из которых двое — наемные рабочие. Итого в Протасове в промыслах было занято семь хозяйств, в которых были задействованы 26 человек — четыре наемных, и все только мужского пола [6. С. 92]. Иконописный промысел существовал в отдельных селах, которые были рассредоточены по всей Российской империи. По аналогиям с другими такими же производствами постараемся восстановить картину быта сельских иконописцев в Протасове.

Чаще всего крестьяне, которые работали с иконами, были малограмотными. Даже большие тексты на самих изображениях они воспроизводили по памяти. Те хозяева, которые занимались этим промыслом, приходили к выводу, что необходимо держать только молодых работников. К сорока годам у человека, задействованного в данном производстве, портилось зрение. Он переставал различать тонкие оттенки красок, а его рука начинала заводить тоненький кончик кисточки за пределы контура иконы. После долгих лет работы в мастерской мастер продолжал писать иконы на дому. Но в домашних условиях крестьянин работал пять лет, редко десять [3. С. 12].

Таким образом, промышленная деятельность крестьян Зарайского уезда

была разнообразна: крестьяне были заняты как в самых распространенных промыслах, так и в очень редких, например, в иконописном, картинном и портретном.

Литература

1. Баранович М. С. Материалы географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1860.

2. Бертяева Н. Н. Русское сцепное кружево конца XVIII — начала XX в.: дис. ...

канд. искусствоведения / Моск. гос. худ.-пром. акад. им. С. Г. Строганова. М., 2010.

3. Молчанов А. Н. Село Палеха. Иконопись. Безграмотные таланты. Иконы дешевые, дорогие и фольговые. Женский труд. Голышев. Народная картина. Сусальное золото и серебро // Молчанов А. Н. По России. СПб., 1884. С. 10–19.

4. Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. Т. 2. СПб., 1914.

5. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 11: Свод данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии / сост. А. В. Селиванов. Рязань, 1892.

6. Сведения о кустарных промыслах по Рязанской губернии. Вып. 1: Таблицы. Рязань, 1915.

7. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 5 / сост. С. А. Короленко. СПб., 1892.

8. Фалеева В. А. Русское плетеное кружево. Л., 1983.

9. Экономический обзор Рязанской губернии. 1910 г. № 1. Рязань, 1910.

Анна Владимировна Гаврилина,
Объединение центров развития культуры (Тула)

ФИЛИМОНОВСКАЯ ИГРУШКА ОДОЕВСКОГО РАЙОНА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОМЫСЛА

Аннотация. В статье рассматриваются история происхождения гончарного промысла в д. Филимоново Тульской области, технология производства филимоновской игрушки и основные образы. Особое внимание уделяется мастерам, занимавшимся гончарством в XX в. и продолжившим ремесло в наши дни.

Ключевые слова: гончарство, филимоновская игрушка, народные мастера

Русская народная игрушка с ее художественной спецификой, практическим назначением и глубокими связями с народной культурой по сей день остается особым видом творчества, имеющим вековую историю. Средневековые глиняные игрушки были найдены в славянских погребениях и в раскопах древних русских городов, в слоях X–XIV вв. В 1930-е гг. московскими археологами было открыто массовое игрушечное производство в Древней Руси XIV–XVII вв. Раскопки показали, что гончары делали игрушки наряду с посудой, изготовление которой было их основным занятием. Занимаясь попутно производством игрушек, они становились мастерами-игрушечниками: развивали и совершенствовали технические приемы изготовления игрушки. До нас дошли произведения народного творчества конца XIX — начала XX в. — периода активного развития народных промыслов по изготовлению игрушки.

Прикладной художественный промысел сформировался на территории д. Филимоново Одоевского района Тульской области. Здешние края богаты глиной. Филимоновцы рассказывают, что всё про глину здесь давным-давно знают, все сорта ее умеют различать: светлую, красную, синюю. Помнят они и местное предание о том, что во времена Ивана Грозного «глиняное дело» здесь начал горшечник Филимон, по имени

которого названа деревня. Как хороший мастер, он будто бы прибыл в здешние места по желанию жены князя И. М. Воротынского и положил начало местному гончарству [6. С. 5]. И. М. Воротынский основал Богородице-Рождественский (Анастасов) монастырь близ города Одоева. В середине XVI в. монастырю принадлежал ряд окрестных деревень, в том числе и Филимоново. Однако доход они давали малый, монастырь постепенно обеднел, разорился и в XVIII в. был упразднен, храм монастыря стал приходским. Местные глинистые почвы давали плохой урожай, и появилась необходимость развития крестьянского промысла.

Этим промыслом стало гончарное ремесло благодаря наличию здесь богатых запасов глины, в том числе залежей глины особого сорта — синики. Жительница д. Филимоново Екатерина Петровна Кочеткова вспоминала:

...что касается промысла, то, конечно, важно, что у нас тут кругом глина. Разные глины. Синяя. Дурника. Паглинок. Дурника — та сердитая глина, при обжиге рвется. К ней обязательно надо добавлять синюю. Когда обожжешь, дурника черной становится. Из нее игрушки делать нельзя, да и горшки тоже лучше не делать. А паглинок, если сухой, — сыпучий, с водой же — очень жидкий, жирный. Так его добавляют к синей глине — и самые хорошие горшки получаются. Ну а игрушки лепят из чистой

синей глины. Она и впрямь синевой отдает, а после обжига становится белой [1. С. 63].

О занятиях гончарством жителей «подгородных селений» сообщали «Тульские ведомости» в 1860–1870-е гг. Игрушечный промысел в это время здесь уже существовал [3. С. 155]. В Филимонове гончарным промыслом занимались мужчины, почти в каждом доме был гончарный круг. Изготовлением игрушек занимались женщины и девочки начиная с 7–8 лет. Лепили в свободное от сельских работ время — больше зимой и весной. Ремесло приносило семье ощутимый материальный доход. Продавать игрушки-свистульки возили в Одоев и близлежащие уездные города на базары и ярмарки. Только в одном Одоеве проходило семь ежегодных ярмарок, и к ним филимоновские мастерацы готовили лучший товар. По воспоминаниям бывавших на ярмарках, записанным в 1990-е гг. возрождавшим промысел Николаем

Пелагея Сергеевна Карпова (Зайцева) (1919–1988), д. Филимоново. Фото из личного архива Л. Г. Сушко

Анна Иосифовна Дербенёва (Зайцева) (1909–1990), д. Филимоново. Фото из личного архива Л. Г. Сушко

Слева: Елена Кузьминична Евдокимова (Карпова) (1912–1993), д. Филимоново. Справа: искусствовед Тульского художественного музея Людмила Григорьевна Сушко. Фото из личного архива Л. Г. Сушко

Васильевичем Денисовым, «...ощущение такое, как будто стоишь среди большого цветистого луга и будто само солнце разлилось у твоих ног на все цвета радуги и отразилось в каждом рисунке этого сказочного мира. Разноликое многоголосье филимоновских игрушек-свистулек, сливаясь с криками филимоновских горшечников, крапивенских плотников, белевских кружевниц, с кудахтаньем кур, мычанием коров и визгом поросят, с песнями баб и мужиков — все это вместе создавало единую симфонию народного праздника искусства» [4. С. 8]. Самый настоящий разноцветный ковер.

Своеобразие филимоновской игрушки исходит из свойств местной глины-синики. При просушке она быстро покрывается трещинами, ее приходится всё время заглаживать влажной рукой, тем самым невольно сужая и вытягивая туловище фигурки. Таким образом, у фигур появились удлинённые пропорции. Вязкая, однородная, как тесто, эта глина легко мнется и формируется, позволяет свободно вытянуть игрушку целиком, и нет необходимости лепить ее по частям, примазывая части друг к другу. Поэтому в лепке у филимоновских мастериц вся поверхность глиняной игрушки абсолютно гладкая [5. С. 115].

Филимоновская игрушка всегда была небольшая — такова традиция. Три, пять, семь сантиметров в высоту,

чтобы в ладошку поместилась. Лепили «свистушки»: барыню и солдата с уткой, всадника, коня, корову, птиц. Только на крупные ярмарки и базары мастера изготавливали игрушку крупную, в основном кукол, которых лепили под влиянием городской моды, коней, петухов, до 15–20 см [4. С. 14]. Крупные и многофигурные композиции делали не столько для детской игры, сколько для любования.

Особые свойства синики определили пластическую образность филимоновских игрушек. Обратимся к книге Г. Л. Дайн, описывающей историю технологии производства игрушек в Филимонове [3]. Синика добывается за деревней, в карьерах. Она отделяется слежавшимися плотными комьями, пластами, целыми глыбами. Привезенную глину готовят: ее, мелко порубленную, на два дня заливают водой и потом опять рубят лопатой, поливают водой и тщательно месят. И под конец глину «натирают руками, как домашнюю лапшу». Глину даже пропускают сквозь пальцы, чтобы в тесте не осталось ни одного камушка, иначе он порвет игрушку при обжиге. Если мастерица хочет слепить свистульку-коня, то отделяет нужный кусок глины, изгибает его в толстый жгут. Из одной его половины вытягивает четыре прочные ноги-подставки и свисток, а из другой — длинную-предлинную шею с крохотной головкой:

в такой малой массе она не пригибается под собственной тяжестью, «держится» и смотрится как легкое завершение всей фигурки. Свисток прокалывают специальной острой кленовой палочкой — «пичужкой». Если «пусторню»¹ не угадать, вылепить ее чуть больше или меньше, то и звук получится глухой, «гудушка» будет гудеть, а не свистеть. Готовые игрушки оставляли в теплом помещении сохнуть, иногда на несколько дней. Обжиг изделий начинался по весне, когда готовились к первым весенним ярмаркам. Обжигали специальные мастера — *обжогцики*; от качества обжига зависела вся многодневная зимняя работа. Печь закладывали березовыми дровами, горн накалялся добела, температура доходила до 700–800 градусов. Обжиг продолжался восемь-девять часов, после чего изделия приобретали ярко-белый цвет. До 1972 г. игрушку обжигали в гончарных горнах вместе с гончарными изделиями — махотками, горшками. Современные мастера используют иную технологию — свои работы лепят из той же глины, которую использовали и старые мастера, однако обжигают в муфельных печах. Игрушку расписывают без грунтовки по белому фону, так как после обжига она становится белой.

Особенность глины-синики после обжига менять свой цвет, терять природную окраску и становиться белой,

с легким оттенком розового, желтого, серого позволила оставлять изделия без побелки. В «белом» варианте еще нагляднее характер ручной лепки, еще заметнее красота материала, застывшего в плавной, текучей гармонии форм, в их мягком слиянии. Белыми игрушки кажутся богаче, изысканней, а нарядная роспись дополнит, подчеркнет, оживит их скульптуру [3. С. 163].

Период расцвета филимоновский промысел переживал с середины XIX в. до конца 1920-х гг. После Великой Отечественной войны промысел был на грани исчезновения. Только в 1950-е гг. экспедиция НИИ художественной промышленности обнаружила, что в деревне вновь стали делать свистульки. В конце 1970-х гг. промысел филимоновской игрушки был возрожден при содействии государства, которое в то время старалось помочь развить промыслы. Создавались производственные цеха, артели.

Такая артель была создана в Малых Красенках (деревня, плавно переходящая в Филимоново). Когда-то в жилом доме Кочетковых, Дмитрия Семеновича и Аграфены Ильиничны, была создана артель, которая подчинялась Крапивенскому обзному заводу, где работали

Анна Иосифовна Дербенёва, Елена Кузьминична Евдокимова, Анна Гавриловна Зайцева, Пелагея Павловна Илюхина, Елена Ивановна Карпова, Александра Гавриловна Карпова, Антонина Ильинична Карпова, Анна Ивановна Князева, Евдокия Ильинична Лукьянова, Фекла Васильевна Маликова, Александра Федоровна Масленникова, Пелагея Григорьевна Масленникова, Матрена Федоровна Шурухнова.

В 1970-е гг. огромную роль в сохранении и поддержке филимоновского промысла сыграл Союз художников России (СХР). Четырех мастериц приняли в СХР и в последующие годы заключили с ними авторские договоры. Это были А. Г. Зайцева, А. Г. Карпова, А. И. Карпова, А. Ф. Масленникова, а несколькими годами позже приняли еще трех: А. И. Дербенёву, Е. К. Евдокимову и Е. И. Лукьянову. Они стали самыми яркими и талантливыми мастерицами XX в., которые до конца своей жизни трудились в промысле. В 1982 г. А. Г. Зайцевой, А. Г. Карповой, А. И. Карповой было присвоено звание «Заслуженный художник РСФСР».

Особый вклад в возрождение и развитие филимоновского промысла внес замечательный художник и ис-

кусствовед, член Союза художников России, уроженец Одоевского района Николай Васильевич Денисов. Оставив работу в Загорске (ныне Сергиев Посад), Николай Васильевич вернулся на родину, чтобы укрепить развитие промысла. Он сплотил вокруг себя молодых людей, чтобы передать им знания и опыт от мастериц, пока еще владеющих старинным ремеслом. За счет своих средств художник открыл мастерские в четырех километрах от д. Филимоново, в районном центре Одоеве, где в настоящее время живут дети и внуки бывших филимоновских игрушечников.

В 1984 г. Н. В. Денисову удалось создать небольшой коллектив, куда вошли внучки филимоновских мастериц — Елена Орлова, Елена Кошелева, Наталья Князева, а также выпускники керамисты Абрамцовского художественного училища Ирина Левитина, Александр Стуков, Елена Башкирова, Константин Кахеиди. В 1986 г. в промысле работали старейшие мастера — Евдокия Ильинична Лукьянова и Елена Кузьминична Евдокимова, которые делились с молодыми художниками секретами мастерства. Н. В. Денисов на протяжении многих лет организо-

Евдокия Ильинична Лукьянова (Дербенёва) (1912–2002), д. Филимоново. Фото из личного архива Л. Г. Сушко

Александра Гавриловна Карпова (Зайцева) (1911–1991), д. Филимоново, заслуженный художник РСФСР. Фото из личного архива Л. Г. Сушко

Анна Гавриловна Зайцева (1897–1985), д. Филимоново, заслуженный художник РСФСР. Фото из личного архива Л. Г. Сушко

Антонина Ильична Карпова (Дербенёва) (1910–1983), д. Филимоново, заслуженный художник РСФСР. Фото из личного архива Л. Г. Сушко

вывал персональные художественные выставки в поселке, проводил встречи с учащимися школ поселка и района как художник-живописец, игрушечник и поэт.

За возрождение игрушечного ремесла Н. В. Денисов был удостоен звания «Почетный гражданин Одоева».

В 1960–1980-е гг. в промысле очень активно продолжали работать следующие мастера — дети именитых мастеров: М. П. Алдохина (дочь А. Г. Карповой), М. П. Карпов (сын А. Г. Карповой), М. Н. Марченкова (дочь А. И. Карповой), В. Н. Масленникова (дочь А. И. Дербенёвой), Е. Н. Петрова (дочь А. И. Карповой), ставшие членами СХР в 1993 г., П. С. Карпова (дочь А. Г. Зайцевой).

В 1980-е гг. промысел пополнился молодыми потомственными мастерами. Уже самостоятельно работали А. И. Гончарова (внучка А. И. Карповой) и Е. А. Орлова (внучка А. И. Дербенёвой), ставшие в 1989 г. членами СХР. В это же время в Туле мастерство обучались И. Д. Бежина и О. А. Серегина. Продолжила мастерство своей бабушки Т. Т. Фокина (внучка А. Г. Карповой). Не-

много позже промысел пополнился еще одной мастерицей — Е. М. Колосковой (сейчас Е. М. Палевской).

С 1998 г. первые самостоятельные работы стали появляться у А. В. Романовой (дочери А. И. Гончаровой) и Р. В. Орлова (сына Е. А. Орловой). С 2000 г. они активно работают в промысле, а в 2012 г. стали членами СХР.

С начала XXI в. наиболее активными мастерами в промысле являются Е. А. Орлова, В. Н. Масленникова, Р. В. Орлов, А. И. Гончарова, А. В. Романова, А. А. Макаричева (дочь А. И. Князевой), И. Д. Бежина, И. К. Левитина, Г. В. Мишина. К большому сожалению, ушли из жизни талантливые мастера: М. Н. Марченкова (1933–2014), А. А. Лукьянова (1940–2014), А. А. Макаричева (1933–2017), В. Б. Першин (1960–2015), Е. И. Кехаиди (1958–2018). По состоянию на 2022 г. в промысел добавились еще мастера Е. А. Дроздовская, К. Н. Кехаиди, П. К. Кехаиди, М. С. Орлова, Т. Э. Гончарова [2].

Все народные игрушки созданы в определенной манере, в которой главенствует не фактический, не натуралистический подход к изображаемому,

а стилистический. Художник вполне сознательно, смело перерабатывает форму. Единая пластическая логика имеет место и в женских фигурках, и в фигурках солдат, в изображении зверей и птиц — это преувеличение, гиперболизация вертикали. Деформация здесь вполне оправдана, и по образу игрушка безошибочно узнаётся [1. С. 75].

Основную массу изделий филимоновских мастериц составляют традиционные свистульки: барыни, всадники, коровы, медведи, петухи и т. п. Почти все скульптурки — свистульки. Изображения людей — монолитные, скупые на детали — близки древним примитивным фигуркам. Самый распространенным и любимым мастерами является образ птицы. Существует много вариантов исполнения «уточек», «петушков» и «курочек» — и в парах, и в одиночку. У «петушков» присутствует хвостик вместо свистка, а курочка изображается чаще всего в гнездышке или кормящей цыплят. В филимоновском промысле обучение лепке начиналось преимущественно с самого простого по форме пластиче-

ского образа — с уточки. И в дальнейшем навык, приобретенный в умении лепить уточку, давал возможность перейти к более сложным формам, а именно к лепке животных на четырех ногах — коня, барана, оленя, козы и т. д.

Традиционными образами были «барыни». Неширокая юбка-колокол филимоновских барынь плавно переходит в изящный стан и завершается конусообразной головой, составляющей одно целое с шеей. В округлых руках барыня обычно держит младенца или птичку-свистульку, уточку. Уточку-свисток под мышкой у барыни всегда лепят отдельно.

Стоящие высокие фигурки в костюмах — в приталенном френче, полосатых или цветных штанах, с погонами, в шляпе с козырьком — всё это филимоновские «солдаты» [2].

Интересны композиции, слепленные из нескольких фигурок, например, «Люботá» — сценка свидания влюбленных. Эту игрушку придумала Анна Иосифовна Дербенёва. В композиции «Люботá» представлены традиционные игрушечные образы — барыня и солдат, только здесь они слеплены не порознь, а парой, на одной «земле» [3. С. 167].

Говоря о персонажах животного мира, стоит отметить, что все они имеют тонкую талию и длинную, с изящным изгибом шею, плавно переходящую в маленькую голову. Только форма головы да наличие или отсутствие рогов и ушей позволяют отличить одно животное от другого. У барана рога — круглые завитки-баранки, у коровы — полумесяцем торчат вверх, у оленя — как причудливые ветвистые деревья, а конскую головку венчают небольшие конические ушки, у собачки ушки всегда примяты вперед. Как лепить игрушку-свинью, придумала мастерица Елена Кузьминична Евдокимова.

Популярен сюжет «Медведь смотрится в зеркало». Существо с изящным, неправдоподобно вытянутым туловищем сидит на задних лапах с зеркалом в передних лапах. Ничто в его облике не напоминает привычного медведя. Он сродни другим двуногим филимоновским животным, прообраз которых не всегда легко определить [5. С. 113].

В филимоновских игрушках есть особенная красота, и кроется она в согласии росписи с формой игрушки. Как уже говорилось, после сушки и обжига изделие приобретает белый, чуть розово-желтоватый цвет. Прямо по этому фону и наносится роспись. В ней три главных цвета — малиново-красный, зеленый и желтый, иногда еще синий или фиолетовый. Если современные филимоновские мастера расписывают свои игрушки яркими акриловыми красками, то до 1972 г.

филимоновскую игрушку расписывали анилиновыми красками, растертыми на курином яйце, куриными перышками. Перышки делали сами: складывали, плотно прижимая друг к другу, два куриных пера и связывали ниткой — получилась короткая и удобная в работе маленькая кисточка. Четыре краски в работе и четыре перышка.

Цвет играет существенную роль в художественном облике филимоновских игрушек. Он выявляет и подчеркивает пластику, с помощью мазков и пятен фигурки обретают лица, одежду. Зверей чаще разрисовывают поперечными чередующимися полосами — красными, желтыми и зелеными. Яркими мазками оттеняют рога. На человеческих фигурах одежду окрашивают одним тоном — красным, малиновым, фиолетовым, желтым. Большой простор для орнамента оставляли поверхности юбок и передников [5. С. 117]. Филимоновские барыни и их кавалеры одеты всегда нарядно и ярко, их шляпки украшены разноцветными полосками, а на юбке нанесен всё тот же орнамент. Одежда филимоновских фигурок сложилась под влиянием, с одной стороны, городского костюма, с другой — крестьянских домотканых сарафанов, вышитых поясов и рубах. Орнамент — разноцветные штрихи, елочки, ягодки, пятна, веточки, розетки, цветки — всё это создает яркий запоминающийся декор. Принято было оставлять белыми лица, свисток, ноги с внутренней стороны, подол на юбке барыни.

Росписи, как правило, учились с детства. За многие годы работы накапливался опыт, знания, зрительная память. Повзрослев, девушки расписывали игрушки, вводя традиционные элементы, а также составляя свои неповторимые орнаменты и цветовые композиции. Ни одна игрушка не повторялась. Свой почерк, например, имела Елена Кузьминична Евдокимова. Она сначала наводила на игрушку желтые полоски и пятна, потом их отделяла, обводила красным перышком, потом уже зеленым, синим, иногда еще фиолетовым. Кроме того, варьировался цвет. Ложится синий мазок на желтый — получается зеленый, красный на синий — фиолетовый, а если красный на желтый положить, будет оранжевый, или, как здесь говорят, *жарный*. Развивая роспись от центрального пятна по всей форме игрушки, мастерица, не задумывая ничего заранее, следовала своему художественному чутью.

Сегодня и в лепке, и в росписи делается так, как давно заведено у филимоновских мастериц, однако всё же и по-особенному, по-своему. Современные мастера в Одоеве лепят из той же глины, что и старые мастера, обжигают в муфельных печах, распи-

сывают игрушку по белому фону, без грунтовки [2].

Филимоновский промысел является творческой школой со своими особенностями и сформировавшимися традициями, носителями которых стал народный мастер. Благодаря плеяде замечательных мастериц: А. И. Дербенёвой, А. Ф. Масленниковой, А. И. Князевой, А. Г. Зайцевой, Е. К. Евдокимовой, А. Г. Карповой, А. И. Карповой и другим — филимоновская игрушка стала подлинным коллекционным художественным изделием, произведением искусства, а современные мастера продолжают заниматься филимоновским ремеслом и в настоящее время [5. С. 149].

Говоря о современности, следует отметить, что в 2009 г. при поддержке Администрации Тульской области, Администрации муниципального образования Одоевского района, Тульской торгово-промышленной палаты был открыт музей «Филимоновская игрушка», который стал центром, объединяющим всех мастеров, работающих в промысле. В 2013 г. в рабочем поселке Одоев был дан старт общероссийскому проекту — Одоевскому фестивалю гончарного искусства и глиняной игрушки «Сказки деда Филимона», что говорит об уникальности филимоновского промысла на Одоевской земле и о желании привлечь к нему внимание.

Примечания

¹ Тонкая полость, благодаря которой извлекается звук. — *Примеч. редакции.*

Литература

1. Блинов Г. Сказки без слов. О народной игрушке. Тула, 1974.
 2. Гончарова А. И. Технология изготовления филимоновской игрушки Одоевского района Тульской области // Объединение центров развития культуры ГУК ТО «ОЦПК» [Тула]. URL: <https://cnt.ocktula.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie-tulskoj-oblasti/katalog-obektov/kopiya-texniki-i-tekhnologii,—svyazannyye-s-tradicionnyimi-remeslami/kopiya-tekhnologiya-izgotovleniya-filimonovskoj-igrushki-odoevskogo-rajona-tulskoj-oblasti.html>.
 3. Дайн Г. Л. Русская народная игрушка. М., 1981.
 4. Кузнецов С. В. Филимоновская сказка. Хранители промысла. Тула, 2019.
 5. Павлова Т. В. Народные промыслы Тульского края. Их культурно-историческая и художественная ценность (истоки, развитие, перспективы): дис. ... канд. искусствоведения / Рос. акад. художеств; Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразительных искусств. М., 2004.
 6. Павлова Т. В. Филимоновский промысел: метод. разработка для студентов и преподавателей. Новомосковск, 2000.
- См. иллюстрации на 4-й странице обложки.*

БУКСИТАНКА И ДРУГИЕ САМОДЕЛЬНЫЕ ИГРУШКИ (Юсьвинский район Пермского края)

Аннотация. В заметке рассказывается о самодельных деревянных и металлических игрушках, распространенных в деревнях Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Ключевые слова: самодельные игрушки, детские игры, букситанка, Пермский край, Юсьвинский район

В 2001 г. в экспедиции в коми-пермяцкие деревни Пермского края (Юсьвинский район) мы с Надеждой Ильиничной Жулановой искали дудки-пэяны и были целиком сосредоточены на своей задаче¹. Но, проходя по деревням, мы не могли не обратить внимание на самодельные деревянные игрушки — трактора, тележки, грузовики, — которые стояли на улице возле заборов. И особенно часто нам встречалась непонятная конструкция — длинная, больше метра, деревянная палка или железная труба, к одному концу которой была приделана кривая ручка (как у колодезного ворота), а к другому — большая шестерня. Что это? Мы не понимали. Спрашивали — нам отвечали, что это букситанка, с нею дети играют. Кто-то вспоминал,

Букситанка, трактор и тележка (д. Логиново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Андрей Бабин (13 лет) с букситанкой, трактором и тележкой (д. Логиново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Сергей Стариков (9 лет) с трактором и Андрей Бабин (13 лет) на велосипеде (д. Логиново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Трактор Т-150 (д. Логиново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Грузовики (д. Петбор Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Но это всё рассказывали взрослые люди, а интересно было бы увидеть *букситанку* в игре.

И вот в одной деревне, в Логинове, мы встретили ребят, которые показали нам и самодельный деревянный трактор Т-150, и телегу, и машины,

и *букситанки-буксирки*, и проволоку, при помощи которой таскали свои машины. Прицепляли *букситанку* к колесу деревянного трактора, крутили ее, и трактор ехал. Правда, колеса у него иногда отваливались.

Уже потом, через несколько лет, от наших друзей из Коми-Пермяцкого округа (села Кочёво, Большая Коча) мы узнали, что *букситанка* — игрушка распространенная и названия у нее есть разные (*буксованка, буксанка*). А тогда, после экспедиции, по свежим следам я смонтировал небольшой фильм, который назвал «Букситанка. Железная игрушка пермских детей».

Примечания

¹ См. об экспедиции статью Н. И. Жулановой и М. М. Горшкова в этом номере журнала (с. 46–48).

М. М. Горшков,
преподаватель,
руководитель этнографического
музея-мастерской,
Пушкинская школа № 1500
(Москва)

Юлия Абрамовна Лихтер,

кандидат исторических наук, ООО «Археологические изыскания в строительстве» (АИСТ) (Москва)

Юлия Георгиевна Кокорина,

кандидат исторических наук, доктор филологических наук, Московский политехнический университет

КУВШИН И ЕГО РОДНЯ

Аннотация. Анализируются формы и названия высоких сосудов, имеющих суженное устье (закрытое или полуоткрытое), в русском и других языках. По мнению авторов, как формы, так и названия образуют нечеткое множество (кувшин — амфора — бутылка — графин — фляга — флакон — кружка) как ряд категорий, совпадающих по одним признакам и отличающихся по другим. Авторы демонстрируют отсутствие здесь четких различий.

Ключевые слова: нечеткое множество, классификация, этимология, кувшин, амфора, бутылка, графин, фляга, флакон, кружка

Человек всегда стремится упорядочить окружающий его мир. В свои знания о нем человек вносит порядок, производит разделение, классификацию, но в действительности мир не дискретен. Классификация — «средство “свести” это многообразие к некоторому сравнительно небольшому числу образований» [15. С. 65].

Одним из наиболее распространенных видов археологических находок являются сосуды. Появившись в эпоху неолита, они сопровождают жизнь людей на всем земном шаре до наших дней. Можно привести два опыта упорядочения их названий на примере античной расписной керамики [1] и изделий из стекла, рассмотренных в ходе работы над «Каталогом анализов древнего стекла Восточной Европы». Проанализировав названия стеклянных сосудов, используемые разными исследователями и на разных языках, авторы каталога показали, что даже в одном языке к одним и тем же предметам применяются различные названия [30. Табл. 5–7].

В продолжение этих исследований мы проанализировали одну вещевую категорию, входящую в морфофункциональную группу «сосуды», — кувшин. В. И. Даль определяет кувшин как «глиняный, стеклянный или металлический сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом, с ручкою и носиком, иногда с крышкою» [4. Т. 2. С. 210]. Более обобщенное определение дает словарь С. И. Ожегова — «высокий, округлый сосуд с ручкой» [12. С. 267]. Эти определения, на наш взгляд, слишком подробны и не включают всего разнообразия известных форм.

Мы рассмотрели изображения кувшинов, представленные в археологических публикациях [1], каталогах музейных коллекций [8; 13; 22; 23; 24; 25; 30; 31; 32; 33; 34; 35], антикварных каталогах [27], каталогах выставок [2; 7; 16; 18]; монографиях [5, 9, 14]. Особенно полезен справочник для описания стеклянных изделий, разработанный международным коллективом [29].

При изучении конструкций сосудов Ю. Л. Щапова выделила 10 конструк-

тивных элементов: край, венчик, горло, тулово, дно, поддон, ручка, ножка, подножка и носик. Основу сосуда составляют элементы, образующие емкость, — тулово, дно и край. Остальные элементы являются дополнительными [20. С. 46–47]. Основываясь на этой классификации, к кувшинам можно относить конструкции, образованные сочетанием основы и ручки с носиком, венчиком, поддоном, ножкой и подножкой. При этом у всех высота больше диаметра, т. е. они могут быть отнесены к группе высоких сосудов [20. С. 45]. Таким образом, кувшин можно определить как высокий сосуд с ручкой, предназначенный для жидкостей (ил. 1).

Внимательное изучение форм и их названий в перечисленной литературе показало, что существуют различные виды сосудов. Там же были выявлены некоторые формы, которые носят другие названия, но по конструкции сходны с кувшинами и также предназначены для жидкостей. В одних случаях кувшин с двумя ручками называют *амфорой*, в других — просто *кувшином с двумя ручками* (ил. 2); среди античных сосудов к кувшинам можно отнести сосуды, разные по назначению и иногда по форме, имеющие собственные названия. Близки по конструкции к кувшинам бутылки с ручкой, кофейники (кумганы) (ил. 3), конструкцию кувшина имеют пивные кружки (итал. *bocciale*, фр. *bock, chöre*, нем. *Seidel*, англ. *tankard*) (ил. 4). Узкогорлые сосуды с ручкой называют *графинами с ручкой, бутылками с ручкой* и т. п. (ил. 5); ручки встречаются также у фляг (ил. 6) и флаконов.

Названия предметов в музейной практике во многом зависят от их происхождения. Некоторые названия сохранила традиция — *кумган, квасник, кофейник, чайник*. Названия античных сосудов восстанавливаются по над-

Ил. 1. Кувшины

1. Кувшин (jug). Боспорское царство. III в. Стекло [25. P. 184, № 154. Cat. № 278, 279]
2. Поздний бронзовый век. Керамика [17. С. 49, рис. 27]
3. Кувшин (jug). Родос. Середина V в. до н.э. Стекло [25. P. 56, № 12. Cat. № 21]
4. Аббасиды (найдено в Новгороде). IX–X вв. Металл [5. Табл. 46, рис. 1]
5. Хорасан (найдено в д. Лысьва Пермской губернии). X в. Металл [5. Табл. 27, рис. 1]
6. Кувшин (jug). Галлия. III–IV вв. Стекло [25. P. 11. Cat. № 172]
7. Кувшин (jug). Восточное Средиземноморье. I в. Стекло [25. P. 11. Cat. № 250]
8. Кувшин (jug). Богазкёй. XVI в. до н.э. Керамика [34. P. 130, № 206]
9. Кувшин (jug). Крит. 2600–2000 гг. до н.э. Керамика [24. P. 14, № 5231]
10. Кувшин (jug). Кюль-тепе (Каниш). Хетты. Керамика [34. Рис. 35 (гл. 2)].

писям на них и сообщениям древних авторов, а также благодаря исследованиям искусствоведов [21]. Сосудам других культур названия даются по аналогиям с обозначениями известных нам вещей. В целом они образуют нечеткое множество: кувшин — амфора — бутылка — графин — фляга — флакон — кружка. Понятие «нечеткое множество» в современной науке базируется на том, что большинство реальных классов сущностей размыты по своей природе и переход между принадлежностью и непринадлежностью к этим классам скорее постепенен, чем скачкообразен. Это предполагает, что один и тот же предмет обладает признаками кувшина и графина, кувшина и бутылки, кувшина и кружки и др.

Чтобы разобраться в этом многообразии, мы предлагаем рассмотреть не только конструкцию перечисленных видов сосудов, но и их названия в различных языках. Неоднозначности конструкций сосудов соответствует неоднозначность названий.

РУССКИЙ ЯЗЫК

В русском языке основными обозначениями сосудов этого типа можно считать названия *кувшин*, *графин*, *бутылка*, *фляга*, *флакон*, *кружка*. Как термины, обозначающие особые варианты кувшина, укажем *кумган*, *жбан*. Фактически разновидностями кувшина можно считать такие специализированные формы, как *кофейник*, *чайник*, *молочник*, *сливочник*, *квасник*. Близки по конструкции к кувшину, но различаются в бытовом употреблении *бутылка* и *графин*. Близкий к ним *штоф* определяют как бутылку с граненым туловом [4. Т. 4. С. 646], но иногда рассматривают как разновидность графина [11. С. 221–222, рис. 155]. *Фляга* (*фляжка*) близка по конструкции к бутылкам, но всегда имеет плоское тулово и зачастую ручки. Под плоским туловом Ю. Л. Щапова понимает тулово, имеющее в поперечном сечении вытянутый овал или прямоугольник, соотношение максимальной и минимальной ширины которых составляет не больше 0,5. По пропорциям

и конструкции с кувшинами можно сблизить некоторые разновидности *кружек*; заодно отметим, что их часто называют *бокалами* (распространенное бытовое название, используемое, в частности, в сфере торговли). Сюда же можно добавить *крынку*, отличающуюся от кувшина отсутствием ручки, но близкую к нему по пропорциям. В современном русском языке *флаконами* называют небольшие бутылочки, предназначенные для аптечных и парфюмерных снадобий. По конструкции они разнообразны и иногда больше похожи на графины. В археологической литературе флаконами также называются предшественники графинов — узкогорлые сосуды восточного происхождения с округлым туловом на поддоне [3. С. 9, табл. 3, 4]. Отметим, что в англоязычной литературе их часто называют *decanter*. Стандартный перевод этого слова на русский — *графин*.

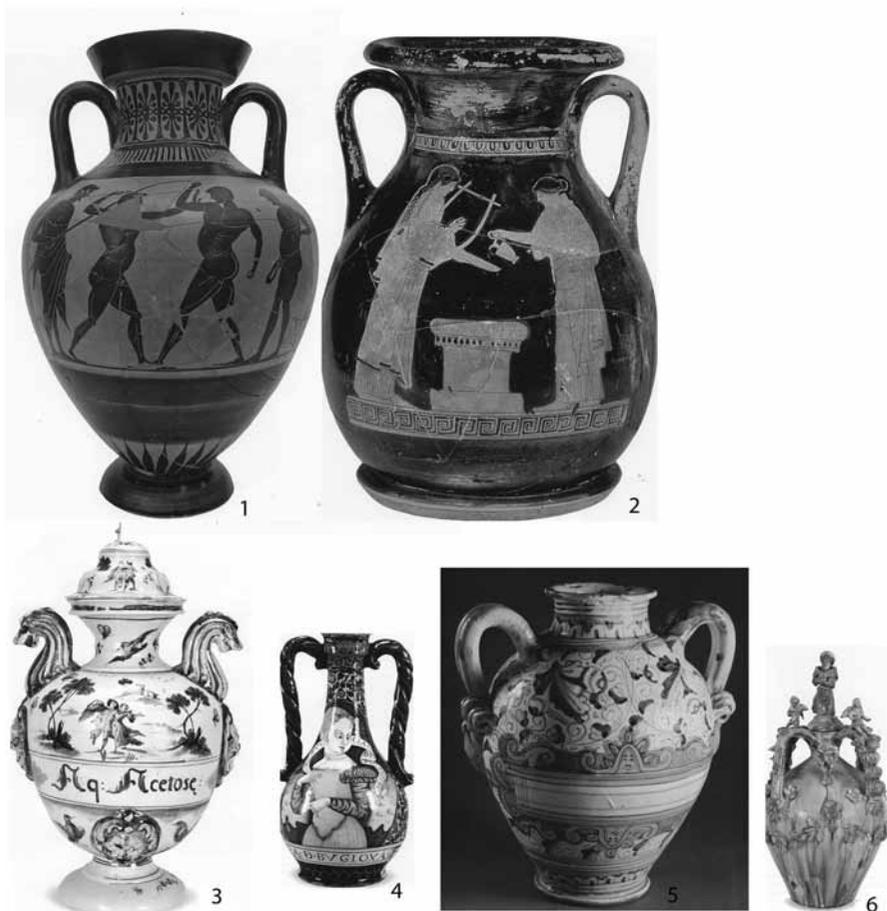
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Кувшин обозначается тремя синонимами: *jug*, *pitcher* и *ewer* [17. С. 217]. В антикварном каталоге (руководстве для покупателей) приведены разнообразные разновидности кувшинов: *ale or bear jug*, *magnum claret jug*, *soda glass jug*, *wine jug*, *cream jug* [27. P. 160–169]. Насколько можно судить, между ними нет четких формальных различий. *Ewer* определяют как «большой кувшин для воды», однако в упомянутом каталоге трудно усмотреть различия между этими сосудами даже по размерам. Столь же мало различаются по формам *ale or bear jug*, *magnum claret jug*, *soda glass jug*, *wine jug*, *cream jug*. Четче выделяется *decanter jug*, что можно перевести как «графиноподобный кувшин», — в этих случаях сосуд действительно похож на графин, к которому приделали ручку [27. P. 160]. Отметим, кстати, что все уточняющие термины сочетаются только со словом *jug*, с *pitcher* и *ewer* они не употребляются.

Графин — *decanter*, синоним *carafe*.

Бутылка — *bottle*, *carboy*, *flask*; судя по словарям, в смысле бутылки может использоваться *vessel*. Самое общее среди собственно обозначений бутылки — *bottle*, остальные можно считать специализированными. Так, *carboy* — оплетенная бутылка (для кислот), *flask* — любая небольшая бутылка с узким горлом [36. P. 531]. Отметим также *demijohn* — большая оплетенная бутылка. Прибавим сюда также *cruet* — бутылочка, графинчик для уксуса или масла. Может иметь форму кувшинчика [32. P. 40].

Фляга, как бутылка для воды, обозначается словом *flask*; небольшие плоские фляжки в музейных каталогах называются *pilgrim bottle*, т.е. бутылка паломника [34. P. 126].

Ил. 2. Двуручные сосуды

1. Амфора. Греция. Экархос, Локрида, вазописец Евхарид. Ок. 500 г. до н.э. Керамика [2. С. 150, № 95]
2. Пелика. Греция. Аттика. 450–440 гг. до н.э. Керамика [2. С. 88, № 33]
3. Амфора аптечная. Италия. XVIII в. Керамика [23. P. 90].
4. Бутыль/fiasco (двуручная). Италия. 1555–1565 гг. Керамика [23. P. 69]
5. Ваза двуручная. Италия, Монтелупо. 1600–1620 гг. [13. С. 95]
6. Кувшин/brocса/jug (двуручный). Италия, Oristano. Середина XX в. Керамика [23. P. 154]

Ил. 3. Кувшины

1. Кофейник. Италия. XVIII в. Керамика [23. P. 78]
2. Кумган. Россия, Гжель. Последняя треть XVIII в. Керамика [8, б/н]
3. Квасник. Россия, Гжель. 1787 г. Керамика [8, б/н]

Флакон в словарях определяется как маленькая бутылка, бутылка для духов (*scent-bottle*). В качестве синонимов там же приводятся *flask*, *phial*, *vial*. Два последних названия употребляются также

для обозначения широких мелких сосудов для питья и восходят к греческому *phial* [36. P. 1068, 1581].

Кружка обозначается словом *tug*, небольшую кружку именуют *poggin*.

Tankard — пивная кружка, зачастую с крышкой, почти не отличается от кувшинов.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В немецком языке такого разнообразия не наблюдается. Для **кувшина** есть два синонима — *Krug*, *Kanne*. Причем *Krug* имеет значение не только 'кувшин', но и 'кружка'; *Kanne* переводится как «кружка», «кувшин»; «бидон», «кофейник», «заварочный чайник», «фляга» (например, для молока).

Графин — *Karaffe*.

Бутыль, бутылка — *Flasche*, *Ballon*, *Korbflasche* (оплетенная бутылка). *Flasche* обозначает также меру жидкости. Этим же словом обозначаются античные амфоры и кувшины [24. Fig. 7].

Употребление названий *Krug*, *Kanne*, *Flasche* можно проследить по каталогу повседневной посуды XV–XIX вв. [31]. Здесь нельзя понять семантическое отличие в данных контекстах слов *Kanne* и *Krug*. Сосуды совершенно одинаковых форм называются то так, то этак [31. S. 32–33].

Среди бутылок отметим сосуд экзотической формы — *Kutrolf*, представлявший собой бутылку с четырьмя горлышками, закрученными спирально. В России его называли *кутрофль* [11. С. 219, рис. 1506].

Фляга (походная) — *Feldflasche*, *Flachmann* (карманная, плоская), *Plattflasche* [31. S. 41–46].

Флакон — *Flakon*, *Fläschchen* (бутылочка).

Кружка — *Krug*, *Becher* (бокал) — небольшая кружка; *Schoppen*, *Seidel* — пивная кружка.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Во французском имеется три синонима для обозначения **кувшина**: *cruche*, *cruchon*, *broc* (*bro*).

Графин — *carafe*.

Бутылка — *bouteille*; *canette* (пивная), *bocal*.

Фляга — *gourde*, *fiolle*.

Флакон — *bocal*, *flacon*.

Кружка — *chope*, *bock* (для пива); *quart* (солдатская).

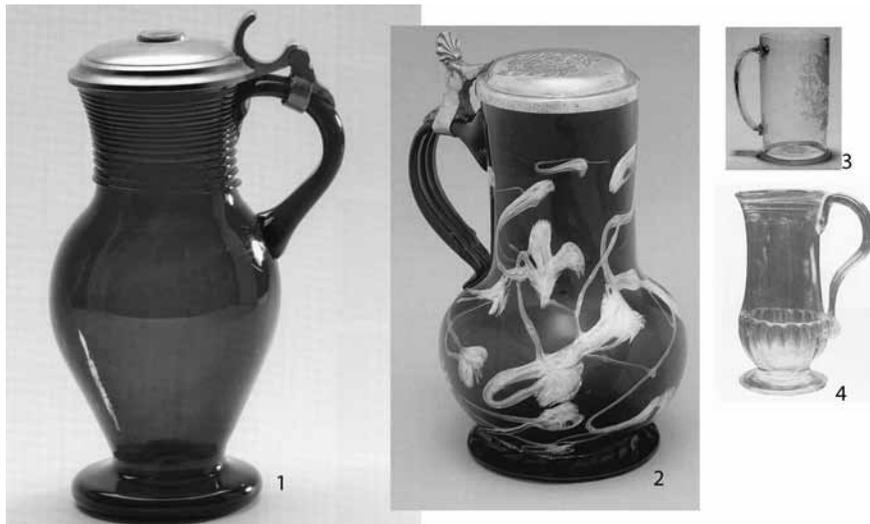
К ним примыкает *pot* — горшок, кувшин; кружка; котелок, чугунок; баночка.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

Для обозначения **кувшина** используются три синонима: *brocca*, *cuccina*, *caraffa*. Употребляется также *boccale* (кружка; кувшин, мера жидких и сыпучих тел (около 2 л)), этим же словом обозначается ночной горшок. Для обозначения маленьких кувшинчиков с трубчатым носиком употребляется слово *ampollina* [35, № 21].

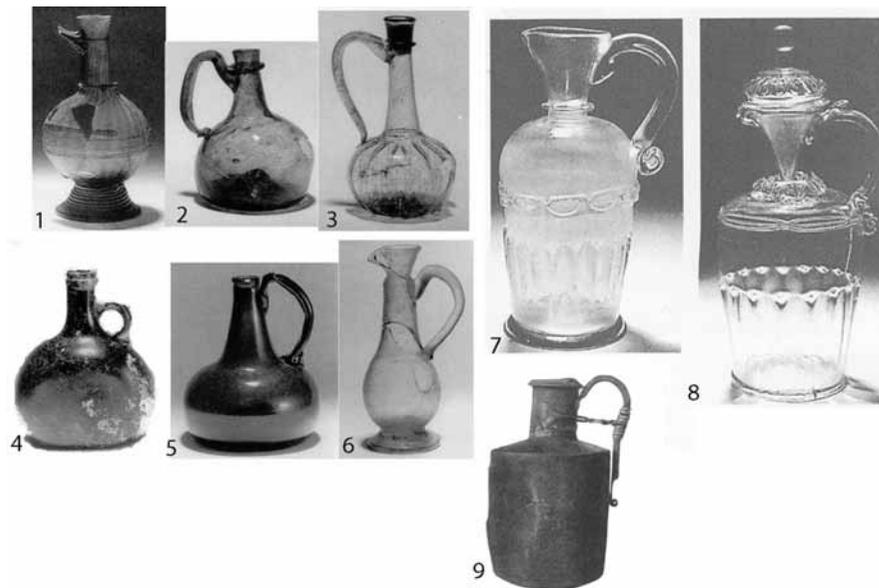
Графин — *caraffa*, *caraffina*, синоним — *cuccina*.

Бутылка — *bottiglia*, *fiasco* (означает также оплетенную бутылку, медицинскую склянку).

Ил. 4. Пивные кружки (Tankard)

1. Кувшин с крышкой / *Krug mit Deckel*. Германия, Hessen. Ок. 1809 г. Стекло [31. С. 32, № 599]
2. *Tankard*. Франция (Nevers). 1716 г. Стекло [22. Р. 49]
3. *Tankard*. Богемия или Германия. 1700–1800 гг. Стекло [30. Р. 243, № 381]
4. *Tankard*. Около 1790 г. Стекло [27. Р. 86, б/н]

Ил. 5. Кувшины или графины (?)

1. *Small jug*. Бельгия (?). Около 1550 г. Стекло [30. Р. 137, № F5177]
2. *Small jug*. Германия или Нидерланды. 1600–1650 гг. Стекло [30. Р. 189, № F5230]
3. *Small jug*. Германия или Нидерланды. 1600–1675 гг. Стекло [30. Р. 189, № F5043]
4. *Handled flask*. Нидерланды (?). 1700 г. Стекло [35. Р. 242, № F5225]
5. *Serwing bottle*. Нидерланды или Англия. 1700–1750 гг. Стекло [30. Р. 242, № F10058]
6. *Cruet* (бутылочка, графинчик для уксуса или масла). Богемия или Германия. 1700–1800 гг. Стекло [30. Р. 242, № F5014]
7. *Decanter jug*. Около 1680 г. Стекло [27. Р. 160, б/н]
8. *Decanter jug*. Около 1685 г. [27. Р. 160, б/н]
9. Кувшин. Систан (Татарский Толкиш). IX–X вв. Металл [5. Табл. 45, рис. 7]

Для обозначения **фляжек** используется название *flasco da Pellegrino* [35, № 7].

Флакон — *flacone, matraccio*.

Кружка — *boccale*.

АНТИЧНОСТЬ

Названия древнегреческих сосудов в русском языке более или менее упорядочены благодаря исследованиям В. Д. Блаватского [1]. В античности были

в ходу многие специализированные высокие сосуды для жидкостей. Для перевозки жидкостей использовали амфоры, для переноски — амфоры и гидрии, к столовым кувшинам относятся ойнохоя, ольпа, лагин (лагос); к туалетным — арибал, алабастр, бомбиллий, лекиф.

Среди латинских названий отметим: кувшин — *urceus* [6. С. 1048]; бутылка — *flasca* — сосуд или мех для вина [6. С. 431] и *flasco* — бутылка для вина [6.

С. 431], а также туалетные и аптечные флаконы — бальзамарии (от латинского *balsamum* ‘благонивие’ [6. С. 125]), унгвентарии (*unguentarium*) [6. С. 1046].

В целом наблюдения над названиями в разных языках показывают ряд особенностей, характеризующих их употребление.

- В английском, немецком, французском существуют специальные слова для обозначения пивной кружки: *bock* (фр.), *Seidel* (нем.), *tankard* (англ.). В итальянском *boccale* употребляется как кружка для пива.

- Во французском *bocal* используется для флакона, аналогично тому, как в английском для флакона применяется *phial, vial*.

- Во французском и русском языках выделяются сосуды для кофе (*кофейник, cafetière*) и чая (*чайник, théière*), тогда как в английском для их обозначения используют слово *pot* (одно из значений — кружка) — *teapot, coffee pot*.

- Можно отметить, что иногда одно и то же слово используется для кувшина и кружки: немецкие *Krug* и *Kanne*, итальянское *boccale*. Во французском слово *pot* значит ‘горшок, кувшин; кружка’, ‘котелок, чугун’, ‘баночка’.

- В английском словами *bottle, flask* могут называть античные амфоры и кувшины [29, табл. 7]; *flask* обозначает также оплетенный кувшин (*jug*).

- Некоторые термины в английском, французском, немецком, итальянском, русском языках восходят к латинским.

- *Fiasco* (итал.), *Flasche* (нем.), *flask* (англ.), *фляжка* (рус.) восходит к слову *flasca* поздней латыни, восходящему к латинскому названию сосуда *vasculum* [28. Р. 216].

- *Bottle* (англ.), *bottiglia* (итал.), *бутыль/бутылка* (рус.) происходят от латинского *buticula, buttis, butis* — бочка [19. Т. 1. С. 254].

- *Pitcher* (англ.) — от латинского *picarium/becarium* — кувшин, чаша (отсюда же англ. *beaker* ‘колба, мензурка’) [36. Р. 1085].

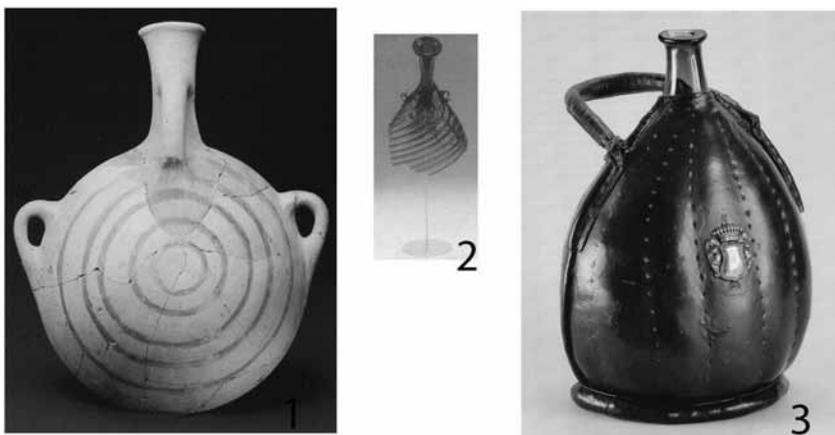
- *Ewer* — от латинского *aquarius (aqua* ‘вода’) [36. Р. 486].

- Интересно использование в английском языке для обозначения флаконов для духов греческого *phial* [28. Р. 1068], также в форме *vial* [28. Р. 1581], притом что первое употребляется и для обозначения широкого мелкого сосуда для питья.

- *Кувшин* по конструкции близок к тарным сосудам, этимологически родственен слову *ковиш*, означающему сосуд для питья [19. Т. 2. С. 397].

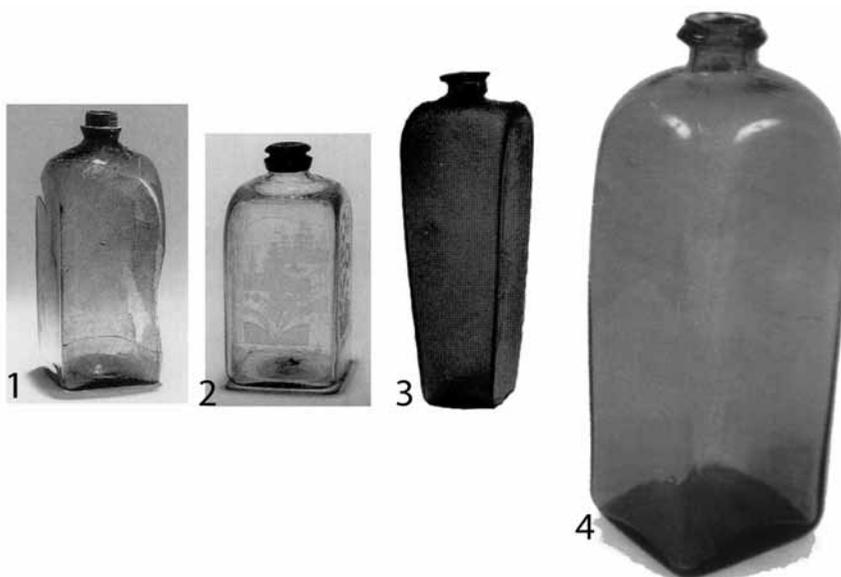
- *Кружка*, по-видимому, происходит от немецкого *Krug* ‘кувшин’ [19. Т. 2. С. 385].

Отметим также слова восточного происхождения. *Кумган* — тюркского

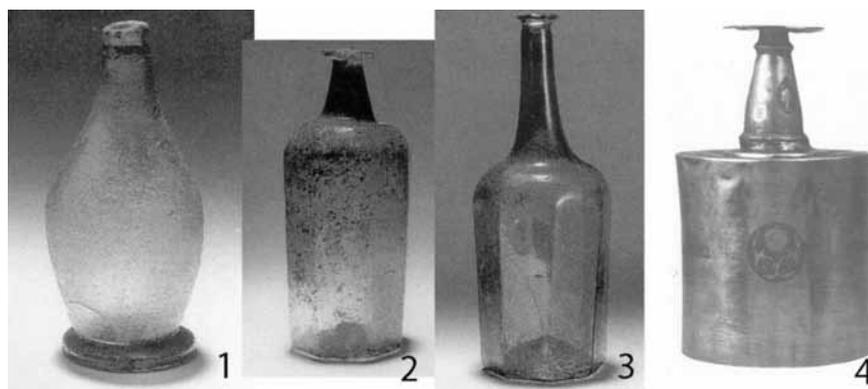
Ил. 6. Фляги

1. Pilgrim flask. Турция. Экийанар. XVIII в. до н.э. Керамика [34. P. 126, № 196]
2. Pilgrim flask. Германия. 1500–1600 гг. Стекло [30. P. 133, № 5048]
3. Plattflasche. Австрия, Тироль. 1701–1800 гг. Стекло [31. S. 43, № 634]

Ил. 7. Штофы

1. Case-bottle neck with pewter (сплав олова со свинцом; сплав на оловянной основе) mount. Нидерланды. 1600–1675 гг. Стекло [30. P. 187, № F5076]
2. Square bottle with pewter mount. Богемия или Германия. Ок. 1700 г. Стекло [30. P. 243, № 495]
3. Бутыл для джина. Gin bottle. Нидерланды (?). 1750–1800 гг. Стекло [30. P. 244, № F10085]
4. Штоф. Англия (?). 1750 г. Стекло [27. P. 50, б/н]

Ил. 8. Бутыли

1. Small bottle. Германия. 1400–1500 гг. Стекло [30. P. 87, № F5134]
2. Bottle. Германия. 1600–1650 гг. Стекло [30. P. 188, № F5021]
3. Bottle muly fasseted. Германия. 1600–1650 гг. Стекло [30. P. 189, № F5020]
4. Бутыль. Тохаристан. XI в. Металл [16, № 61]

происхождения [30. С. 415]; слова, обозначающие в русском и разных языках *графин* (старорус. *карафин*), восходят к арабскому [19. С. 453]. В русском, вероятно, оно появилось через посредство итальянского и немецкого, возможно, и польского. Можно предположить, что именно так назывались сосуды восточного происхождения, которые в английском языке именуется *decanter*, а в русском — *флакон* или *калькой* с английского — *декантер* [10. С. 113].

Мы видим, что во всех европейских языках названия рассматриваемых категорий не разграничены, как и их конструкции. Названия сосудов для жидкостей, как их формы, пересекаются друг с другом, поэтому нет возможности четко отделить исследуемые виды сосудов друг от друга. Разобраться в этом многообразии нам помогут принципы конструирования посуды [11. Гл. 5].

Кувшин. Чтобы жидкость при выливании не растекалась по наружной поверхности, нужен носик или расширение в верхней части сосуда (венчик) [11. С. 217, рис. 145].

Графины, так же как **бутыли,** предназначены для хранения быстро портящихся на воздухе жидкостей. Поэтому горлышко специально делается узким [11. С. 216, 217]. Небольшие ручки иногда добавляют и в конструкцию графина [11. С. 218, рис. 148]. Как кувшины, так и графины должны быть устойчивыми. Устойчивость обеспечивают вогнутое дно или дополнительные элементы — поддон, подножка (ил. 5).

Иногда как разновидность графинов рассматривают **штофы** (ил. 7) — бутылки с граненым туловом и коротким узким горлышком, которые очень устойчивы и практичны в обращении [11. С. 221, рис. 155]. Хотя название восходит к немецкому *Stoff*, как особая форма они выделяются только в русском языке.

У **бутылок** два варианта — столовые и тарные. Столовые бутылки близки к графинам по конструкции, но проще по форме (ил. 8) [11. С. 221]. Бутылки как тара для напитков появляются не ранее конца XVII в. [26. P. 146]. Все более ранние сосуды подобной конструкции относятся к столовой посуде. Парадные бутылки и штофы по конструкции от тарных не отличаются, но можно отметить большие отличия в качестве материала, из которого они изготовлены. Так, парадные бутылки более нарядны; керамические изготовлены из поливной керамики, стеклянные — часто из цветного стекла или украшены разноцветным декором.

Упомянем также старонемецкую бутылку *Kutrolf* — с несколькими спирально закрученными горлышками (ил. 9, № 3). Полагают, что такая форма горлышка обеспечивает более равномерное и медленное выливание жидкости [33].

Ил. 9. Сосуды редких форм

1. Псевдоамфора. Восточное Средиземноморье. Около 1300 г. до н.э. Керамика [18. С. 24, № 559]
2. Кувшин. Турция. Кюльтепе. XIX в. до н.э. Керамика [34. Р. 97]
3. Kutrolf. Германия. 1601–1700 гг. Стекло [35, № 22]
4. Кувшин (jug). Рейнская область или Галлия. I–II вв. Стекло [25. Р. 131, № 99. Cat. № 169]
5. Бутылка портретная. Перу, культура моче. XXI–XIX вв. до н.э. Керамика [23. Р. 32]
6. Бутылка с двумя носиками. Перу, культура наска. IV–VII вв. Керамика [23. Р. 31]

Кружки для пива изготавливают высокими, так как в верхней части требуется свободное пространство для поднимающейся пены [11. С. 230, рис. 181a]. Ручка максимально приближена к центру тяжести, поскольку полностью налитую кружку нужно держать на весу [11. С. 231].

Фляга, по определению В. И. Даля, — плоская бутылка для ношения через плечо на ремне, тесьме [4. Т. 4. С. 742]¹. Следовательно, у нее должны быть ручки для подвешивания и плоское тулово. В некоторых случаях фляжки снабжали оплеткой или кожаным футляром, тогда ручки на самой фляжке не требовались [31. № 631–640] (ил. 6).

Флакон — небольшая бутылочка с узким горлом для аптечных или туалетных жидкостей с узким горлом. Иногда на горле делают желобчатый носик, облегчающий выливание. Античные флаконы иногда снабжены плоским горизонтальным венчиком, предназначенным для растирания вылитой жидкости, как правило, масла.

Анализ конструкции сосудов, а также изучение их наименований демонстрируют отсутствие четких различий как в сфере конструирования, так и в сфере номинации. При этом отличить одну категорию от другой зачастую возможно

только по деталям формы отдельных конструктивных элементов, а также качеству материала.

Как показывает изучение этимологии названий сосудов, входящих в рассматриваемое нечеткое множество, в подавляющем большинстве случаев она восходит к древним наименованиям сосудов в соответствующих языках и к древним заимствованиям в них из латыни и частично других языков, с носителями которых существовали контакты.

В заключение отметим, что анализ конструкций сосудов, входящих в рассматриваемое нечеткое множество, так же как прилагаемых к ним названий в различных языках, дал авторам возможность предложить свои определения категорий, которые помогут при работе с вещами как археологам, так и музейщикам.

Примечания

¹ Ср. современное определение: «1. Плоский сосуд, иногда оплетенный или обшитый чем-л., приспособленный для ношения с собой. 2. Большой сосуд с ручками для перевозки жидкостей; бидон» (Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. М., 1984. С. 572). — *Примеч. редакции.*

Литература

1. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.
2. Боги и герои Древней Греции / под ред. Д. В. Журавлева, Г. А. Ломтадзе. М., 2016.
3. Гуревич Ф. Д., Джанноладян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
5. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.
6. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
7. Древнее искусство греческих островов Эгейского моря: каталог выставки / под ред. А. К. Коровиной. М., [1981].
8. Дулькина Т. И. Русский художественный фаянс XVIII–XX веков. М., 1984. Без пагинации.
9. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Т. 2 / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1988.
10. Кузина И. Н., Зейфер В. А., Янишевский Б. Е. Из новых находок стеклянных сосудов в Переславле Залесском // Археология Подмосковья. 2017. № 13. С. 110–116.
11. Ланцетти А. Г., Нестеренко М. Л. Изготовление художественного стекла. М., 1987.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984.
13. Прикладное искусство Италии в собрании Эрмитажа / авт. вступ. ст. Н. Ю. Бирюков. Л., 1985.
14. Рожанківський В. Ф. Українське художнє скло. Київ, 1959.
15. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
16. Сокровища Приобья / под ред. Б. Маршака, М. Крамаровского. СПб., 1996.
17. Таубе А. М., Литвинова А. В., Миллер А. Д., Даглиш Р. С. Русско-английский словарь. М., 1991.
18. Троя и Фракия: каталог выставки / под ред. А. К. Коровиной, Н. А. Сидоровой. М., 1983.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986.
20. Шапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.
21. Эволюция древнегреческой вазописи // Искусствоед.ру. 2016. URL: <https://iskusstvoed.ru/2016/02/01/jevoljucija-drevnegrechskoj-vazopisi>.
22. Ars vitraria in the Metropolitan Museum of art / dir. de Ph. Montedello. New York, 2001.
23. Guida al Museo internazionale delle ceramiche in Faenza / a cura di C. Casali, V. Mazzotti. Faenza, 2016.
24. Herakleon. Das arhaeologische Museum. Einbildfuerer / hrsg. von J. A. Sakellarkis. Athen, 2005.
25. Kunina N. Ancient glass in the Hermitage collection. St. Petersburg, 1997.
26. McNulty R. H. European green glass bottles of the seventeenth and eighteenth

centuries: a neglected area of study // *Annales du 5 Congrès international d'étude historique du verre*. Prage, 6–11 juillet 1970 / ed. J. Philippe, J. Beguin. Liege, 1972. P. 145–152.
 27. Miller's glass buyer's guide / cons. ed. J. Hayhurst; project ed. C. Gillings. London, 2004.
 28. Oxford dictionary of English etymology / ed. by C. T. Onions. Oxford, 1996.
 29. Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus reculés jusqu'

au XIIIe siècle de n. e. / red. M. Dekowna, J. Olczak. Warszawa; Torun, 2002.
 30. *Ruempel A. P. E., van Dongen A. G. A.* Museum Boymans — van Beuningen Rotterdam. Pre-industrial Utensils 1150–1800. Rotterdam, 1991.
 31. *Schaich B., Schaich D.* Glass des Alltags. Muenchen, 2012.
 32. The Glass Museum / ed. by A. Dorigato. Venice, 2006.

33. The Merchant venturers. URL: https://www.themerchantventurers.co.uk/index.php?main_page=product_info&cPath=7_9&products_id=51.
 34. The museum of Anatolian civilizations. Ankara, 2010.
 35. Vetri. Museo Poldi Pezzoli. Milano. *Le guide del Museo / a cura di M. T. Balboni Brizza*. Milano, 1991.
 36. Webster's new world dictionary / ed. by D. Guralnik. New York, 1982.

Геннадий Исаакович Лопатин,
 независимый исследователь (Гомель, Республика Беларусь)

ТРАДИЦИОННОЕ ТКАЧЕСТВО БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ НЕГЛЮБКА

Аннотация. Статья посвящена традиционному ткачеству д. Неглюбка Ветковского района Гомельской области Беларуси. Публикуются материалы фольклорно-этнографических экспедиций Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова. Поднимаются такие темы, как обучение ткацкому мастерству и мастерицы, рушник в обрядах.

Ключевые слова: ткачество, народный мастер, рушник, обряд, д. Неглюбка Ветковского района Гомельской области

Ткацкие традиции, и в первую очередь неглюбские рушники, сделали деревню Неглюбка¹ Ветковского района Гомельской области известной на всю Беларусь и далеко за ее пределами. Образцы работы местных мастериц: рушники, предметы одежды, покрывала (*посцілкі*) — находятся в фондах многих музеев, среди которых Национальный музей истории и культуры Республики Беларусь, Национальный художественный музей Республики Беларусь, Музей древне-белорусской культуры НАН Республики Беларусь, Гомельский областной краеведческий музей, Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций, Метрополитен-музей (Нью-Йорк). Неглюбские рушники экспонировались на выставках ЭКСПО в Монреале (1967) и Осаке (1970). Подробнее о неглюбских рушниках см.: [1; 2. С. 11, 57, 114–115, 133, 138, 183; 3. С. 196–206; 4. С. 101–109; 5; 6. С. 367; 7. С. 124, 126, 130; 8. С. 1129–1153; 11. С. 92, 113, 144, 183–184; 12. С. 156, 310, 312].

В данной публикации приводятся записи, сделанные ее автором как в самой Неглюбке, так и в поселках, основанных в 1920-е гг. переселенцами из Неглюбки и прилегающих к деревне. До отселения жителей поселков в связи с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС в этих поселках и Неглюбке сохранялась единая традиция. Всего насчитывается девять таких поселков. Все записи, приведенные в публикации, сделаны автором и хранятся в Архиве экспедиционных материалов Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций Ветковского музея старо-

обрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова (и атрибутируются по данным архива), а также в личном архиве автора публикации.

КАК УЧИЛИСЬ ТКАТЬ

Учиться женским ремеслам в Неглюбке начинали, как правило, в семье, у женщин старшего возраста (*мамка, баба*). По словам моих собеседниц, начинали они лет в десять-двенадцать, когда уже могли «дастаць лапу нагамы» и у них уже было достаточно физической силы, чтобы «набелкамы ткаць». Практически любая неглюбская девочка хотела научиться ткать, и это желание поддерживалось старшими. Начинали с простого полотна и постепенно доходили до рушников и покрывал.

1. [Першы рушнік саткала...] Як паднялась... Мне дзесьць гадоў была [СУН, зап. в 2001 г. Тетр. 131. Л. 14].

2. [Самы першы рушнік калі выткалі?] Гадоў тых я ні знаю. Даўно ета было. Хто замуж выходзя, прыходзя: «Атаччы маёй дачцы рушнік!» Я й начинаю... Летам ткала. [Хто вас навучыў?] Баба мая ўмела ткаць, матка слабая была, а была баба — адна, другая, усё дзелалі. Я ў бабу ўдалася [БЕС, зап. в 2002 г. Тетр. 56. Л. 118].

3. Я ткала, дак маленькі узорчык, і толькі із старыннага. А счас ужэ ткуць із кніжак. Мая кума паткала «кацелкі»² із кніжак [СУН, зап. в 1998 г. Тетр. 105. Л. 103].

4. [У каго вучыліся ткаць?] У мамкі ў свае, бабушка ткала... Бабушка ткала, мае мамы дваюрадная цётка, і жыла напрацяка...

У нас жэ вабшчэ у Неглюбцы ткалі. Там рэдка хто ні ткаў... Там жэ ткачы, як абычна. Навучылась... Мне ўжэ была дзвенаццаць гадоў, як я за кросны садзілась ткаць і ткала. Ткаць я навучылась рана, і сястра мая ткала, і мама ткала.

[З чаго пачыналі?] Тады ткалі лён... Лён сеялі і сеялі каноплі... Счас запрашчаюць каноплі сеяць, а тады каноплі сеялі. У канаплі былі такія... То ж вот у кноплях зёрны ёсць, а то — халасцякі, гаварылі... Німа нічога... Выбіралі... Называюцца «посканні»... І тыя посканні выбіралі... Тады, як памалоцяць етыя каноплі, і мачылі ў ваду... Балота ў нас было такая, і мачылі ў ваду, штоб яны ўжэ атмякалі... І лён так жа самая... І тады мялі, тряпалі, і часалі, і тады прялі, і снавалі кросны... І я палатно прастоя ткала... Вот рубашкі шылі дзядам, мужчынам рубашкі, штаны, і сабе шылі... Вот з етага я навучылась ткаць... А тады стала я ткаць пакрывала... «Капу»³ — буду вам гаварыць... Матка снавала... «Буду сама ткаць», — гаварыла. А бабушка мая прыходзя і кажа: «Ну-ка, саджай-ка Веру!.. Хай-ка Вера вучыцца ўжэ...» І мяне пасадзілі. І так я зразу стала ткаць... У школу я не хадзіла... Патаму шта ў школу... Наша сям'я сільна бальшая была... І хадзілі ў школу два браты старшых... І мне абучца не ў шта ўжэ было... Я да новага года пахадзіла ў школу ў першы клас і кінула... Кінула, і бацька гаворы: «Вера, ніхай, як вырасця, дак я... — там у нас была Свяцкая, там адны яўрэі жылі... — Я аддам... — там Арон быў, друг яго... — Я аддам... Жонка яго шые, дак на машыну навучыцца шыць і будзя шыць, будзя хлеб зарабляць...» Ну я і ткаць навучылась. І такала.

[Вы пачалі ткаць, калі вам было дванаццаць гадоў?] Дзвінаццаць... Нада ж дастаць лапу нагамы... І нада набелкамы ткаць, штоб жа сіла... І залезла, і матка на мяне ругаіцца... А яна куды пойдзя ілі... І ткаць яначала... І бачу, што я тку харашо... І яна ўжэ міне не застаўляла, а як яна вылазя, я залажу, я ўжэ тку... Як толькі дзе што ні так троха натку, там нітка парвецца, укладу, шчая ідзёць: «Мам!.. Ні так я заклала, нітку...» Яна прыдзя: «Вот так нада...» І так і разучылася. [Шчая — што такое?] Еслі нітка парвалася, еслі ў ніт закладзёш дзве ніткі ўмесці, будзя дзве ніткі ўмесці іціць, ілі ў бёрда дзве ніткі... Вот ета называіцца шчая... Ета ўжэ рэдка ідзець... «Чэрыз» па полю рэдкарэдка ідзець... Ета ўжэ нада абізацільна вы-

рываць нітку і станавіць, як нада [ПВВ, зап. в 2022 г. Архив Г.И. Лопатина].

5. [Малодка прыходзіць у дом да сваякравы, ужэ начынаюць жыць, адкуль яна бярэ ўзоры — са сваіх рушнікоў ці са сваякрухіных?] Які ёй панаравіцца. Бывае, будзя браць і са сваякрухіных. Такі, што красівейшы ўзор. Я ткала, дак брала із Рассіі [СУН, зап. в 1998 г. Тетр. 105. Л. 103].

О МАСТЕРИЦАХ И РУШНИКАХ

Неглюбские мастерицы старались ткать так, чтобы их «работу не абгаварылі». Распространены стереотипные оценки качества изделия: совершенная работа — когда рушник «як ізліты», «як злівае», несовершенная описывается словами «вераб'і плутаюцца». Ассортимент неглюбских ткачих достаточно традиционный: рушники — полотенца с узорными концами для оформления красных углов, украшения дома, для обрядов и простое полотно, из которого шили одежду; изготавливались *уцірчы* (*уцірки*) — неорнаментированные полотенца для вытирания рук, ношения еды в поле и других утилитарных целей.

6. У нас ткуць, дак у нас ужэ плахіх ніхто не тчэ. А ткуць ўсі харошыя рушнікі. Плахі ататчэш, цябе абгаворыць. Усі рушнікі харошыя [СУН, зап. в 2011 г. Тетр. 131. Л. 14].

7. [Вы неяк казалі пра свой рушнік, што не рушнік, а цар-царэвіч.] Харошы. Харошы, дак я так сказала. [А якія яшчэ бываюць рушнікі, як не цар-царэвіч?] Разныя. Ё такія, што не дадзеланыя... Не звязаныя... Неякія. То ж во вісіць, як цар-царэвіч. Харошы рушнік — там усё адно да аднаго. Счытай, эта цар-царэвіч. А ё такія нескладныя, то вузлы тамачкі, то перамот, дзе нескладна, дзе што. [Чаму ў Неглюбцы самыя лепшыя рушнікі?] А таго, што яны іздзельныя [СУН, зап. в 2001 г. Тетр. 131. Л. 14].

8. Я сваю работу ўгадаю. Мы калісь паехалі ў Чычэрск. Вазілі нас туды на базар. У міне куплялі ручнік. Ярмарка там была. Падносяць каравай нам. Мая свацця і кажа: «Свацця, паглядзі, у тваём рушніку!» Нам ужо ўсім дзялілі тэй каравай [БЕС, зап. в 2002 г. Тетр. 56. Л. 118].

9. Мая тут падруга, рушнікоў трыжды за мяне паткала. Яна, як рушніка ня возьме ў каго, яна не пачане. Я нікагда не брала ні ў каго, нікагда. То із скацеркі вырысуе размерэжаванне, то із сарочкі які набор, то во «слівы» у нас былі, «рожа», «кулачка»⁴. Вот тыя нарысую, і раскрасіць сама раскрасу, і с цвятным, і с чорным, як хочу. У мяне яшчэ ё адзін рушнічок, схавала. Я яго ня умаяла нікому. Вот «кацелка», дзве «кацелкі» палучалась усерадзі і па баках. Я нарысавала перад паставіла па красным, і белым за ткала, і чорным паабганяла. Не красіва. Не наравіцца. Я тэй рушнік іздала. Я ўзяла паткала па чорным, з чорным па белым, уся-

родку пазакладала «лісця» яшчо красным, а абагнала чорным. Красіва. Тэй рушнік у мяне. Тады ўзяла паткала цвятным, чатыры гарных, а тады так цёмных і вішнёвыя такія. Ну такі красівы! Я кажу на яе: «Ну, ты ж бы, колькі ты рушнікоў ператкала, сама вазьмі». — «Я ня здэлаю». А я нікуды. К адной пайшла, кажа: «Я ня дам. Жалею абцапываць. Нікому ня дам». — «Дай мне січас». Я пашла ў скрасенне: «Дай я табе чэраз два часа прынясу». — «Дак ці ты пачанеш чэраз два часы?» — «Тваё ні дзела». Я прышла, расклала, нарысавала, бумагу тую ў карман, рушнік напясла. Прыходзжу: «На твой рушнік». — «А што ты будзіш дзелаць цяпер?» Я ўзяла бумагу выняла: «Во, палядзі-ка, тваі якія яблкі». Яна кажа: «Я б нікагда так ні здэлала». Яна ўжэ ткала іх многа, гаворы: «Я б не-не. Што-што, а ета б ні здэлала» [ХВА, зап. 2005 г. Тетр. 105. Л. 85].

10. [Вы казалі: «Рушнік, як злівае.»] Як злівае. Эта плотна. Была народная пасловіца, дзірэвенская. «Тчэ рушнік, як злівая». Каторыя ткалі, дак аснова была відна между. Абы ў кучу. Абы ў кучу. А то кажа: «Я зліваю». Во ў міне тканы рушнік, я сама ткала. Я яго збіла, і праўда, як ізліла. Ня відна асновы белыя ўжо нідзе. Дак ета абычна гаворы: «Як ізлівала». Эта такая пасловіца была. А то так мякінька яно, рэдзінька, чуць-чуць, дак кажаць: «Там вераб'і будуць плутацца. Эта не ткань, ета вераб'ям толькі плутацца» [ГАИ, зап. в 2011 г. Тетр. 31. Л. 19].

11. [О формуле *вераб'і плутаюцца*.] Дак ета, хто ткаць ні ўмея... [Калі так казалі?] Вот прыдзеш, жэнчына тчэ... Сядзіць яна за краснамы... Тчэ яна, не дабірае, як ткаць... Яна... Дзе махор які, дзе што... Нязбітае... Нада ж ізбіваць роўненька, нада пруг весць роўнінька, штоб ён роўнянічкі быў... А то дзе махор, дзе пруг, дзе што — рэдкае... Там гаварыць «куры ўплутаюцца», ня то шта вераб'і. Так і абгаварываюць бабы. Хто тчэ харашо, а хто... Усякая работа... [ПВВ, зап. в 2022 г. Архив Г.И. Лопатина].

12. [О формуле *як ізліты*.] Казалі... Я вам скажу... У міне жэншчына, яна ўжэ ўмерла... Ёй дзевяноста восем гадоў... Яна ўжэ ўмерла... Жыла чэраз дзверы, і прыходзя ка мне і кажа: «Ой, Вера-Вера, у цябе нільзя сказаць, што ты ткала рушнік сама рукой сваёй, а як із магазіна... Ён які ізліты!.. Як магазінны рушнік!..» А ў другіх, канешна, не... То які косы... Яна не дакумае... Коса ідзець, нада, штоб прямиа было ў краснах, тады будзя ткацца харашо. А як наўскасць, адзін бок уперяд ідзець, другі — услед. Значыць, ета ўжэ не ткань. Эта ўжэ, праўда, там не верабей, а курыцца ўплутаецца. Адзін бок будзя збіты, а другі рэдкі. Там ужэ палец улеза. Усякія людзі, усякія і ткачыі [ПВВ, зап. в 2022 г. Архив Г.И. Лопатина].

РУШНИКИ В ОБРЯДАХ

До настоящего времени в Неглюбке рушники активно используются в свадебном обряде: в них заворачивают хлеб,

когда идут сватать невесту (*ідуць у сваты*); на рушник становятся молодые во время венчания; рушниками наряду с другими тканями одаривают родственников жениха и по приезде к жениху «переукрашают» ими его дом. Более подробно о рушниках в белорусских свадебных обрядах см.: [7. С. 8–10; 8. С. 1154–1157; 11. С. 48–53; 12. С. 54–76]. По воспоминаниям неглюбчан, особое место рушники наряду с другими тканями занимали в похоронных и поминальных обрядах: на рушниках, когда умирили незамужние и неженатые, несли гроб, на рушниках его опускали в могилу [7. С. 8, 9, 12; 8. С. 1157–1160; 11. С. 55–58; 12. С. 77–93]. Особое место в неглюбской традиции занимали обыденные рушники, которые ткали с целью помочь своим близким в случае болезни, в случае мора домашних животных, в случае природных и социальных катаклизмов. Такие рушники изготавливали за один день и жертвовали на оброчные кресты, в церковь или на иконы-«свечи» [9]. Более подробно об оброчных и обыденных рушниках см.: [7. С. 10; 8. С. 1182–1212; 9; 11. С. 58–60; 12. С. 94–118].

13. Я рушнікі шыю і даю сваім: «Во будзіце ў сваты іціць, у рушнік хлеб уварціце...» Січас, і тады было так. А ў каго нічога німа, у палаценца ўверчыюць. У мяне унук жаніўся, дак тожа ў рушніку няслі хлеб [ПВВ, зап. в 2022 г. Архив Г.И. Лопатина].

14. Я дачку аддала, дак я паклала і рушнік, і пасцілку, і кавер, і рушнічкі — эта прыданае. Куды іе павязлі, там ужэ ёй раскідалі па сценах. Як іё сёння прывязлі, сёння і раскідаюць. [Хто раскідаіць?] Із іхняга роду, із маладога. На партрэты, на іконы. [Старыя знімаюць?] Не. Вісяць сваякрухіны, і тады на сваякрухіны накідаюць. А назаўтрыга ўстаюць, знімаюць сваякрухіны, а вешаюць малодкіны. Сама вешаіць.

На дзешку быў платок. Тканы, красны платок — эта на дзешку, на века ложаць, деляць каравай, дак ужэ кладуць [СУН, зап. в 1998 г. Тетр. 105. Л. 103].

15. [Замуж выходзілі, ці былі рушнікі на прыданае?] Былі рушнікі. [Хто іх ткаў?] Сама я тады ішчэ... Я ж вышла замуж... Васімнаццаць гадоў. Адна была ў маткі. Матка ішчэ была маладая, дак сама ета ткала. Я ўжо ткала замужам. Што я тады знала... Васімнаццаць гадоў. У школу хадзіла, вей класу канчала, тады ж ета послі вайны... Да вайны... Я была с трыццаць первага, а вайна пачалася ўжо ў сорок первым гаду. Мы ў школу толькі началі, і вайна пачалася. Дак што я тады ішчэ магла... А вайна кончылася, пашла ў школу, школу акончыла да і замуж пашла. Дак я тады... Мамка ткала. Ткала я сама... Мамкіны падраілі рушнікі, пастарылісь, пааблазілі, дак я ткала сама.

[Колькі рушнікоў у вас было на прыданае?] На прыданае два рушнікі было ўсяго.

Мамка ж і дома аставіла, нада ж была вешаць і сабе. Дак мне было два рушнікі. Лучшых давала, навейшых, а сабе ўжэ старэйшыя астаўляла. А новых мне ўжэ ткала... Замуж новых рушнікоў. [У чым везлі прыданае?] У кубле. Быў саламяны кубел. Ішчэ маткін. Ня мне ўжэ еты кубел гатовіўся, маткін быў стары кубел. Матка ішла із ім замуж. Із саломы сплечены, і крышкай накрываўся. Туды ета ўсё ізлажывалі: бяллё... Кубел еты на калёсы, і везлі. А цяпер ніякіх прыданных ня возяць. Чэмайдан і... Пайшоў. [На які дзень?] На другі дзень ужэ, послі свадзьбы везлі прыданая. Ізразу вязлі пасцель: падушку... Ну, січас жа малыя падушкі... Тады былі длінныя падушкі, тканья с сукна, туды насыпалі пер'я ета курыная. Ета длінная падушка называлась. Клалі, і спалі на ёй маладыя. І пярыны былі с пер'я насыпаны, сукно ткалі самы на краснах, шэрць прялі, а патам ткалі ета сукно. І тады сшывалі, як адзіяла, толькі ўсярэдка насыпалі пер'я. І спалі, еслі зімой свадзьба, спалі маладыя зімой — былі такія клеці падзеланыя, дзірвянныя спецыяльна, где маладыя спалі, — там койку ўжэ дзелалі дзеравянаю, ідуць маладыя туды спаць.

[Калі прывезлі еты кубел, яго куды паставілі ў хаці?] Станавілі ў тую клець, дзе маладыя спалі. Зразу, як вязуць на кані, знімаюць кубел і становяць ў клеці. І там ляжала і плацце, і ўсё... Рушнікі там не ляжалі. Рушнікі ў кубле тады не былі, рушнікі зразу звязуюць у платок, прывозяць, вешаюць рушнікі зразу ў тэй жа дзень, як прывязлі маладою к маладому, а тэй платок, што ўвязаны былі рушнікі, завязывалі на галаву малодкі тады... Тэй жа дзень, як толькі прывязлі маладою, рушнікі павесілі на іконы, а платок еты, што былі завязаны рушнікі, завязывалі малодкі — садзілі на галаву. <...> Первым доўгам вяжуць рушнікі. Малодцы тый платок садзяць на галаву, патам ужо садзяцца дзеляць каравай. Садзяць маладых за стол... Там прывязлі якія падарачкі... Якія ў старыну падарачкі... Саматканая ўсё... То палаценца якая давалі... Цяпер ужо свадзьбу дзелаюць, дак ужо не даюць падаркаў... Давай маладым паболей грошай... А тады давалі падаркі... Свякрूसі давалі... Сцэльніца называлась... Рубашка такая длінная, вышываная белымі ніткамі і з краснымі... І ў падолі была вышыта... Свёкру давалі рубашку вышытаю з манішкай... Так называлась... Манішку вышыванаю... А дзевярям палатна саматканая на штаны... Большаму, прымерна, брату маладога... А тое — уцёральнікі саматканья... Такія былі падаркі... Усё ета была сваімі рукамі дзелана... А ціпер не даюць падаркі <...>. Рушнікі павесілі, ёй платочык на галаву... Патам садзяць за стол маладых... Называюць дружка... Дружка называлася тады... Січас свідзеці і свідзецініца, а тады называўся дзядзя... Ета ад маладога халосты парынь, друг яго... А ад нявесты падруга ці родственніца якая... Дваюродная сястра... Ці хто... Тожа халостая дзевушка... Созьяць етых усіх за стол і дзеляць... Так называўся каравай...

Раздаюць падаркі родственнікам маладога... Раздалі... Вылазьці, маладыя, із-за столля!.. Начынаіцца ўжо свадзёбны пір <...>. Рушнікі на первы дзень прыняслі і павесілі.

[Хто рушнікі вешаў?] Свахі вешалі... У маладога, прымерна, ёсць... Цёткі, маткіна сястра ці сястра старшая, замужняя... Вешалі ўжо родственнікі маладога... У маладога ў хаці вешалі родственнікі маладога... Прыносілі, клалі рушнікі, яны развязывалі самі...

[Песня якая была, калі вешалі рушнікі?]

Маладая Ганначка любіла спаць,
Многа рушнікоў не хацела натыкаць,
А мы свахі не скупыя, ішчэ свае дабавілі,
(Віселі да етых пор маткі маладога
рушнікі.)

І сваю хатачку ўкрасілі,
Штоб была наша хатачка красная
рушнікамі,
А ў маладых штоб жызня была красная
такая,
Як етыя рушнікі.

Наверх, на тыя на маткіны рушнікі вешалі етыя рушнікі.

[Хто ёй платок завязываў?] Замужнія жэншчыны завязалі, замужнія жэншчыны, свадзёбныя, хто на свадзьбі гуляў замужні, завязываў малодкі замужні... Січас у нас у Неглюбкі платок, дак у Неглюбцы ніхто не завяжа. Етыя пазміралі, што ўмелі. Яго нада ўмець завязаць, штоб ён красіва на галаве вісеў, а не абы як. [А вы ўмеіце?] Яго сам сабе не завязыш. Як ету хусту. Узяў да завязаў. А ета нада: ты стаіш, а другая жэншчына на тваей галаве яго завязывае. І созья яго так, штоб ён сядзеў правільна і красіва быў, штоб адзін рог на левы бок, а тый рог сюды лажыўся за вуха за правае. Нада была ўмеўшы. [Любая жэншчына з жаніхова боку?] Любая гуляўшая на свадзьбі, каторая ўмела завязаць. Но толькі нада замужняя, не халостая, а замужняя.

[Ці ставілі маладых на рушнікі?] Не... Тады ж вячаліся. Дак у цэркві, там спецыяльныя былі такія коўрыкі свадзёбныя. На коўрыках на тых... Ета січас ідуць на росьпісь і нясуць пакласць рушнікі. А тады ў цэркві былі свадзёбныя спецыяльныя коўрыкі. Станавілі маладых вячалі [ГАИ, зап. в. 2011 г. Тетр. 131. Л. 22–23].

16. Раньшы мы замуж хадзілі: еслі ў яго рушніка німа — значыць, нявеста плахая. Не нагатовіла. Вот абізацільна пара рушнікоў даўжна быць. Ікону ўжо ўматываць нада ў рушнікі. Ета ўжо вячаюцца, дак пад ногі сцелюць [БЕС, зап. в. 2002 г. Тетр. 56. Л. 118].

17. Дзеўка памірала, дак касу ўжо плялі, кальцо надзьявалі дзеўцы, і няслі яе ўжо — штоб абізацільна дзеўкі няслі на рушніках, не вязлі на кані, ні на чом, няслі. І халасцякоў так насілі, і дзевак. [Халасцякоў хто нёс?] Хлопцы. Хлопцы няслі. [Куды потым тыя рушнікі?] Дамоў прыносілі назад. Ішчэ на рушніках на тых і спускалі гроб у ямку. [Завязкі, што рукі былі завязаны.]

Завязываюць на рукі палаценцы. Січас палаценцы, а хто платкі насавья. А тады палаценца, што самы ткалі на краснах [ППА, зап. в. 2011 г. Тетр. 131. Л. 35–36].

18. Эта проста ляновае. На смерць рэжуць і кладуць у гроб — пераходзіць гарашчую купіну. Як душа будзе пераходзіць морэ. Палатно сцеляць пад бок пакойніку. Гавораць, эта неапалімую купіну пераходзяць па тым палатну [КЕК, зап. в. 2004 г. Тетр. 105. Л. 75].

19. Як дзеўка памрэ, сабіраюць яе таварышак, яны самі прыходзяць і нясуць на рушніках... Тры рушнікі... Па еты бок тры дзеўкі, і па еты... Ушасцёх нясуць... Тады этым дзеўкам за ету дзеўку давалі строжкі⁵. [Што ад той засталіся ці пакупалі?] Калі ў нас памрэ дзеўка... Спецыяльна пакупалі... [ЧЕП, зап. в. 1995 г. Тетр. 56. Л. 2].

20. Хто ямку капае, хто гроб дзелае, хто хрэст — усім перывязываюць рушнікамі рукі. [Рушніком ілі ўцёркай?] Уцёркай! Уцёральнікам... Мужчынам. [Што потым з імі рабілі?] Другія прыхаметы будта дзелалі. У каго рука баліт, дак ужо возьме тое і кажа: «Як у мертвяка не баліць, так штоб у мяне рука [ці нага] не балела». І ўцёркай перывязуе [ЧЕП, зап. в. 1995 г. Тетр. 56. Л. 65].

21. Калі накладаў прыносяць нябожчыка... Поп пахароннае чытае, тады крышку закрываюць, забіваюць... Сцеляць па этай крышцы, коўрыкі крышка займае палатна паверху крышкі і яе создыць у ямку з этым палатном... Тады ета палатно бяруць із крышкі... І ета ўжэ папу [ЧЕП, зап. в. 1995 г. Тетр. 56. Л. 65].

22. Мама (свекровь расказчыцы. — Г. Л.) гаварыла: «Дзетачкі, хоць і рушніка не павесіце, а кажды раз на Радуніцу намётачкі кусок павесыце на хрэст, штоб уцёрцаца» [ЧВИ, зап. в. 1996 г. Тетр. 56. Л. 65].

23. Эта, як я памру, паставяць ікону на хрэст, да і на ікону рушнічок. [Для чаго?] Ня знаю. Эта спрадвеку, штоб ня голы хрэст, штоб красівы быў хрэст [ЧЕП, зап. в. 1996 г. Тетр. 56. Л. 65].

24. [Рушнікі на хрэсьбіны і калі нябожчык (покойнік. — Г. Л.)?] Эта адзінакавая рушнікі. Пакойніку толькі засціляць зеркала. Эта адзінакава прыбіраіш хату, што к пакойніку, што к хрэсьбінам [СУН, зап. в. 1998 г. Тетр. 105. Л. 103].

25. У гроб кладуць пакойніку і пад пояс кладуць яму ўцёркачку ці палаценца, хто кусок мацерыялу якога. Ета называіцца пакойніку «уцёрка». На тэй свет нада. Хто здзелае, з узорам вышыя, а хто не здзелае, чысценькаю кісяю паложы, хто купя, цяпер жа ўцёркакі ўсякія прадаюцца. Хто які сумея пакласць. Уцёркачка для пакойніку — уцёрцаца... Ліцо... [КНМ, зап. в. 2007 г. Тетр. 105. Л. 109].

26. Памёр... Нада абізацільна класць ткане палатно, саматкане... У міне ёсць яно... Саматкане палатно... І тады, як толькі ўжо пасцеляць... У нас жа як... Як памрэ чылавец, уносяць гроб, абсякаюць венікі, што паряцца ў бані, бярэзавыя... Вярхушкі абсякаюць і сцеляць пасцель... А тады сцеляць палатно... Патаму шта так даказываіцца ужо, праўда ці ніпраўда, ты, еслі палатно ў цібе ёсць, рукадзельнае, ты падымаіцца, і ета твая дарога к Госпаду Богу іціць... Ета расцілаіцца... Ета палатно цібе вядзе к Госпаду Богу... Пад бок кладуць, што ты лажылася на палатно... Дзве метры с палавінай палатна атрызаюць і ложаць. Толькі ложаць так... Палатно наізнанак ёсць... Навыварат і ліцо... На ліцо, а навыварат, штоб ляжаў чылавец.

Ліцо ё і выварат ё... Ліцо выбеленнае, белае, а на еты бок яно невыбелінае... Атачэш палатно, і січас яго высцілаіш на снег, і штоб яно выбелівалася... З аднаго боку выбеліваюць, а тады, як сонца, бярэш, на кладкі пярэш... І усё адным бокам... І тчэш жа... Пад іспадам называіцца выварат, а навярху, дзе ты тчэш, ета ліцо... Глядзі, штоб ні мульлічка⁶ ніякага не было... І вышываць жэ пападзе... Штоб ні нітачкі нікія плахія ні папала [ПВВ, зап. в 2022 г. Архив Г.И. Лопатина].

27. Калісь у каго дзеці не раслі, родзіцца, нядзель дзве пажыве, памірае — давалі аброк людзі. Яго атачкуць, колькі паспеюць за дзень... На ікону вешаюць: хто — на Божжаю Мацерь, хто на Міколу, хто на Панціліймана. У цэркавь — і на ікону вешалі. Уранні сядзь, і пакуль сонца не зайдзе [ЧАВ, зап. в 1998 г. Тетр. 62. Л. 47–46].

28. Ета старыя людзі расказывалі, што дзелалі абудзённы рушнік за адзін дзень... Каторыя людзі... Бальшоя няшчасце у дварэ... І абрыкаліся... Сабіралі малых дзевачак і етыя рушнічкі снавалі, ткалі і етыя рушнічкі насілі ў цэркву, у Кіев ходам хадзілі калісь. Сійчас етага німа ў нас, і не здэлаюць у нас. Мы яшчэ маладыя. Ета ж расказываюць нашы дзяды, бабы, маткі. Дзевачак сабіруць маленькіх, заказываюць, яны прядуць. Яно ішло на ляркаства куда-та. Такая горэ чалавеку ў сям'е праісхадзіла...

Іх насілі ў Кіев яшчэ ходам. Была ў нас старуха, яна насіла ў цэркву, у Пачаеў, у Кіев тыя рушнікі. А сейчас ніхто ў нас етага ня дзелае, ужэ тых людзей старых нет. [Толькі маленькія?] Канешна, дзелалі маленькія дзевачкі. Гадоў па дзеванаццаць дзевачак збіралі. Эта ж у дзевяць яна не сумея яго. Толькі малыя дзевачкі. Я сколькі разоў чула. Разговор быў. [На калодзезі не насілі?] На калодцы абудзённікі не насілі. У нас, к прымеру, етага я не знаю. На калодцы — ён не называўся «абудзённікі». «Абрычонны». Каля калодца стаяла ікона. І чалавек абрыкаецца, які рушнічок павеся. [Спецыяльна не ткалі?] Не, бралі любой [БУИ, зап. в 1996 г. Тетр. 56. Л. 33].

Примечания

¹ См. мою публикацию о фольклоре Неглюбки: [10].

² *Кацелка* — название орнаментального знака. Перечень названий орнаментальных знаков неглюбской традиций включает в себя 221 позицию [1. С. 94–125]. Результаты всестороннего изучения традиции, в том числе и семантики орнаментальных знаков, отражены в исследованиях Г. Г. Нечаевой, которые представлены 46 публикациями. Частично они приводятся в библиографии к монографии О. А. Лобачевской [7. С. 229].

³ *Капа* — покрывало.

⁴ *Слывы, рожя, кулачка* — орнаментальные знаки, см. примеч. 2.

⁵ *Строжкі* — ленты.

⁶ *Мульле, мульлічка* — изъян, погрешность.

Литература

1. Арнаменты Падняпроўя / аўт. тэксту Г. Р. Нячаева і інш.; навук. рэд. Я. М. Сахута; фота А. В. Чыжова, Г. Р. Нячаевай. Мінск, 2004.

2. Беларускі фальклор у сучасных запісах: традыцыйныя жанры. Гомельская вобласць / уклад. В. А. Захарава і інш.; уклад. муз. часткі У. І. Раговіч. Мінск, 1989.

3. Беларускія народныя тканіны ў зборы Дзяржаўнага мастацкага музея БССР: каталог / Дзяржаўны мастацкі музей БССР. Мінск, 1979.

4. Веткаўскі музей народнай творчасці: альбом / склад. Г. Р. Нячаева і інш. Мінск, 1994.

5. *Жабінская М. П.* Мастацтва сяла Неглюбка. Мінск, 1976.

6. *Жабінская М. П.*, *Трызна Дз. С.* Неглюбскія ручнікі // *Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін [гал. рэд.] і інш.* Мінск, 1989. С. 366–367.

7. *Лабачэўская В. А.* Поваязь часоў — беларускі ручнік = Связь времен — белорусский рушник: альбом. Минск, 2002.

8. *Лабачэўская В. А.* Традыцыйны народны тэкстыль // *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе: у 2 кн. Кн. 2 / А. М. Боганева [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай.* Мінск, 2013. С. 1129–1153.

9. *Лопатин Г. И.* К вопросу изучения традиций обыденных тканей на Ветковщине // *Ручник у прасторы і часе: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. 19–20 лістапада 1998 года, Мінск / агул. рэд. В. А. Лабачэўскай.* Мінск, 2000. С. 110–115.

10. *Лопатин Г. И.* «Ну усё раўно ты будзіш палезна людзям...» // *ЖС.* 2013. № 1. С. 36–38.

11. *Фадзеева В. Я.* Беларуская народная вышыўка. Мінск, 1991.

12. *Фадзеева В. Я.* Беларускі ручнік. Мінск, 1994.

Список информантов

БЕС — Басукова Евдокия Степановна, 1930 г.р., д. Неглюбка.

БУИ — Барсукова Ульяна Ивановна, 1948 г.р., пос. Свобода.

ГАИ — Герасимено Анна Ивановна, 1931 г.р., д. Неглюбка.

КЕК — Кроценок Евфросинья Кирилловна, 1924 г.р., д. Неглюбка.

КНМ — Кротенок Нина Михайловна, 1924 г.р., пос. Свобода.

ПВВ — Приходько Вера Васильевна, 1935 г.р., пос. Свобода.

ППА — Приходько Палина Андреевна, 1928 г.р., д. Неглюбка.

СУН — Соломенная Ульяна Николаевна, 1932 г.р., д. Неглюбка.

ХВА — Халюкова Валентина Александровна, 1931 г.р., д. Неглюбка.

ЧАВ — Черная Анна Владимировна, 1932 г.р., пос. Репище.

ЧВИ — Чваркова Валентина Ивановна, 1936 г.р., пос. Лядо.

ЧЕП — Чваркова Евфросинья Павловна, 1916 г.р., пос. Лядо.

Ирина Борисовна Качинская,

кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«ПЛАТОЧИКИ»

(с. Ивановка, Республика Азербайджан)

Аннотация. В селе Ивановка, где уже два столетия живут русские молокане, обнаружился необычный письменный источник — предназначенные для подарков платки, на которых по краю для красоты крестиком вышиты строки из песен, стихотворные сентенции. Вышивки дают представление о народных песнях, бытовавших в селе, а наивное письмо вышивки отразило многие черты говора.

Ключевые слова: русский фольклор Азербайджана, наивное письмо, вышивка на платках

Крупнейшее русское село Азербайджана — Ивановка в Исмаиллинском районе — было образовано в середине XIX в. молоканами — русскими протестантами, которых при Александре I и Николае I массово сослали на Кавказ и расселяли по территории Грузии, Армении и Азербайджана. На начало 1990-х гг. в Азербайджане было около 30 русских деревень, населенных молоканами, молоканами-прыгунами и духоборами. К настоящему времени большинство деревень либо полностью вымерло, либо в них почти не осталось русского населения. Многие молокане

Интерьер дома в Ивановке

Печь в доме в Ивановке

Молоканская служба. Мужчины и женщины сидят отдельно друг от друга. Во время службы особым образом распевают псалмы

перебрались в Ивановку из других деревень, «чтобы было с кем молиться».

В начале XX в. в Ивановке появилась баптистская церковь, сегодня прихожан в ней, может быть, даже больше, чем в молоканской, есть и небольшая община пятидесятников. Весь Азербайджан, однако, по-прежнему считает всех жителей Ивановки молоканами. Религиозные разногласия в Ивановке встречаются даже в пределах одной семьи, т.е. бывает, что члены семьи принадлежат к разным конфессиям. Для исследователей культуры это оказывается не столь важным, так как всё местное русское население имеет общую историю, по крайней мере последние 200 лет, одинаковые обычаи, язык, культуру, фольклор, т.е. и баптисты, и пятидесятники — это бывшие молокане или выходцы из семей молокан.

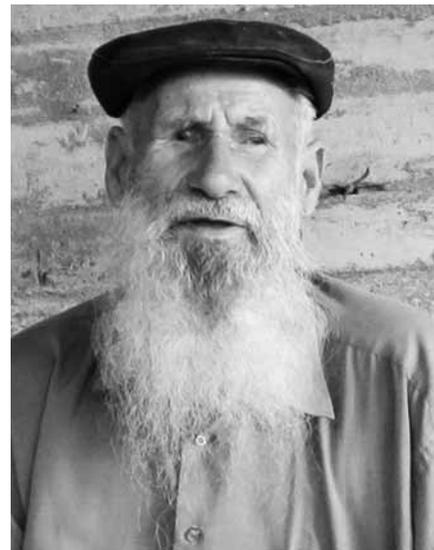
Очень много упоминаний об Ивановке в Интернете, у села есть свой сайт (<https://ivanovka.net>), где представлено достаточно много интереснейших материалов, в том числе, например, видеоролик «Молитва старейшин в Ивановке перед уборкой урожая» (июнь 2020 г.)¹. Хотя население Ивановки составляет около 3 тыс. человек, оно стремительно тает: старшее поколение умирает, молодежь выезжает в города Азербайджана или в Россию, Белоруссию, на Украину.

Русская культура в Азербайджане исследовалась достаточно активно: записывался русский фольклор, в 1970–1980-е гг. ученые и преподаватели Бакинского государственного университета проводили экспедиции в русские села, в результате появился «Словарь русского островного говора Азербайджана»², куда вошли материалы более чем из 20 населенных пунктов. Изучением молокан как этноконфессиональной группы занимались многие исследователи: лингвисты и фольклористы, музыковеды и историки, такие как С.Е. Никитина, И.А. Малахова, О.И. Самарина, Н.М. Савельева, Е.В. Зайцев, А.С. Чернов и мн. др. С 2010 г. филологический факультет Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Баку проводит в Ивановке студенческие практики: фольклорную и диалектологическую. Фольклористами и диалектологами накоплен значительный материал, имеются публикации³. Часть расшифрованных текстов готовится к размещению в Корпусе диалектных текстов Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru; <https://ruscorpora.ru/new/?search-dialect.html>).

В с. Ивановка был обнаружен необычный письменный источник, в котором достаточно ярко проявились особенности местного говора. Это вышитые «крестиком» платочки, в центре которых расположены симметричные узоры, а по краям в три или в два ряда тоже «крестиком» вышиты строчки из популярных народных песен.

Похороны. Старцы на беседе в доме покойного

Пресвитер молоканской церкви Василий Терентьевич Прокофьев (1934–2021)

Вышивание букв и текстов на платках и полотенцах — явление достаточно распространенное. Чаще всего вышиваются монограммы. Иногда вышиваются пожелания, пословицы, сентенции, см., например, вышивку на концах рушника

из музея в Коломенском: *еслилюбиш увотрись а нелюбишъ аткажись.*

На рушнике из Ивановки, подаренном Анной Тимофеевной Жабиной сестре Анастасии, имеется монограмма АЖ, после которой располагается сен-

тенция: *неживи как хочеться а живи/и как бог велит где бог та!*⁴. Концы полотенца сшиты не в той последовательности, в которой следует читать текст, а сентенция недописана, т.е. недовышита. Но хозяйка дома Анастасия Тимофеевна

Рушник из музея «Коломенское». Фото М. Соломатиной. 2020 г.

Рушник из музея «Коломенское». Фото М. Соломатиной. 2020 г.

Анна Тимофеевна Алексеева, в девичестве Жабина (1940–2018)

Рушник с монограммой АЖ (Анна Жабина). Многоцветная вышивка, розы, кружево

Рушник с монограммой АЖ (Анна Жабина). Одноцветная вышивка, кружево

Анастасия Тимофеевна Козловцева (1937–2021), в девичестве Жабина, сестра Анны Тимофеевны, и ее муж, Василий Михайлович Козловцев (1930 г.р.)

и ее муж Василий Михайлович Козловцевы уверяли меня, что это совершенно неважно, потому что ведь все «и так знают», что дальше там должно быть: *Где Бог, там любовь.*

В Ивановке каждая девушка вышивала платочки еще до замужества в количестве 15–20 штук. При сватанье первый платочек невеста дарила жениху в знак согласия на брак, остальные дарились родственникам жениха и подружкам.

Платочек представлял собой тонкое полотно со стороной квадрата в 50–70 см, складывался он особым образом — так, чтобы хорошо был виден центральный

узор, а посередине закалывался красивой брошкой. Часть текста оказывалась заложенной в складки, иногда складки прошивались вручную или на швейной машинке так, чтобы платок уже нельзя было развернуть. Платок вешали на видное место в виде украшения.

Мне посчастливилось увидеть несколько таких платочков в четырех разных домах. За давностью лет жители Ивановки уже забыли, кто именно вышивал и кто подарил им эти платки. Поэтому в подписях к фотографиям указаны только те, кому принадлежит или принадлежал тот или иной платок.

Формальное разделение на слова в тексте отсутствует, но каждое слово могло быть вышито своим цветом, хотя и не всегда (в расшифровке для удобства чтения слова разделены. В тех случаях, когда разделение уже имелось, оно сохранено). Надпись на платочке выполнялась в несколько рядов (в три или два) по периметру от края к середине («Вот отсюда читаешь — кругом, кругом, кругом»). Композиция надписи была следующая: в начале шел зачин *На память.* В конце могла быть подпись вышивальщицы платка (*Нюра*). До подписи мог идти призыв «помнить» или «не забывать» — как

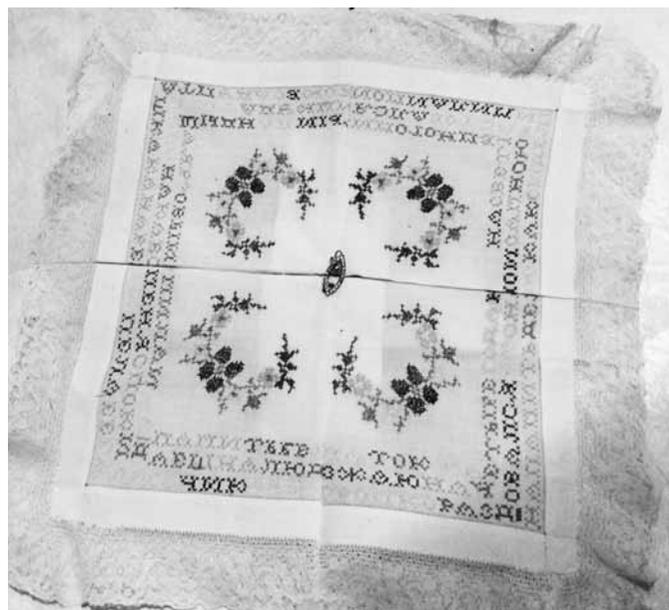
Сшитые вместе концы рушника с надписью: «Не живи как хочется а жив//и как бог велит где бог та[м любовь]». Рушник принадлежал Анастасии Тимофеевне Козловцевой (в девичестве Жабиной), вышит ее сестрой Анной Тимофеевной Алексеевой (в девичестве Жабиной)

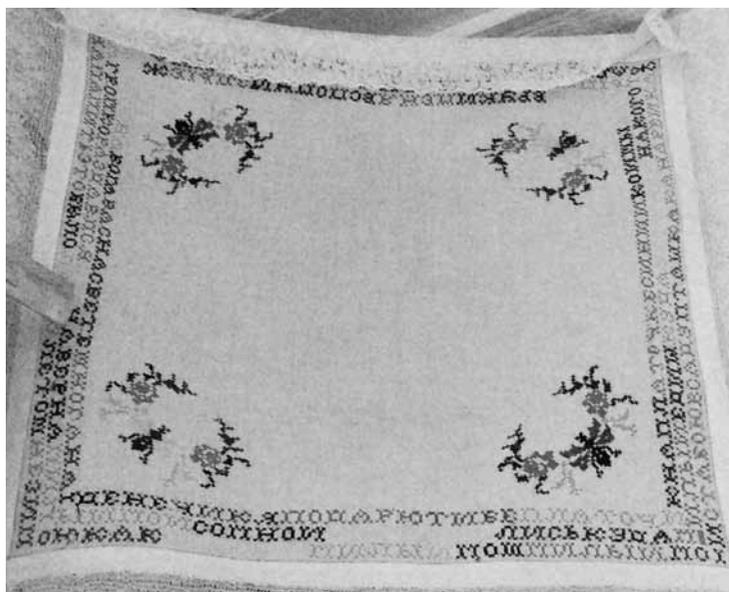
Сложенный платок

Сложенный платок

Сложенный платок

Платок 1, принадлежал Анне Тимофеевне Алексеевой (в девичестве Жабиной, 1940–2018)

Платок 2, принадлежал Анне Тимофеевне Алексеевой (в девичестве Жабиной, 1940–2018)

правило, из финала народных песен. Строки из песен могли идти подряд, иногда — как отдельные разрозненные фразы. Часто фразы обрываются, иногда на полуслове; как правило, это связано с тем, что надпись по периметру подходит к краю ряда. Хотя в других случаях ничто не мешало вышивальщице даже одну букву от слова «переносить» на другую сторону, под углом 90 градусов. У вышивальщицы не было задачи превратить стопку платочков в страницы песенника, т.е. отобразить на платке весь текст песни или часть песни: песенный репертуар был всем хорошо знаком. Читать текст не предполагалось, он выполнял чисто эстетическую функцию.

Приведем примеры аутентичных записей на платочках и реконструкцию записей, их «перевод». Полу жирным шрифтом выделены ошибки вышивальщицы: опiski, а также буквы, написание которых не

соответствует стандартной орфографии и часто отражает произношение. Знаком // показан переход строки. Иногда в углу платка при переходе на другую строку вышивалась не буква, а красивый цветной «столбик», порой в середине слова.

Платок 1 принадлежал Анне Тимофеевне Алексеевой. Это тот же платок, который на фотографии (с. 24, внизу) подвешен в углу комнаты под потолком. Верхняя часть текста в две строки закрыта кружевом. Некоторые слова не читаются, так как выцвели нитки мулине. Нечитаемый текст здесь и далее обозначен знаком купюры в квадратных скобках [...]. Реконструкция (в правой части таблицы) тоже дается в квадратных скобках (в очевидных случаях скобки опущены). Знаки препинания отсутствуют и в реконструкции не восстановлены, но, где это возможно, дается строфическое построение.

Платок в углу комнаты

Аутентичный текст	Реконструкция
<p>низ, 1-й ряд: 1) на <i>память</i> это было лет[ом] летом не зим// 2) ою как [...] милыи мои милыи мои // 3) и с <i>табою</i> в саду пташка канарейка // 4) жал[обно] [...] //</p> <p>средний ряд: 1) <i>громко раздавля</i>ся [...] <i>наверна</i> мил// 2) <i>ыи</i> мои со мною [...] <i>лись</i> куда м// 3) <i>илыи едиш</i> куда [...] <i>на кого т</i>// 4) <i>ы ме[ня]</i> [...]</p> <p>верх, 3-й ряд: 1) [...] <i>на бога вас на свете многа на</i> // 2) <i>денечик</i> я подарю тебе платочу// 3) <i>к на платочке синии</i> коимы [...] // 4) [...] <i>в руки меня вспомни алые ж</i>//</p>	<p>На память Это было летом летом не зимою как [прощался] милый мой милый и с тобою в саду пташка канарейка жал[обно] [запела] [...]</p> <p>громко раздавался наверно, милый мой со мной [прощался] куда милый едешь куда [...] на кого ты ме[ня оставляешь]</p> <p>[оставляю] на Бога вас на свете много на денечек я подарю тебе платочек на платочке синие коймы [возьмешь] в руки меня вспомни алые [...]</p>

Платок 2 также принадлежал Анне Тимофеевне Алексеевой. Кое-где нитки выцвели и текст не читается.

Аутентичный текст	Реконструкция
<p>низ, 1-й ряд: 1) на <i>память</i> [нету] года без июня нету // 2) мая [без] цветов нет <i>любовь</i> без поцелуя // 3) в поцелуе вся л[юбовь] [<i>ваш</i>]ивала я // 4) <i>платочик</i> и не знала <i>коу</i> дать <i>пашол</i> м//</p> <p>средний ряд: 1) <i>илаи</i> во <i>салдаты</i> [...] <i>слезы утира</i>// 2) <i>ть</i> мои [...] <i>летуночик</i> лет// 3) и мимо <i>крыши</i> <i>передаися</i> мои [...] // 4) [...] <i>ухажору</i> [...] <i>вашивала</i> //</p> <p>верх, 3-й ряд: 1) я <i>платочик</i> <i>слезы</i> капали на гр// 2) <i>удь</i> я вздохнула и сказала ты <i>мне</i> // 3) <i>милаи</i> не <i>забу</i>ть <i>незабудочка</i> ц// 4) <i>веточик</i> <i>назабудочка</i> <i>трав</i>а не заб//</p>	<p>На память [Нету] года без июня нету мая [без] цветов нет люб[ви] без поцелуя в поцелуе вся любовь</p> <p>Вышивала я платочек и не знала, ко[м]у дать Пошел милый во солдаты [свои] слезы утирать</p> <p>Мой [...] летуночек лети мимо крыши передай[тесь] мои [...] ухажёру [...]</p> <p>Вышивала я платочек слезы капали на грудь Я вздохнула и сказала ты меня милый не забудь</p> <p>Незабудочка цветочек незабудочка трава не заб...</p>

Платок 3, принадлежал Анне Тимофеевне Алексеевой (в девичестве Жабиной, 1940–2018)

Платок 4, принадлежит Марье Васильевне Прокофьевой, 1934 г.р., жене пресвитера Василия Терентьевича Прокофьева

Платок 3 также принадлежал Анне Тимофеевне Алексеевой.

Аутентичный текст	Реконструкция
<p>низ, 1-й ряд: 1) <i>напамять</i> люблю я цветы <i>пал</i>// 2) <i>евые</i> люблю я за ними <i>хадить</i> // 3) люблю я глаза <i>галубые</i> наверх// 4) <i>на</i> придется забыть <i>агонь гар</i>//</p> <p>средний ряд: 1) <i>ить</i> <i>пылаеть</i> любовь <i>сильнеи</i> // 2) <i>агна агонь</i> <i>зальеш</i> <i>вадою</i> люб// 3) <i>овь</i> ничем <i>нельзя</i> люблю <i>теб</i>// 4) <i>е</i> мои <i>драгои</i> люблю <i>тебя</i> к//</p> <p>верх, 3-й ряд: 1) <i>ак</i> [...] <i>воду</i> люблю <i>тебе</i> <i>ка</i>// 2) <i>к брат</i> <i>сестру</i> люблю <i>тебе</i> <i>я</i> // 3) <i>слишк</i>ам много <i>в глаза</i> <i>ска</i>// 4) <i>зать</i> я <i>нимагу</i> <i>зачем</i> <i>нюра</i></p>	<p>На память Люблю я цветы полевые люблю я за ними ходить Люблю я глаза голубые наверно придется забыть</p> <p>Огонь горит пылает любовь сильней огня Огонь зальешь водою любовь ничем нельзя</p> <p>Люблю тебя мой дорогой люблю тебя как [рыба] воду люблю тебя как брат сестру люблю тебя я слишком много в глаза сказать я не могу</p> <p>зачем Нюра</p>

Платок 4 принадлежит Марье Васильевне Прокофьевой, 1934 г.р. Слова здесь разделены маленьким вышитым крестиком.

Аутентичный текст	Реконструкция
<p>низ, 1-й ряд: 1) <i>на</i> <i>памить</i> <i>паиду</i> <i>сгоре</i> <i>в</i> <i>чистаю</i> <i>полю</i> // 2) <i>влес</i> <i>зеленый</i> <i>пагулять</i> <i>шумну</i> к// 3) <i>рикну</i> <i>сваим</i> <i>громким</i> <i>галаском</i> <i>дик</i>// 4) <i>и</i> <i>звери</i> <i>саберитесь</i> <i>выкамне</i> <i>ра</i>//</p> <p>средний ряд: 1) <i>зорвите</i> <i>растерзаити</i> <i>телу</i> <i>белю</i> <i>ма</i>// 2) <i>ю</i> <i>выньти</i> <i>серцу</i> <i>отнесите</i> <i>друг</i> // 3) <i>у</i> <i>маему</i> <i>вернаму</i> <i>пусть</i> <i>он</i> <i>вспомни</i>// 4) <i>ть</i> <i>и</i> <i>пасмотрит</i> <i>что</i> <i>насвети</i> //</p> <p>верх 3-й ряд 1) <i>нет</i> <i>меня</i> <i>ивазми</i> <i>беленкии</i> <i>пла</i>// 2) <i>точек</i> <i>разганю</i> <i>вполе</i> <i>туман</i> <i>я</i> // 3) <i>страдала</i> <i>и</i> <i>узнала</i> <i>что</i> <i>влюбови</i> 4) <i>есть</i> <i>обман</i> <i>я</i> <i>дарю</i> <i>тибе</i> <i>пла</i></p>	<p>На память Пойду с горя в чисто поле в лес зеленый погулять шумну крикну своим громким голоском</p> <p>Дикие звери соберитесь вы ко мне разорвите растерзайте тело белое моё</p> <p>Выньте сердце отнесите другу моему верному пусть он вспомнит и посмотрит что на свете нет меня</p> <p>Возьму беленький платочек разгоню в поле туман я страдала и узнала что в любви есть обман</p> <p>Я дарю тебе пла...</p>

Платок 5 принадлежал Михаилу Тимофеевичу Жабину (1934–2022). Вышивка в два ряда.

Аутентичный текст	Реконструкция
<p>низ, 1-й ряд: 1) <i>на</i> <i>памить</i> <i>нет</i> <i>душистаго</i> <i>таво</i> <i>врем</i>// 2) <i>я</i> <i>кагда</i> <i>ландыши</i> <i>цветут</i> <i>нет</i> <i>миле</i>// 3) <i>я</i> <i>таво</i> <i>имя</i> <i>как</i> <i>миленыка</i> <i>завуть</i> // 4) <i>милаи</i> <i>мои</i> <i>душистаи</i> <i>ландыш</i> <i>а</i> //</p> <p>верх, 2-й ряд: 1) <i>я</i> <i>розываи</i> <i>цветок</i> <i>вот</i> <i>тибе</i> <i>мила</i>// 2) <i>и</i> <i>на</i> <i>памить</i> <i>белый</i> <i>вышитый</i> <i>пл</i>// 3) <i>аток</i> <i>вот</i> <i>тибе</i> <i>милаи</i> <i>напамить</i> // 4) <i>я</i> <i>платочик</i> <i>падарю</i> <i>а</i> <i>платочи</i>//</p>	<p>На память Нет душистей того время когда ландыши цветут Нет милее того имя как миленочка зовут</p> <p>Милый мой душистый ландыш а я розовый цветок вот тебе милый на память белый вышитый платок</p> <p>Вот тебе, милый, на память я платочек подарю А платочек...</p>

Марья Васильевна Прокофьева показывает платок

Платок 5, принадлежит Михаилу Тимофеевичу Жабину, 1934 г.р.

Платок 6 принадлежал Анастасии Тимофеевне Козловцевой (в девичестве Жабиной, родной сестре Анны Тимофеевны и Михаила Тимофеевича, 1937–2021). Именно этот платок оказался сшитым. Кроме того, нитки в первом нижнем ряду кое-где сильно выцвели. Поэтому текст восстанавливается с трудом.

Аутентичный текст	Реконструкция
<p>низ, 1-й ряд (сильно выцвел): <i>напамить де//</i> <i>[...]каю сидел //</i> <i>[и] милаи мои [бож] в саду пта//</i> <i>шка канареи//</i> <i>[...] пела</i> <i>[...] чию [...] разд//</i> ов</p> <p>средний ряд: <i>[...] меня споки //</i> <i>даеш на люд [...] зжаю на //</i> <i>овался [...] // кои са мною //</i> <i>[...]овался // аю куда [...] //</i> <i>[...]наю або // меня спою</i></p> <p>верх, 3-й ряд: <i>памить бе [...] тою [...] // четыре года н//</i> <i>// [...] на свет//</i> <i>е много мильи ландыш //</i> <i>а я рзовыи //</i> <i>милаи [на]</i></p>	<p>На память <i>[...] сидел и милый мой [...]</i></p> <p>в саду пташка канарей[ка жалобно за] пела <i>[...] раздав[ался]</i></p> <p>[милый] меня спокидаеш на люд[ей] [...] уезжаю на [...] [...]</p> <p>Память [...] четыре года На свете много милый ландыш а я розовый [...] милый [...]</p>

Вышивка во многих случаях представляет собой так называемое фонетическое письмо и отражает особенности говора с. Ивановка. В **фонетике** это нейтрализация гласных после твердых согласных в первом предупредительном слоге (аканье): *агонь, гарить, вадою, дарагои, пашол, сваим, галаском, ка мне, пасмотрить, разганю, таво, кагда, завуть, во салдаты*; нейтрализация гласных в остальных слогах: *паиду, палевые, галубые, падарю, пагулять, саберитесь, маему, вернаму, наверна, слишкам, милай, душистай*. Есть случаи мены /и/ на [а]: *вашивала* и /о/ на [ы]: *розываи*. Нейтрализация гласных после мягких согласных в первом и непервом предупредительном (в том числе заударном) слогах: *тибе, нимагу, памить, на свети,*

платочик, летуночик, цветочик, рас-терзаити, выньти; милья. Буква *о* после шипящего (вместо орфографического *е*) отражает произношение [о] перед твердым согласным под ударением: *пашол*.

Особенности грамматики. **Глагол:** мягкий [т'] в 3 л. глаголов: *гарить, пылаеть, вспомнить, пасмотрить, завуть*. **Существительное.** Для говора характерен распад категории среднего рода, что тоже отразилось в вышивке: *выньти сердцу, в чистаю полю, телу бел(у)ю мою, паиду сгоре (= пойду с горя)*. **Прилагательное:** стяженная форма — *дики звери*. **Местоимение:** в род. и вин. падежах форма *тебе: люблю тебе (= тебя)* или мне: *ты мне милай не забыть* (повидимому, пропущена буква в форме мене, но этот звук мог редуцироваться до

Михаил Тимофеевич Жабин (1934–2022) помощник пресвитера молоканской церкви, родной брат Анастасии Тимофеевны Козловцевой и Анны Тимофеевны Жабиной

нуля). В окончании род. и вин. пажедей отразилось произношение звука [в] на месте буквы *г*: *таво*.

Имеется несколько «описок» — если это слово применимо к вышивке: *назабудочка* (вместо *незабудочка*), пропуск букв: *коу* (вместо *кому*), *белю* (вместо *белую*), *миленыка* (по-видимому, вместо *милёночка*). Отсутствие *ь*: *вазми*, *беленкии*; отсутствие *ь* во 2 л. ед. ч. глагола после шипящего: *зальеши*. Отражены также некоторые особенности синтаксиса.

У молокан Ивановки не сохранилось памяти о том, из каких мест России они были изгнаны. Как и для старообрядцев, им важно было сохранить не память о «малой родине», а религиозную идентичность. Но в вышивках на платках отразились особенности устной речи, а анализ фонетики и грамматики поз-

воляет предположить связь говора Ивановки с восточной зоной южнорусского наречия, т.е. с рязанскими, тамбовскими и воронежскими говорами. Аутентичные вышивки дают представление и о народных песнях, бытовавших в Ивановке.

Примечания

¹ Молитву читает пресвитер Василий Терентьевич Прокофьев (1934–2021). См.: <https://ivanovka.net/молитва-старейшин-в-ивановке-перед-уб>.

² Словарь русского островного говора Азербайджана / Л. Г. Гулиева, Ф. А. Мамедбейли, Э. А. Гейдарова, Г. О. Керимова. 2-е изд., доп. Баку, 2006.

³ *Качинская И. Б.* Необычный письменный источник: вышивка на платках (русские молокане на Кавказе) // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы междунар. конф. 26–28 октября

2018 г. / отв. ред. О. Е. Кармакова. М., 2018. С. 116–118; *Kacinskaya I.* Русские молокане в Азербайджане: аутентичные надписи вышивкой на платках // *Folklor milli kimlik kontekstində: mövzusunda beynəlxalq elmi konfransın materialları*. Bakı, 2019. S. 132–135; *Ivanova A. A.* Конфессиональная идентичность как фактор формирования фольклорной традиции и ее сохранения в иноэтническом окружении // *Folklor milli kimlik kontekstində: mövzusunda beynəlxalq elmi konfransın materialları*. Bakı, 2019. S. 146–150.

⁴ Знаком // здесь и далее обозначается конец (переход) строки. В данном случае первый фрагмент текста вышит на одном конце полотенца, а второй фрагмент — на другом.

Все фотографии, если это специально не оговаривается, сделаны автором в 2014–2018 гг.

Екатерина Александровна Клюйкова,

кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Светлана Юрьевна Королёва,

кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

МАТЕРИАЛИЗОВАННАЯ ПАМЯТЬ. ВЕЩИ В УСТНЫХ РАССКАЗАХ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ

Аннотация. Публикация посвящена роли вещей в сохранении памяти о не существующем ныне заводе. Представлены фрагменты интервью, записанные в экспедиции Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Пермского государственного национального исследовательского университета в Юсьвинском районе Пермского края. Кратко описаны экспозиция местного музея, домашние коллекции и отдельные значимые для жителей предметы.

Ключевые слова: Урал, Юсьвинский район Пермского края, Майкорский металлургический завод, Майкорский музей, горнозаводская культура, заводская этнография, устная память, предметный нарратив

Уральские горные заводы активно открывались в XVIII — первой трети XIX в., значительное их число располагалось в сельской местности. Горнозаводские рабочие составляли своего рода середину между горожанами и крестьянами: с первыми их сближала склонность к ремесленным промыслам и рукоделию, со вторыми — необходимость содержать домашний скот и заниматься огородничеством [7. С. 89]. Массовое закрытие небольших промышленных предприятий пришлось на вторую половину XIX — начало XX в. По разным причинам они закрывались и позднее.

Майкорский металлургический завод просуществовал полтора столетия: он был основан в 1811 г., а исчез в 1955 г., когда его территория попала в зону затопления при создании Камского водохранилища. После этого главным предприятием в поселке Майкор Перм-

ского края стал Иньвенский сплавной рейд. Там работали бывшие заводчане и жители близлежащих затопленных деревень, переехавшие в поселок. Массовый приток новых рабочих, продолжительное существование сплава, кризис предприятия в постсоветское время и новая экономическая действительность — всё это делает неактуальной прежнюю «заводскую» идентичность и размывает память о заводе¹. В то же время напоминанием об индустриальном прошлом служит местный музей, установленный мемориальный знак, а также множество «непреднамеренных» знаков — от специфических заводских микротопонимов и производственной терминологии, сохраняющейся в речевом обиходе майкорцев², до связанных с заводом предметов, используемых в сельском быту.

Роль вещного мира в построении локальной и семейной истории изучается

историками, этнографами и фольклористами. В 2020 г. в ходе специального полевого исследования сотрудники Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Пермского государственного национального исследовательского университета записали устные рассказы о Майкорском заводе и оставшихся от него вещах³. Нашими собеседниками стали представители второго поколения жителей «постзаводского» Майкора, которые делились своими детскими впечатлениями и/или пересказывали услышанное от старших родственников. Материальный пласт поселковой культуры, отразившийся в нарративах, интересен с точки зрения заводской этнографии и исследований памяти. В этой публикации мы представим часть собранного фотоматериала и наиболее информативные фрагменты интервью.

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ И СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Полевое исследование позволило выявить несколько форм сохранения памяти о заводе. Центральным институтом, актуализирующим знание локальной истории, является Майкорский музей, который — что символично — располагается в бывшем доме главного инженера⁴. Музей оказывается и основным местом хранения заводских вещей. Часть коллекции составляет домашняя утварь (в том числе переданная бывшими заводчанами), а также заводские изделия, мебель, фотографии и документы. Предприятие специализировалось на выпуске листового железа, однако производило и разнообразные предметы быта [8. С. 174]. Во время экскурсии по музею его директор Нина Андреевна Швецова акцентирует внимание на вещах с заводскими клеймами, характеризуя их как «святое» (текст № 1).

Памятный знак «Металлургический завод 1811–1955». Фото О. Б. Ситёвой

За годы работы у Нины Андреевны сформировался особый экскурсионный рассказ: его основу составляют факты из истории завода, дополняемые отсылками к поселковому ландшафту и собственными воспоминаниями. Как и в других локальных и семейных музеях, в Майкорском музее преобладает предметный нарратив, который сообщает, как данная вещь использовалась в повседневном быту и какое отношение она имеет к конкретным событиям в жизни человека и его семьи; такое повествование дискретно, так как «может начинаться с рассказа о любом из экспонатов», и предметно, так как

«немисливо вне этих материальных свидетельств» [4. С. 283].

Для Н. А. Швецевой история завода приобретает личное измерение, поскольку там работали ее прадед и два деда. Представляя тот или иной экспонат, она вспоминает случаи из их жизни и существовавший в доме уклад. Так, в описании мебели, изготовленной заводскими краснодеревщиками, Нина Андреевна включает информацию о своем деде-краснодеревщике, репрессированном в 1930-е гг. (№ 3). Как отмечает Н. С. Душаква, «...биографический нарратив не может выстраиваться без опоры на материальное». Рассказывая о своей

Металлическая голова льва — декоративный элемент с заводского здания в с. Пожва, перевезенный в Майкор и смонтированный в частный дом. Фото С. Ю. Королёвой

Кованая водосточная труба, сделанная на заводе. Фото из архива Н. А. Швецевой

(или чужой, но знакомой) жизни, люди говорят о значимых для них предметах, и эти предметы «выступают как опорные точки памяти» [1. С. 237].

1. [Здание музея]. И ещё, пока не забыла: вот кроме того, что это господский дом... вот, видите? [Показывает на дверцу печи.] «Майкорский металлургический завод». Это святое тут! [ШНА].

2. [Быт заводчан. Самовары]. Постепенно сюда [на завод] стали приходить, видимо, и наше местное население. Потому что выгодно было. Они получали, знаете, с завода, ну, какую-то копеечку, хотя они были все приписные рабочие <...>. А уж те, кто отличились, там получали по 30 рублей премии. <...> На заводе можно было получить копеечку, в отличие от крестьян, которые натуральное хозяйство [вели], всё! И поэтому у меня [в музее] в том зале стоят самовары. Это немножко не соответствует: самовары — это не крестьянская культура, они не могли купить самовар, это мог себе позволить только рабочий! Накопить и купить самовар — это был даже показатель, что если в доме самовар, то вот! [ШНА].

3. [Мастера-краснодеревщики и самодельная мебель]. Вот тут сейчас я начну хвалить себя, свою семью. [Смеется.] Во-первых, на этом заводе работал мой прадед Максим Аверьянович, а потом мой дед Алексей Максимович. Он [дед] был инженером, ну, мастером, не инженером. <...> Моего деда расстреляли, не смотря на то что в его семье было 12 детей! На заводе остался работать мой дед Алексей Максимович, значит, тогда. До [19]37 года он был мастером-краснодеревщиком. <...> Вот такая вот мебель, она была в каждом доме, и у нас тоже были столы сделаны своими руками, шкафчики сделаны своими руками, даже часы, которые открывались, — всё было сделано: краснодеревщик-мастер! А поскольку постольку он был человеком очень умелым, на него донесли. Кроме того, что он как сын эсера... что ещё якобы он делал ружья подпольно. Потом стало известно, что донёс на него двоюродный брат. Это, понимаете, было сведение личных счётов. И вот такую мебель, вот такие стулья краснодеревщики, они делали. То есть дед у меня был очень мастеровой. На фотографии, если надо, я могу показать: <...> он сидит среди заводского начальства с такой окладистой бородой [ШНА].

4. [Кованые водосточные трубы]. [Были сливы вот какие-то фигурные, чтобы дождь по трубам стекал.] [ШНА:] А на моём доме, помните, какие красивые были? Вот это вот с цветочками. [КВФ:] Да. С цветочками — это тоже на заводе делали же. [А их как называли?] [ШНА:] Водосточная труба. У меня рядом, в соседнем доме, она просто прямая была. А у нас-то видите, у нас же дед-то был мастер. Вот я и говорю, поэтому какие-то цветочки были. Но хранить это всё где вот это?

Металлическая табакерка, изготовленная А. И. Тютюковым. Фото С. Ю. Королёвой

Печная дверца с надписью ММЗ (Майковский металлургический завод) в здании музея. Фото С. Ю. Королёвой

Навершие печной трубы. Фото С. Ю. Королёвой

Самодельный ковш на бочке с водой. Фото С. Ю. Королёвой

Газетница из ткани. Фото А. В. Королёва

5. [Это желоба были квадратные раньше?] Да, стоковые. Здесь были полукруглые желоба, вот здесь на специальных крючьях, там под крышу сделанные. А по углам вот такие, смотрите, как вороночкой, квадратные, всё, и изогнутые так немножко... и на них цветочки. [А цветочки выкованы?] Выкованы, да, заклёпаны там всё это. [На многих домах раньше были такие?] Раньше это постоянно, здесь многие дома, они имели вот такие [желоба], потому что железо своё было там. А рабочие, вот которые ремесленники, могли такое делать. Вот у Нины Андреевны отец, он по металлу хорошо работал. <...> [А из железа что ещё могли делать?] Желоба, всякие там вот приспособления, эти ковшики [ШНГ].

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ И СПОНТАННОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ

Другой формой хранения памяти являются частные коллекции предметов. В нашей подборке представлены отрывки из интервью с двумя жителями Майкора, которые коллекционируют относящиеся к заводу вещи. Символическая значимость этих предметов в той

или иной мере связана и с историей семьи их владельцев.

В доме краеведа Тамары Александровны Невוליной хранятся вещи, которые нельзя в полной мере назвать заводскими, к истории предприятия они имеют скорее косвенное отношение. От австрийского специалиста, приезжавшего руководить строительством электростанции, необходимой для расширения завода, в доме осталась дореволюционная немецкая газетница (№ 6). Большинство предметов напоминает Тамаре Александровне о ее отце, который, работая сначала дежурным электриком, а затем заводским сторожем, в свободное время изготавливал из металла и других материалов различные хозяйственный инвентарь, в том числе на продажу. Старые вещи, которые в процессе хранения включаются в разные «ансамбли и предметные контексты» [6. С. 42–43], имеют для хозяйки прежде всего субъективную ценность. Часть из них она использует до сих пор (№ 8, 9)⁵.

Другая коллекция хранится в доме Рината Хуснуловича Гарифулина. Семья

его деда в 1930-е гг. была раскулачена и выслана с территории современного Татарстана в Прикамье. По этой причине время существования завода почти не является для Рината Хуснуловича предметом ностальгии. Его мать и тетя были заняты на тяжелых работах; об этом напоминают, к примеру, доставшиеся от тети вилы для разгрузки кокса (№ 10). В то же время Р. Х. Гарифулин собирает заводские предметы «для реликвии». Его во многом спонтанная коллекция состоит из вещей, оставшихся от бывших хозяев дома, и самостоятельно найденных предметов. В их числе — напольная плита с узором, обнаруженная под фундаментом старого дома (№ 12). Важно и само желание владельца показать вещи — «материальные носители памяти»: демонстрация подобных предметов вообще часто сопровождается нарративы о прошлом [2. С. 6].

6. [Немецкая газетница]. А это вот от немцев, что у бабушки жили, газетница. Вот, видите рисунок? — отвалились уже нитки, дак им уже сколько. [А почему от немцев? Как попала?] Завод стал расширяться, для

Нина Андреевна Швецова проводит экскурсию по музею. Фото А. В. Королёва

Самодельные кованые трости.
Фото С. Ю. Королёвой

Самодельный нож (металл, цветная
пластмасса). Фото С. Ю. Королёвой

этого нужно построить электростанцию, специалистов нет. Приехали специалисты: один немец семейный, второй холостой, он австрийский подданный. И вот этот немец с семьёй у нас жили в доме. <...> И от них осталась вот эта газетница. Остались часы вот эти немецкие хорошие, брат их забрал на память себе. Осталось... может быть, вот этот буфет от них или не от них, вот не знаю. [Но это ещё до войны, получается, было?] Это, конечно, до войны. Это начало 1900-х, я щас уже забываю [НТА].

7. [Самовар]. Икона вверху висела, в праздники зажигали свечку, и над одним столом над таким лампадка очень красивая, у бабушки была. Я её искала-искала, лампадку, не нашла, куда она делась, не знаю. Самовар у бабушки был ведёрный, огромный, которым всех угощали: кто бы ни пришёл, кто бы ни появился — всё сразу за стол, чаем, быстро заваривали. Воду для чая носили с ключа, там у нас ниже больницы ключ есть, оттуда, на чай только оттуда носили воду [НТА].

8. [Самодельные предметы обихода]. Мама у нас предприимчивая была, а папа вот уменец был. Он делал гребёнки, гребешки, всякую всячину!.. На работе, он дежурный электрик. [Тоже металлические были?] Да. Табакерка есть, хочу в музей отдать тоже. <...> Вот завод в [19]39-м начали восстанавливать, а он [отец] уже не работник! Он сторожил только на заводе, чё-то охранял. Тросточки сам делал ходил, металлические. Сейчас они цветы вон подпирают, ставлю. [На заводе тросточки делал?] Да. Он

у нас очень рукастый был, он всё делал, много всего. [Не только для себя?] И продавали! Во время войны мама меняла на хлеб в деревне, возила... Папа много всего делал! И людям просто вот. Знали, что он хорошо делает и не отказывается. Семью-то надо было содержать всячески... Да, много, и расчёски, и гребешки, скрепки! Ой, и ковшики такие железные. Вот один у меня есть, кстати. Небольшой... он с дыркой, но я его замазала, я коровяк развожу, удобрение, и поливаю. [А маленького размера ковшик, вот он для чего?] Я не знаю, мы же маленькие были, поливались — для поливки, наверное, папа сделал, не знаю. Они разных размеров: побольше, поменьше, и всё, но один вот громадный медный [НТА].

9. [Табакерка]. [Значит, эту табакерку сделал ваш...] Папа, да. [Что это за год (выгравирован)?] Год его рождения, [1]904-й, его год рождения. Это фамилия, отчество — инициалы его. Тетюков Александр Иванович. [А что такое номер 105?] А номер 105 — у нас номер дома был 105. Улица Ленина, номер 105. Ну, потом изменился. <...> [А тут звёздочка, звезда.] Вот в армии... шили во время войны кисеты и посылали посылками. Кисет — он же рвётся. Вот он себе соорудил, сделал [табакерку], которая не ломается, и махорка не высыпается. Махорку сеяли сами: вот такие лопухи — мы пололи, потом эту махорку сушили. <...> Вот таких он много мундштуков делал, вот я выбросила остальные, несколько штук было. [Ага, это мундштуки?] Он вставлял сюда и курил махорку. <...> Вот такую штуку, вот расчёски точно такие же делал. Нарезал

Зажиточная майкорская семья позирует фотографу. На улице вынесена редкая и дорогая по тем временам швейная машинка, а один из членов семьи сидит верхом на лошади. Фотограф Павел Баянов, 1910-е гг. Архив Т. А. Невониной

Дети из обеспеченной майкорской семьи, на ногах у всех кожаная обувь. Фотограф Павел Баянов, 1910-е гг. Архив Т. А. Невониной

зубчики, пластинка и зубчики, и всё — вот такие лёгкие расчёски. Мама носила. [Ну, а это ножик?] Это нож, да, вот набирал так вот... Я час его так, где поковырять надо, держу. Так набирали ручку. Это, знаете, из расчёсок, из чего ещё? — пластмассовое что было, подбирали по цветам, чтоб красиво выглядело. [Я бы ни за что бы не подумала, что это самодельное.] Самодельное, да,

и это самодельно! Всё! Это из кости животных. <...> Всякие станки, всё в заводе это ж было. А он дежурный как электрик, у его свободное время было, и он в это свободное время чё-нибудь всё делал [НТА].

10. [Вилы для разгрузки кокса]. [ГРХ:] Это вилы, кокс выгружала тётка моя. <...> [ГАЮ:] Надо же поднять, а то их [вилы] не

поднимешь. [ГРХ:] Кокс-то, он был лёгкий. Вот они выгружали этот кокс. Вот тётка у меня работала. [А как ими можно что-то выгружать? Там одни вилы-то едва поднимешь!] [ГАЮ:] Да ещё полуголодные. [ГРХ:] Здесь вилу-то одну [поднять] — это какая тяжесть! <...> [ГАЮ:] А вот ещё вот это ковши-ки, тоже они. [Это самодельные, получается?] Самодельные, может, уже после этого,

Ринат Хуснулович Гарифулин показывает вилы для разгрузки кокса. Фото А. В. Королёва

Напольная металлическая плита. Фото С. Ю. Королёвой

Подковы для простой (слева) и заводской лошади (справа). Фото А. В. Королёва

наверное. Это по наследству уже от дома. [ГРХ:] Это, видимо, в заводе делали.

11. [Подкова заводской лошади]. [А скажите, вот эта подкова вам от хозяйки дома досталась?] Да. <...> В заводе-то лошади возили! Эти, как его, чугуно-то! Возили на лошадях, их грузили такие... это лошади-то большие были, как их, битюги называли этих лошадей. И эти-то подковы от больших лошадей [ГРХ].

12. [Металлическая плита]. [А может, есть какие-то металлические вещи с завода?] [ГРХ:] Есть! Металлическая плита у меня есть. Для реликвии хотел всё это... Тоже завод выливал. Редкость такая плита. Там рисунки такие. [А для чего она нужна была?] Это плиты были такие. <...> [ГАЮ:] Оно под фундаментом было, вот тут дом был... [ГРХ:] Заводской, не заводской дом был. [ГАЮ:] Когда дом разобрали, мы оттуда вот, ну лежит-лежит, и принесли вот тут как-то... [ГРХ:] Кирпичи, фундамент был заложен, берёста и вот эта плита была, их несколько штук <...> А в том доме мы жили — весь огород застенен был булыжником. Это вот с завода, от чугуна остаток весь. <...> [А многие люди вот так находят у себя в огороде?]

И деньги находили эти, и медные такие пятаки, и золотую [монету] находили.

ЗАВОДСКОЙ КИРПИЧ И ПРОЧИЕ ПРЕДМЕТЫ

Майкорского завода нет уже более 60 лет. Интервью показывают, что в ответ на расспросы о том, что от него осталось, жители поселка чаще всего рассказывают о бывших заводских строениях, а также о металлических изделиях с клеймами (№ 13, 14). В популярности с ними неожиданно конкурирует еще один предмет — заводской кирпич, производившийся на заводе и/или оставшийся от разобранных зданий. Образцы такого кирпича хранятся не только в фонде музея, но и в личных подворьях майкорцев — причем цель его хранения — не только утилитарная, но и меморативная. В устных нарративах заводской кирпич частично мифологизируется: и он сам, и сложенные из него объекты (домашние печи и т.п.) наделяются сверхпрочностью и другими положительными качествами (№ 16–18). Идеализированное описание контрастирует с реальным положением дел, поскольку использование старого

кирпича затруднено из-за несовпадения его размера с современным стандартом, но это не смущает рассказчиков.

Хорошо известна привязанность жителей деревни к прошлому и истории своего рода через вещный мир — родовые дома, могилы предков [5. С. 7]. В заводских поселках, помимо этого, имеет значение привязанность к заводским строениям и предметам — в том числе как к части семейного прошлого и знакам локальной идентичности.

13. [Изделия с клеймами]. Сосед вот рассказывал: у нас металлоломщики сдавали, говорит, листы там, они клеймённые даже были. Там производство князя Львова или чё. Вот два рельса воткнутых стоят. [Ничего себе! А вот это вообще для чего здесь рельсы воткнуты?] Поленицу, дрова они у него держали. <...> Вот завод когда разбирали, там много всего стащили, и эти рельсы [ШНГ]°.

14. [КВФ:] Мы росли около этого завода, вот знали, что это завод... [МЛФ:] Демидовский. <...> [ЧТФ:] Ну, мы слышали, что демидовский, а там хозяева-то были другие, Демидов-то уже ведь позднее ску-

пил всё. <...> [МЛФ:] У нас было, у печки... [КВФ:] На дверке. [МЛФ:] И там написано: «Демидов». Да. [Да вы что?!] [КВФ:] Дак на всех чугунных изделиях было так, да. <...> [МЛФ:] Да, да, «Демидов». <...> [А на чём ещё?] Где же ещё видела?.. Ключка какая-то была. [ЧТФ:] Ну дак они всё там из чугуна-то выливали. [Что за ключка?] [МЛФ:] Ну вот для печки... [КВФ:] В печке мешать. Кочерга! [МЛФ:] И там тоже что-то было. Она так закручена, вот так по спирали, по спирали, вот эта ручка. [ЧТФ:] Дак умельцы-то ведь всякие были. [МЛФ:] И вот там тоже клеймо какое-то было.

15. [Заводская лопата]. [Вот ваш папа что-то делал, мастерил?] Нет, ребята, не мастерил. Просто, знаете, вы сказали про инструменты, я сразу вспомнила. Как-то мы разгребали борозды в огороде. Пашется, и гребутся борозды. Вот, а Татьяне, она маленькая тогда была, дочке у меня, ей не хватило лопаты. И она вытащила совковую лопату — самую здоровую, большую. Папа захохотал. Я говорю: «Пап, ты чё смеёшься?» Грит: «Ну, Танюшка, ты, — грит, — как раз взяла лопату по своему росту, по твоей это...» Я говорю: «Что такое?» А лопата — черенок здоровый, вот. Представляете совковую лопату? Вот она такая. Но у ней края все сточенные уже вот так вот. «Этой, — говорит, — лопатой я в домну уголь кидал. Смотри, — говорит, — вся она уже сточена. Вот, нормально, Танька, греб!» <...> [Дак он, получается, с завода эту лопату домой принёс?] Ну, она как... его,

не его была, но в общем, да, он как память принес. Дак он там с 15 лет работал [СОБ].

16. [Заводской кирпич]. Вот это, кстати, кирпичи, которые остались от доменной печи. Вот кирпич очень тяжёлый. Это мне принесла моя знакомая, приятельница, она стала разбирать печку. Кирпичи, которые делал пленный немец Шульц. <...> У нас здесь строили церковь, и вот прямые-то кирпичи делал как раз немец Шульц... Девки месили ногами... Девки месили глину. <...> [А те кирпичи чем примечательны? Почему они тоже (в музее) лежат?] Они остатки от доменной печи. Видите, они пустотелые, ну, с какой целью, я не знаю. Или там тепло держалось, или что [ШНА].

17. Кирпич-то ведь крепкий, с этим не сравнить, вот его можно десять раз печку переложить, и он всё терпит. [Это ещё дореволюционный, старый?] Да, старый кирпич. [А он был местного производства?] Местного. Вот парк, и дальше идёт обрыв книзу, вот тут глину брали, и подъём с реки — вот тут глина, видимо, очень хорошего качества. <...> [А известно, что из этого кирпича здесь построено?] На фундамент, на печи брали, всё-всё, всё машиной развозили, заплати, там сколько надо. [Сохранились в домах сейчас печки из этого кирпича?] Да у меня щас есть несколько кирпичей таких старых. [А можно сфотографировать?] Ну, это вот надо на улице. Есть, ему ничего не сделается! И они немножко размером отличаются от наших.

Тамара Александровна Неволлина.
Фото А. В. Королёва

Если вот сложены попали, с таким печь не получается ровно вот. У меня передельвали камин, облицовку сняли, вроде аккуратно подогнали, я начала плитку лепить — всё, не получатся! Чуть выступает он, чуть пошире, чуть повыше. Он размер немножко это другой, да [НТА].

18. [ГРХ:] А кирпич делали тоже в заводе. Там другой совсем кирпич. Он и щас есть у нас вот он. [А расскажите, чем другой?] Он стандартный — такой большой кирпич какой-то, а наш сейчас поменьше. А в то время он крепкий такой, это его об-

Рабочие Майкорского завода; сидящие в переднем ряду обуты в лапти. 1914 г. Из фондов Майкорского музея

Семья майковского почтмейстера. Фотограф Павел Баянов, 1910-е гг. Архив Т. А. Невониной

жигали там специально, печи были, тоже кирпич-то. [ГАЮ:] И поставлено «зэ» буква — или «завод». Или буква «зэ» ли. Вот на этих кирпичках. [Это хороший кирпич?] Хороший, наверное! [ГРХ:] Да, он крепкий, до сих пор его... он крепкий такой кирпич. [ГАЮ:] Вот эти вот печи-то у нас, вот этот дом в [19]62-м году, вот эти кирпичи и есть. [ГРХ:] Тоже заводской кирпич. [ГАЮ:] Вот русская печка внизу у нас, тоже того же года, всё время же она, русская печка-то, топилась каждый день. Мы только сейчас не топим. [ГРХ:] Кирпич-то большой он, хороший! Крепкий такой. И сейчас всё ещё: «О! Заводской кирпич». Когда печи или чё: «Вот заводской он кирпич». Он крепкий такой, хороший кирпич был. [Но, говорят, он немножко по размеру не совпадает с современным?] Он больше, больше размером был этот кирпич. [ГАЮ:] С этими не совпадает. [И печки ремонтировать трудно.] [ГРХ:] Да! [ГАЮ:] Надо или вот заводские только, или вот подогнать надо... Они у нас и сейчас есть. Вот я покажу вам.

Примечания

¹ О заводской идентичности и ее следах у бывших жителей уральских горных заводов см.: [9].

² Подробнее об этом см.: [3].

³ В выезде принимали участие С. Ю. Королёва (руководитель экспедиции), М. А. Брюханова, А. В. Королёв; расшифровка аудиозаписей М. А. Брюхановой.

⁴ Музей в пос. Майкор был основан в 1970 г. Н. М. Слобожаниновым, бывшим рабочим завода, впоследствии краеведом и первым директором музея.

⁵ Интерес к краеведению подвиг Т. А. Невонины сохранить фотографии, запечатлевшие представителей завод-

ской администрации, семьи служащих и дореволюционные виды Майкора. Она пересняла их у местного фотолюбителя, который, в свою очередь, обнаружил эти редкие кадры на стеклянных пластинах в доме, где проживал первый майковский фотограф Павел Самуилович Баянов.

⁶ На одном рельсе часть надписи срезана, на другом она читается почти полностью: «Демидова НТЗ III МЦА 1899» (Демидова Нижне-Тагильский завод; март 1899 — дата производства рельсов).

Литература

1. Душакова Н. С. Материальность миграции: вещи в устных историях о переселениях старообрядцев // Вещь — символ — знак в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М., 2019. С. 232–245.

2. Душакова Н. С. Память запечатленная: предметы «старинны» в нарративах старообрядцев // ЖС. 2019. № 1. С. 5–7.

3. Королёва С. Ю., Ключикова Е. А. Память о Майковском заводе в языке и семейных рассказах местных жителей // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 118–133.

4. Морозов И. А., Слепцова И. С. «Ключ от дома бабушки»: предметные и визуальные нарративы в пространстве семейной памяти // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 276–297.

5. Первичные знаки / назначенная реальность / С. Б. Адоньева, И. С. Веселова, Ю. Ю. Мариничева, Л. Ф. Петрова (Матвиевская). СПб., 2017.

6. Петров Н. В. Брюки, аэростаты и ночевки в метро: война в личных нарративах и семейной памяти москвичей // ЖС. 2020. № 1. С. 42–46.

7. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1. СПб., 1811.

8. Чагин Г. Н. Майкор // Города-заводы / науч. ред. Г. Н. Чагин. Пермь, 2014. С. 157–175.

9. Черных А. В. Уральские заводы: этнокультурные особенности и границы идентичности // Антропология и этнология: современный взгляд / отв. ред. А. В. Головнёв, Э.-Б. М. Гучинова. М., 2021. С. 138–151.

Список информантов

ГАЮ — Гарифулина Алия Юнусовна, 1946 г.р., род. в Октябрьском р-не Пермского края.

ГРХ — Гарифулин Ринат Хуснулович, 1940 г.р., род. в пос. Майкор, временно проживал в пос. Горки.

КВФ — Корякина Вера Филипповна, 1943 г.р.

МЛФ — Мехоношина Лидия Филипповна, 1951 г.р.

НТА — Невониная Тамара Александровна, 1941 г.р., краевед.

СОБ — Ситёва Ольга Борисовна, 1958 г.р.

ЧТФ — Чадова Татьяна Филипповна, 1949 г.р.

ШНА — Швецова Нина Андреевна, 1963 г.р., учитель истории, директор Майковского музея, краевед.

ШНГ — Швецов Николай Григорьевич, 1962 г.р., род. в д. Кроново Кудымкарского р-на, учитель географии.

Выражаем признательность за помощь в организации полевой работы директору Майковского музея Н. А. Швецовой и краеведу Т. А. Невониной.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 20-18-00269 (проект «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала»).

Александр Григорьевич Авдеев,

доктор исторических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Университет Дмитрия Пожарского (Москва)

ЗАГАДОЧНАЯ НАДПИСЬ НА ВАЛУНЕ НА ГОРЕ АРБУХИМ

Аннотация. В статье анализируется фольклорное предание о поисках мнимого клада, якобы зарытого на горе Арбухим (ныне Ульяновская область) под валуном с надписью. Оно было записано в 1636 г. по дороге в Персию голштинским послом Адамом Олеарием от русских спутников, сопровождавших его в плавании по Волге. В 1669 г. это предание было с небольшими изменениями изложено голландцем Яном Стрейсом, вероятно видевшим этот камень. В статье приводятся фольклорные параллели этому преданию из записей XIX–XX вв.

Ключевые слова: сказания о кладах, валуны, старорусская эпиграфика, записки иностранцев о России, Адам Олеарий, Ян Стрейс, Иоганн Якоб Бауллер

Ходить бывает склизко
По камешкам иным...

А. К. Толстой

Начиная с Сигизмунда Герберштейна Западная Европа открывала Россию, что отражалось в многочисленных сочинениях, описывающих далекую и загадочную страну¹. Упоминаются в них и старорусские эпиграфические памятники. Сведений о них немного: в отличие от надписей античной эпохи, устойчивого интереса они не вызывали, а если и вызывали, то он был отнюдь не научным. С одной стороны, восприятию русскоязычных надписей мешали культурный и языковой барьеры, а достоверность передачи их содержания всецело зависела от информантов. Красноречивым примером является передача текстов русских эпитафий Иоганном Давидом Вундерером, побывавшим во Пскове в июне 1590 г. Он отметил, что эти надписи были «начертаны московитскими буквами из свинца и меди» (mosscovittische Charakteres vor Blei und Messig gegraben seindt)². Однако сами эпитафии вслед за своим литовским покровителем, который истолковывал (verdolmetschet) их содержание, Иоганн Вундерер передавал на латинском языке с искажением личных имен и в формулах, характерных для западноевропейских эпитафий Позднего Ренессанса и раннего Нового времени [20. S. 203] (рус. пер.: [2. С. 273; 6. С. 194–195]).

Русский фольклор иностранцев привлекал мало в силу чуждости им русской культуры, но иногда его принимали за экзотическую реальность. Особое место среди подобных записей занимает рассказ Адама Олеария, который в 1636 г. направлялся через Московию в Персию в качестве главы голштинского посольства. Во время плавания по Волге у горы Арбухим близ будущего Симбирска плывшие с ним русские спутники указали на большой валун «длиною с 10 локтей, но несколько более низкий», лежавший на правом берегу реки. По их

словам, на камне были написаны слова (diese Wort stehen):

Будетника добро тва будеть

Будетни мя добро твоя будеть (Budetchnimæ, dobro tobæ budet), некогда прельстившие команду одного струга. Полсотни человек, рассчитывая найти клад, «принялись за камень, с большим трудом подкопали его, перевернули, но нашли лишь надпись, высеченную на нижней стороне камня» (auff der

vnterften feiten des Steins diese Worte eingehawen gefunden):

Что ище нече? о походе

Что ище³ ничего положе (Tsto ifches netzege polobschen). Обе надписи в скорописном начертании, сделанном одним из русских спутников, любознательный голштинец старательно воспроизвел в своем труде и снабдил их латинской транскрипцией, а также переводом на немецкий язык [18. S. 222] (рус. пер.: [10. С. 378]). Если верить голландскому парусному мастеру Яну Стрейсу (1630–1694), в июле 1669 г. валун лежал на прежнем месте. Целы были и надписи, переведенные Я. Стрейсом на голландский язык: «Soo ghy my van defe plaatfe verfet, fal' tu goet zijn» и «Wat foekt ghy? Hier is niet te vinden» [19. S. 183] (рус. пер.: «Коли вы меня сдвинете с места, это принесет вам счастье» и «Чего вы ищите? Здесь ничего нет» [15. С. 188–189]). И хотя описание камня и неудачных поисков клада почти полностью взято из сочинения А. Олеария, Я. Стрейс передает отсутствующее у последнего начало первой надписи: «Soo ghy my van dese plaatse verset / Коли вы меня сдвинете с этого места».

Эти сообщения в 1900 г. отметил известный знаток симбирской старины В. Н. Поливанов, связавший их с древними развалинами у горы Арбухим близ

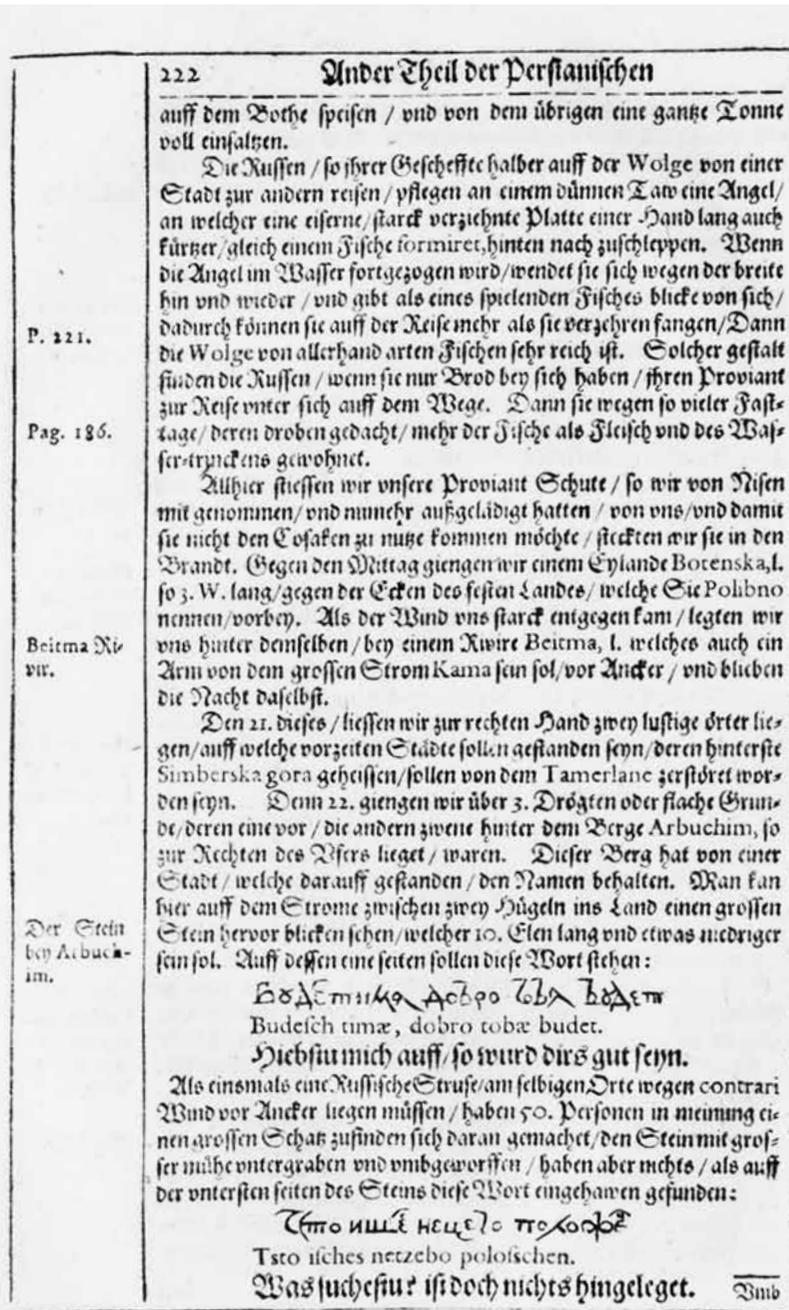
Гора Арбухим. Фото из открытых источников

села Криуши (современный Сентилеевский район Ульяновской области) [12. С. 11]. Однако свидетельства А. Олеария и Я. Стрейса как одни из ранних записей русских преданий о кладях внимания специалистов по русскому фольклору не привлекли. Даже Н. Я. Аристов, тщательно собравший предания о кладях Симбирской губернии [3. С. 709–739], обошел их стороной.

В записанном А. Олеарием рассказе явно видны фольклорные мотивы, тем не менее находки кладов, зарытых под камнями, случаются, пусть и крайне редко³. Одной из распространённых примет клада в устных рассказах, зафиксированных фольклористами в XIX–XX вв., является валун необычных размеров. Нередко подобные камни (в том числе и реально существующие) имеют «эпиграфические» приметы: знаки в виде гусиной лапы, головы петуха, подковы, креста, лука со стрелами, креста и др. [5. С. 34–36; 9. С. 107–108; 12. С. 11, 29]. Н. А. Криничная трактует их как «родовые знаки собственности» [9. С. 108]. Однако их широкое распространение не только на Русском Севере, но и на территории Юго-Восточной и Восточной Европы позволяет видеть в них знаки на христианских надгробиях или же пограничные межевые знаки (подробнее см.: [1. С. 69–82]).

Нередко валуны над кладами имеют пространственные надписи. Например, предание, записанное в советское время экспедицией Казанского педагогического института, сообщает, что некий монах сорок лет разгадывал высеченные на камне буквы «ЕОНЧКСТНБСДПБСР», пока не понял, что они являются акронимом — «Если Отойдёшь Направо Четыре Квадратных Сажений, То Найдёшь Большую Сумму Денег, Положенных Богатырём Стенькой Разиным» [14. С. 208]. Наиболее близкой аналогией рассказу на арбухимском валуне является предание, записанное Н. Я. Аристовым в той же Симбирской губернии, о камне, будто бы лежавшем над кладом, зарытым Степаном Разиным на Жигулёвских горах. Вырезанная на валуне надпись гласила: «Кто отвалит камень сей, тотъ найдетъ много злата». Пытавшиеся отыскать клад неизменно наткнулись на второй камень, где было написано: «Кто отвалитъ камень сей, тотъ найдетъ много злата, но самъ онъ весь облысѣетъ, и родъ его весь переведется» [3. С. 723]. В отличие от надписи из данного предания, вторая надпись на арбухимском валуне носит юмористический (если не сказать насмешливый) характер: человеку, потратившему немалые усилия, чтобы перевернуть громадный валун, сообщает, что трудился он зря и никакого клада под камнем нет.

Предание, записанное Адамом Олеарием, можно отнести к одной из раз-

Страница из первого издания сочинения Адама Олеария с описанием валуна [18. С. 222]

новидностей несказочной фольклорной прозы — рассказам о кладах. По указателю Н. Е. Котельниковой, оно включает в себя следующие фольклорные элементы.

- А) Место, на котором или около которого показывается клад: и–и3 холм;
- Б) Вид, в котором клад существует в природе: а–а клад без указания состава и внешнего вида;
- Д) Специфические признаки клада: б–б4: над кладом огромный камень;
- 3) Кто вступает в контакт с кладом: з–з2: лодка с народом [8. С. 216–227].

Однако в рассказе Адама Олеария отсутствуют элементы, типичные для фольклорных преданий, записанных

в позднейшее время. Голштинский посол совершал плавание по Волге в относительно спокойное от социальных потрясений время, когда Смута давно закончилась, а Степану Разину едва минуло шесть лет от роду. Поэтому из рассказа неясно, кто и с какой целью зарыл «клад»: в надписи отсутствуют загадочные пань, разномасные разбойники и тем более Стенька Разин, традиционно скрывавшие несметные сокровища с указанием на известные только им приметы. Не вписывается этот рассказ и в типологию преданий, предложенную Н. А. Криничной. Речь в нем идет не о «зачарованном клада», не о ценных вещах из погребения, не о способе избавиться от нужды и не о реальном клада [9. С. 105], но о надписи-обманке, подоб-

Рембрандт Харменс ван Рейн. Притча о зарытом сокровище. Музей изобразительных искусств (Венгрия, Будапешт)

ной новгородской берестяной грамоте № 46⁴. Информанты Адама Олеария смеются над незадачливыми корабельщиками, прельстившимися обещанием клада, и, возможно, их рассказ относится к крайне редкой категории преданий о незадачливых кладоискателях.

Не менее интересен вопрос, как был воспринят этот рассказ соотечественниками Адама Олеария, жившими с ним в одно время. В 1681 г. Иоганн Якоб Бауллер (1619–1687), пастор городской евангелической церкви в Гайслинген-ан-дер-Штайге (современная земля Баден-Вюртемберг), издал объемную книгу «Чисто отполированное зеркало пороков» («Hell-polirter Laster-Spiegel»), где собрал 110 произнесенных им проповедей, в которых, показывая людские пороки на примерах из жизни, разъяснял, как всем и каждому избежать гнева Божия и найти верный путь к добродетельной жизни. Рассказ Адама Олеария об арбухимском валуне стал темой для 93-й проповеди, произнесенной им 13 мая 1667 г., и, таким образом, был переведен пастором в характерную для протестантизма плоскость нравственного богословия и проповедуемых им обязанностей христианина. Подробно рассказав о поисках клада, пастор обратился к слушателям: «Подобны этому русскому камню те, кто много обещает и мало исполняет, о которых также сказано: “Если ты прилепишься ко Мне и будешь Мне служить и помогать, то это будет благо для тебя, но если ты сочтешь это тяжким трудом, победишь служить и помогать в надежде на благо, то это будет меньше, чем ничего” — и назовется так же, как высечено на камне: “Чего ты ищешь? На что ты надеешься? Но ничего не отложено Мною, вам нечего ждать”. Такое и подобное ему несчастье воистину является обычным, но постыдным пороком по отношению к ближнему» [17. С. 395–396].

По смыслу нравоучение И. Я. Бауллера близко притче о зарытом таланте (Мф 25:14–30; ср. Лк 19:11–28), но акцент сделан иной — на тщетности попыток обрести сокрытые под камнем мнимые материальные ценности и забвении духовных даров, даруемых Богом, что особенно карине Рембрандта «Притча о зарытом сокровище». Мотив тщетности поиска клада — правда, с иными моральными установками — перешел и в советскую детскую литературу, начиная от «Горячего камня» Аркадия Гайдара и заканчивая «Бронзовой птицей» Анатолия Рыбакова (например: [1. С. 123–129]).

Примечания

¹ См. весьма подробный аннотированный указатель с сопутствующей библиографией, составленный П. Д. Малыгиным: [4].

² Речь, очевидно, шла о керамических надгробиях, покрытых зеленой поливой («медь»), и белокаменных («свинец»), на что указывали акад. М. Н. Тихомиров [16. С. 339] и А. Н. Кирпичников [6. С. 195].

³ Ср. [7. С. 86. № 19]: глиняный сосуд, зарытый под камнем, помимо ювелирных украшений содержал серебряные византийскую монету и арабские дирхемы, самый поздний из которых датировался 966/967 г.

⁴ Грамота № 46 // Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/46>.

Литература

1. Авдеев А. Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.). Вопросы генезиса, бытования и историкоисследования. М., 2015.
2. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений / пер. с нем. А. Клевинова. Ч. 1. М., 1864.
3. Аристов Н. Я. Предания о кладах // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению

этнографии. Т. 1 / под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1867. С. 709–739.

4. Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: материалы к библиографическому словарю / сост. П. Д. Малыгин. М., 2018.

5. Карabanов А. К., Винокуров В. Ф., Дуциц Л. В., Зайковский Э. М., Климович И. Е. Сакральные и исторические валуны Беларуси (общий обзор) // Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб., 2018. С. 9–79.

6. Кирпичников А. Н. Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России 1590 г. Исследование и публикация источника // Славяно-русские древности. Вып. 3: Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 167–235.

7. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

8. Котельникова Н. Е. Стабильные повествовательные компоненты в несказочной прозе о кладах // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 30 / отв. ред. А. Н. Розов. СПб., 1999. С. 215–229.

9. Кричиная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» (по материалам русских северных преданий) // Советская этнография. 1977. № 4. С. 105–111.

10. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введ., пер. прим. и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906.

11. Панова Е. П. Воспитательный ресурс народных преданий о кладах и кладоискателях в художественных текстах для детей (на материале повести А. Н. Рыбакова «Бронзовая птица») // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. Т. 11. № 4. 2017. С. 123–129.

12. Поливанов В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

13. Смирнов В. Клады, паны и разбойники. Этнографические очерки Костромского края. Кострома, 1921. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; Вып. 26).

14. Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.

15. Стрейс Я. Я. Три путешествия / пер. Э. Бородиной; ред. А. Морозова. [М.], 1935. (Иностранные путешественники о России / под ред. С. А. Пионтовского).

16. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

17. Bauller Joch. Jak. Hell-polirter Laster-Spiegel. Unterschiedlich in sich haltend alle und jede Fugienda. Was ein Christ Böses fliehen soll. Vorgetragen in hundert und zehen Predigten. Welche auß sonderbaren Biblischen Texten, also abgehandelt, daß in einer jeden ein gewises Laster entweder wider Gott, oder wider den Lasterhaftten Menschen selber, oder wider den Nächsten laufend samt dessen Greuel; vorgestellt die Ursachen, die einen jeden Christen davon abhalten sollen in guter Ordnung Schriftmässig außgeführt und der richtige Weg zu der entgegen gesetzten Tugend treulich gezeigt wird. Gott zu Ehren und seiner Kirchen zur Erbauung besonders aber Bey gegenwärtigen greulichen Zeiten der letzten

Welt zur Erkantnis und Bereuung ihrer Sünden und Befürderung wahrer Buß und Besserung an den Tag gegeben. Mit beygefügtten Fünff Nutzlichen Registern. Ulm, 1681.

18. [Olearius A.] Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Rejse, So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen. Worinnen Derer Orte vnd Länder durch welche die Reise gangen als fürnemblich Rußland, Tartarien vnd Persien. Sampt jhrer Einwohner Natur, Leben vnd Wesen fleissig beschrieben vnd mit vielen Kupfferstücken, so nach dem Leben gestellet gezieret. Item Ein Schreiben des Wol Edeln [et] c. Johan Albrecht Von Mandelslo worinnen dessen OstIndianische Reise über den Oceanum enthalten. Zusampt eines kurtzen Berichts von jetzigem Zustand des eussersten Orientalischen König Reiches Tzina. Durch M. Adamum Olearium, Ascanium Saxonem, Fürstl: Schleswig-Holsteinischen Hoff-mathemat. Schleswig, 1647.

19. *Struys J. J.* Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige reysen, door Italien, Griekenlandt, Lijflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere Gewesten. Waar in verтоont werden, behalven, een nauwkeurige en omstandige beschrijvinge der gemelde Landen en't geen tot haar nature behoort seer wonderlijke en waarachtige toeballen den Auteur overgekomen door Schipbreuken Plonderingen Slavernije onder de Turken, en Persianen, sware Hongers-noot, Pijniging en andere ongemakken. Aangevangen anno 1647. en voor de Derde, of laatste Reys t' Huys gekomen 1673. begrijpende soo in alles den tijdt van 26 jaren. Nebens twee Brieven, particulierlijk verhandelende het overgaan van Astracan, en't geene aldaar omtrent is voorgevallen; En daar in ook een verhaal der elenden en sware ongemakken uytgestaan by D. Butler, door hem selfs geschreven uyt Ispahan. Met verscheyden curieuse koopere

Platen, door den Auteur selfs na het leven geteekent, verciert. t'Amsterdam, 1676.

20. *Wunderer I. D.* Reisen nach Dennemarket, Rußland und Schweden 1589 und 1590 // Frankfurtsches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte / hrsg. J. G. von Fichard. Th. 2. Frankfurt am Main, 1812. S. 180–255.

Статья написана в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA (<https://cir.rssda.su>). Научный руководитель проекта — доктор исторических наук, профессор А. Г. Авдеев, технический руководитель — Ю. М. Свойский.

Выражаю искреннюю благодарность А. Г. Кадыковой за помощь в работе с немецкоязычными текстами.

Дионизыош Чубаля,

доктор культурологии, Гуманитарно-техническая академия в Бельско-Бялой (Польша)

КОМУ ГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА НЕ ДАЕТ УМЕРЕТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются городские легенды о «чудесном воскрешении» знаменитых людей, погибших при трагических обстоятельствах. «Ожившие» будто бы скрываются. Иногда рассказывают о том, что кто-то их видел наяву после их смерти. Рассматриваются сюжеты, связанные с космонавтом Юрием Гагариным, польской певицей Анной Янтар и президентом США Джоном Кеннеди.

Ключевые слова: фольклор, городская легенда, миф, слухи, молва

В 2020 г. вышла первая в России книга о городских легендах [1]. Ее авторы обратились к текстам главным образом из источников советской эпохи¹. Книга во многом заслуживает внимания и наверняка вдохновит фольклористов в России на дальнейшее изучение этой темы. Меня же она в особенности заинтересовала широким фольклорно-социологическим анализом сюжетов. Авторы разбирают городские легенды с учетом политических реалий, а значит, в контексте общепринятой в рассматриваемое время идеологии.

Данная публикация заинтересовала меня и потому, что я лично в последние годы существования Советского Союза записывал множество городских легенд на территории БССР, РСФСР и УССР. Мои полевые исследования и составление перечня бытовавших в то время в устном пересказе легенд осуществлялись с целью сопоставить их с польскими сюжетами. Польские образцы жанра я издал к тому времени в нескольких своих книгах [7; 8; 9; 11; 12]. Восточнославянские же тексты в настоящее время находятся в обработке, и я стараюсь их публиковать. Пока в своих публикациях

я лишь указал на наличие в моем архиве такого материала [6. Р. 6–7; 10. Р. 1–2]. Сравнивая сделанные мною записи с легендами, опубликованными в [1], я вижу, что в устном бытовании сюжетов гораздо больше.

Остановлюсь на сюжете, который не нашел отражения в упомянутой книге, но между тем был чрезвычайно популярен в период моей полевой работы, т.е. в 1980-е гг. Речь идет о легендах, возникших в связи со смертью Юрия Гагарина.

Первые услышанные мной рассказы такого рода исходили от туристов и моих друзей, приехавших из СССР в 1980-е гг. Рассказывали, что первый космонавт мира Юрий Гагарин не погиб в авиакатастрофе, а изолирован в психиатрической больнице. Вскоре в рамках межвузовского обмена я предпринял поездку в Ростов-на-Дону, Минск и Львов. Данный сюжет передавался в этих городах из уст в уста и волновал многих; у меня создалось впечатление, что он общеизвестен. Затем я с помощью своих друзей-русистов из Силезского университета провел анкетирование в советских научных кругах. Ответы участников из Ленинграда, Одессы и Уфы подтвердили знакомство с дан-

ным сюжетом. Летом 1991 г. я совершил многодневную поездку на поезде через Сибирь в Монголию, записывая от пассажиров от руки и на магнитофон очередные версии легенды. Многие из моих собеседников ссылались на статьи в советской печати, развенчивающие легенду либо развивающие ее сюжет. У меня, увы, не было возможности прочитать эти статьи. Также следует заметить, что последние годы существования Советского Союза были временем, когда, несмотря на перестройку, не все опрашиваемые осмеливались делиться такой информацией с иностранцем. В Минске, например, сопровождавшая нашу группу экскурсовод на мой вопрос, правда ли, что Гагарин жив, отреагировала испуганно. Лишь позже, наедине, она дала утвердительный ответ.

Какие мотивы отражены в этой легенде? Во-первых — мотив «власть скрывает правду о смерти космонавта»²:

Было полно о нём сплетен, и прежде всего о том, что власть скрывает правду о его смерти: что он не погиб как лётчик, а упал с лестницы в доме своей любовницы. Так говорили... Ещё я слышала от людей в Минске, причём много раз, что Гагарин не погиб — разбился на самолёте его двойник-дублёр (Людмила, г. Минск).

Основной была версия, что Гагарин не разбился, а отправлен в психбольницу в наказание:

Я слышала от людей такие разговоры: был какой-то большой приём высокопоставленных особ. И на этом приёме Гагарин кому-то что-то сказал, может даже самому Брежневу. И тому это не понравилось. Это было, конечно, уже после полёта Гагарина в космос. Брежневу не понравилось, что он говорил, или его выступления на встречах с людьми — в них были его независимые

суждения. И его закрыли в доме для психбольных, но под другими именем и фамилией (Наташа, г. Омск).

В другом варианте Гагарин попал на лечение к психиатрам по причине пьянства:

Гагарин очень много пил, это привело к алкоголизму. Забрали его в психиатрическую больницу, изменили лицо, чтобы никто его не узнал. А похороны придумали и показали по телевидению (Елена, г. Москва), —

или что он действительно сошел с ума:

Он сам с ума сошел 12 лет назад, и его держали в сумасшедшем доме. Но, конечно, сначала его лечили в больнице (Людмила, г. Минск).

Жители Омска и Москвы говорили, что из психиатрической больницы Гагарин звонил своим друзьям — летчикам, космонавтам:

Он говорил, что сбежал из психушки, и позвонил Леонову. Леонов был потрясен, потому что Гагарин назвал ему по телефону такие пароли и данные, что это не мог быть никто иной. Но они не встретились, так как его задержали (Елена, г. Москва).

Рассказывали и о настоящих сумасшедших, выдававших себя за Гагарина:

Был такой сумасшедший в психушке. Выдавал себя за Гагарина и позвонил Леонову и другим людям. Когда это разошлось, люди бесперебойно звонили в «Правду», в другие газеты, чтобы узнать что-нибудь на эту тему (Алик, г. Москва).

О том, что Гагарин не умер, по утверждению информантов, свидетельствовала Ванга — ясновидящая из Болгарии.

Ванга уверяла, что Гагарин не умер, его переняла другая цивилизация, и он там по-прежнему живёт (Людмила, г. Минск).

Второй наш знаменитый космонавт — Титов, друг Юрия Гагарина, — лично ездил в Болгарию к Ванге и говорил с ней об этом деле. Ванга сказала, что Гагарин жив, но он живёт не в нашем мире, а в мире параллельном. Так как есть такие параллельные миры, из которых за нами наблюдают (Ирина, г. Омск)³.

Согласно иркутскому варианту, Гагарина похитили инопланетяне:

О Гагарине говорят что-то, будто бы его похитили люди с других планет. Когда он в первый раз полетел в космос, то им это не понравилось. Они так начинают этот космос осваивать, познавать («...») Ну, будто бы эту аварию подстроили люди с другой пла-

неты, а его самого похитили и он на какой-то планете живёт (Маргарита, г. Иркутск).

По мнению информантов из Минска, Омска и Иркутска, Гагарин умер своей смертью незадолго до времени записи нашего интервью с ними.

Он умер вроде бы полтора года назад (Людмила, г. Минск, 1998 г.).

Мой коллега говорил — передавали по радио, что в апреле позапрошлого года он умер. Не знаю, правда ли это, или такие разговоры среди людей ходят (Наташа, г. Омск, 1993 г.).

Гагарин умер, по слухам, в 1983 или 1984 году. Не очень уж старый — лет 80 ему было⁴ (Лидия, г. Иркутск).

Итак, из приведенных высказываний следует, что Гагарин не погиб, как передавали официальные правительственные сообщения, а находился в психиатрической больнице либо жил в параллельном мире.

«Вторую жизнь» легенда приписывает персонажам исключительным и значимым для народа, людям из религиозной, политической либо артистической среды. Почти одновременно с фиксацией легенд о Гагарине я записывал в Польше подобные истории об Анне Янтар (1950–1980). Необычайно популярная в Польше певица погибла в авиакатастрофе под Варшавой 14 марта 1980 г., когда потерпел крушение самолет Ил-62 «Mikołaj Kopernik», летевший из Нью-Йорка в Варшаву. В этой катастрофе погибло 87 человек, в том числе сборная США по боксу. Спустя год после катастрофы разошлись слухи, что певица не погибла, а живет за границей. Легенда распространилась моментально и имела огромное число версий. Несмотря на многократные опровержения (полицией, мужем Янтар), легенда стала общераспространенной, и многие считали ее вполне достоверной. Пик ее популярности пришелся на 1981–1982 гг.

Я фиксировал этот сюжет с момента его появления и вплоть до полного угасания. Его очень интенсивное распространение можно объяснить и напряженной ситуацией (военным положением) в стране, и сгущенной атмосферой политических скандалов. Среди прочих тогда разразился скандал, связанный с «dziweks»⁵ — с продажей польских девушек в публичные дома на Западе представителями коррумпированных правительственных кругов. Возможно, первые варианты рассказов о похищении нашей певицы с целью отправки ее в гарем возникли в связи с этим скандалом и были его частью. Во всяком случае, сюжет об Анне Янтар вписан в реальные политические события. Вначале говорили, что ее по-

хитили, а потом продали за границу ненавистные народу высокопоставленные партийные и правительственные чиновники (продали за столько килограммов золота, сколько она сама весила, то ли арабам, то ли туркам), и сейчас она живет в гареме какого-то шейха). Похищение певицы, по рассказам опрошенных в 1980-е гг., имело и иные предпосылки. Вот основные, наиболее часто повторяющиеся, версии: «она была шпионкой и шпионила в каком-то государстве»; «за этим стояла мафия»; «Америка продала ее туркам»; «Янтарку похитил шах, а помогли ему в этом министры Эдвард Барщ⁶ и Ежи Ольшевский⁷; «посредником при продаже Янтар был тот самый турок Акджа, что стрелял в Папу Римского⁸; «Янтарка была замешана в скандале «dziweks» и поэтому не вернулась в страну»; «Щепанский из радиокомитета⁹ продавал польских девушек на Запад и ее тоже продал»; «Щепанский со своей кличкой продал ее в гарем»; «чиновники продали ее за два миллиона долларов»; «это Герек¹⁰ ее продал за столько золота, сколько она сама весила».

Многочисленные варианты легенды в то время были полностью деполитизированными. Певицу просто похитили в гарем, но это был ее выбор, а свою смерть она симулировала.

Янтар выехала в Соединенные Штаты. Когда была там, ее похитили. Похитители ее голый, всё с нее сняли. Сняли и оставили вещи. На ее место подставили в самолете другую женщину и одели так, как была одета Янтар, и та все вещи Янтар взяла. Села в самолет и улетела в Польшу. Янтар увезли в гарем, из гарема у нее не было выхода, и контакта не было, не могла дать знать о себе. Смогла передать сообщения лишь в часиках. Дала часы, чтобы их послали Папе Римскому, и это послание попало ему в руки. Написала, что находится в Турции в гареме, что у нее там ребенок — доченька (ciureczka) (Казимера Б., г. Катовице, 1980-е гг.)¹¹.

Она сейчас находится среди арабов. Забеременела, родила сыночка, очень скучает по Польше. Кажется, встретила там польского боксера и попросила его, чтобы сообщил семье, и вообще. Этот человек общил этой ее семье. Но муж уже женился, ну и обратился к Папе, чтобы дал ему развод (Казимера З., г. Катовице, 1981 г.).

Многие варианты (привожу здесь наиболее распространенные версии информантов) подтверждают, что Янтар «похитили и продали в гарем»; «украли и продали в гарем»; «ее увидел нефтяной шейх, влюбился, нанял шайку, и ее забрали в его гарем»; «Янтар находится сейчас у какого-то шейха и поет для него»; «ее забрал какой-то шейх за три слитка золота»; «ее похитили турки, и она — жена араба»; «она влюбилась

Могила Джима Моррисона (1943–1971) на кладбище Пер-Лашез в Париже — место культового почитания певца. 2013 г. Фото О. В. Беловой

в какого-то шейха и осталась с ним»; «выбрала себе карьеру в Штатах»; «живет на Западе, но под другой фамилией»; «продолжает делать карьеру на Западе».

Легенда эта многими воспринималась как достоверная. Даже после того как ее популярность угасла, я столкнулся с несколькими поклонниками таланта певицы, уверенными в том, что она по-прежнему записывает свои песни. В 1984 г. я записал от одной своей дальней родственницы такой вариант:

Говорю вам, она жива. Я все ее песни знала, а теперь — совсем недавно — услышала по радио ее песню. Там такие слова, что это она должна была записать уже после своего исчезновения. Я уверена, что она вернулась и находится где-то в Польше, но об этом не передают во всеуслышание. Моя приятельница мне говорила, что было интервью с Кукульским — мужем Янтар¹², и редактор «Панорамы» задал ему вопрос: «Ваша жена жива?» Он ответил: «Хотел бы я, чтоб так было!» А потом говорил, что едет в ту страну, узнать об этом. Уверена, что он ее привез (Тэрэса О., г. Грыфино).

Кого же главным образом «оживляет» городская легенда? В прошлом героями подобных легенд были защитники отечества и важных ценностей — этнических, религиозных. Сегодня, во времена отнюдь не стабильности, на первый план выходят гедонистические ценности. В связи с этим кумиром становится любимый, обожаемый артист. В Соединенных Штатах, Канаде или в Западной Европе в молодежной среде ходят подобные легенды о нескольких певцах-кумирах: рассказывают, что их похороны были сфальсифицированы, а они на самом деле живы, но где-то прячутся от мира

сего. Среди причин их самоустранения, ухода в тень могут быть такие, как потеря голоса, нервный срыв, усталость от славы либо попросту потребность в спокойной жизни — по собственному желанию. Самой громкой, несомненно, является легенда об Элвисе Пресли. Польская молодежь знает об этих слухах из западных СМИ. В нескольких из зафиксированных мной случаях адаптация этих сюжетов на польской почве зашла так далеко, что их можно признать уже явлением польского фольклора. Например, рассказчик говорит, что некий известный музыкант или «его знакомый» был в США и встретил на улице Пресли, поэтому он уверен, что певец по-прежнему жив. Этой легенде уже было уделено много внимания. О ней писали, в частности, С. Б. Бекхэм (S. B. Beckham) [2], Г. Брюер-Джорджо (G. Brewer-Giorgio) [3] и П. Стромберг (P. Stromberg) [16]. Большой популярностью во всем мире пользовался также миф о Джиме Моррисоне (Jim Morrison), вокалисте американской группы «The Doors». В Польше я записывал различные высказывания, согласно которым он не умер:

Моррисон жив. Я один раз слышала, что жив, один раз — что нет, и долго не была уверена. Три раза слышала, причем от надежных людей — от музыкантов, что Моррисон всё еще жив. Его видели, это точно (Барбара, г. Катовице, 1990 г.).

В 1990 г. я столкнулся с другой еще одной легендой, оживившей творческую личность. Конкретно речь идет о монгольском писателе Боржигине Дашдуржиее Нацагдорже (1906–1937). Легенду я записал от монголов, временно находящихся в Польше, а позже

ее бытование подтвердилось во время моей научной поездки в Монголию в 1991 г. Нацагдорж умер в период сталинских репрессий перед Второй мировой войной. В центре Улан-Батора установлен величественный памятник этому писателю. Но легенда гласила, что он счастливо избежал смерти и скрылся за границей. В наше время его видели в Германии, там он публиковал свои новые произведения.

В Польше в 1990 г. был аналогичный случай «оживления умершего». Тогда появились ошеломляющие слухи (распространявшиеся в устной форме, а также транслировавшиеся польской желтой прессой) о том, что бывший президент США Джон Ф. Кеннеди, убитый в Далласе в 1963 г., живет в Польше под другим именем и другой фамилией [13].

По одним сведениям, Джон Кеннеди парализован и нуждается в медицинском уходе, по другим — он находится в добром здравии, его видят в разных местах страны. Вот версии опрошенных мною людей.

Дерево рядом с могилой Джима Моррисона, обернутое бамбуковой циновкой. Фанаты певца ободрали кору с дерева, чтобы написать слова признания в любви к своему кумиру и строчки песен из репертуара группы «The Doors». В щели между стеблями бамбука поклонники засовывают жевательную резинку и леденцы. 2013 г. Фото О. В. Беловой

Кеннеди вроде бы живет в Польше. Когда это всё открылось и разнеслось, его дочь написала отцу письмо, так как хотела познакомиться с ним и увидеть его. Письмо напечатали в газете, поскольку дочка не знает адрес отца (Анна, г. Катовице, 1990 г.).

Я тоже это слышала, кажется, она там пишет: «Любимый отец! Я бы хотела с тобой встретиться» (подруга Анны, г. Катовице, 1990 г.).

В качестве места, где живет Кеннеди, чаще всего упоминается Колчево (Kończewo)¹³. Об этом писала, например, «Gazeta Wyborcza» в заметке «Президент Кеннеди живет в Колчево» [13]. Известны и американские легенды о Кеннеди. Как сообщила мне английская исследовательница городских легенд Джиллиан Беннетт (Gillian Bennett), заметка о том, что Кеннеди не убит, а пребывает в коме в больнице Паркленда (Parklands Hospital) в Далласе, появилась в 1969 г. в журнале «Folklore Forum» [4. P. 54–55]. Следующая статья 1969 г. служит свидетельством бытования данного слуха, пожалуй, на его излете [5. P. 76]. Живучесть легенды на американской почве подтверждают статьи 1971 г., когда появляется новая серия подобных публикаций [15. P. 126]. В 1984 г. такие слухи были зафиксированы в книге Хэла Моргана и Керри Такер «Слухи!» [14]. Дж. Беннетт также сообщила, что в 1927 г. председатель Британского фольклорного общества (The Folklore Society) А. Р. Райт выступил с призывом к журналу «Folk-Lore» начать собирать современный фольклор, и в частности накапливать версии об оживлении героев, несмотря на официальные объявления об их смерти [17].

Таким образом, легенда может выбирать и выбирает для «воскрешения» разных по значимости для общества персон. Однако больший общественный отклик получают всё же легенды, касающиеся выдающихся людей. Одни легенды улетучиваются из памяти людей и исчезают бесследно. Другие навсегда остаются в летописях, романах, газетах и фильмах. Мы не располагаем всем корпусом фольклорных текстов, согласно которым погибшие знаменитости выжили, но уже сегодня, при начальном ознакомлении с ними, видно, что число «воскрешенных» таким образом людей весьма велико. И что важно, каждое поколение возвращает к жизни новых персонажей. Новый герой должен каким-то образом соответствовать представлениям новой генерации. Если ранее, например в годы войны, это были партизан и военный, а в прошлых столетиях вождь и царь, то сегодня ими с успехом могут быть президент, космонавт, писатель, большой художник, молодежный кумир. Новое поколение выбирает новых героев, и процесс мифологизации известных людей идет постоянно. Герой легенды является

носителем идеи, важной для его поколения. Оживление героя в легендах является также протестом против самого факта неизбежности смерти. На протяжении истории человечества жизнь и смерть выдающихся людей постоянно подвергались мифологизации. Это инструмент, позволяющий человеку «спасать» человека, проигравшего своему злейшему врагу — смерти. Таким способом человек в прошлом «спасал» героев в сказках и мифах. Тем же способом он возвращал к жизни великих религиозных деятелей и святых. Позже, когда рационализм значительно усложнил воскрешение умерших героев, легенда стала оправдывать и доказывать их исчезновение под видом какого-либо действия, совершенного над ними, часто насильственно: похищения и удерживания в гареме (Анна Янтар), инсценировки смерти (Элвис Пресли), помещения в психиатрическую больницу (Юрий Гагарин).

Примечания

¹ Имеются в виду следующие типы источников: 1) записи, хранящиеся в архивах служб безопасности (от ВЧК до КГБ) и собранные агентами данных служб; 2) анонимные доносы из архивов тех же служб; 3) судебные протоколы по делам, связанным с «вражеской агитацией»; 4) публикации воспоминаний различных представителей общества; 5) материалы устных опросов авторов книги; 6) анкеты, полученные авторами в результате опросов на Фейсбуке. (Деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская. — *Примеч. редакции.*)

² Приводимые далее рассказы о Гагарине из архива автора записаны в 1980–1990-е гг.

³ Очевидно, источником послужили публикации о Ванге, чрезвычайно популярные в СССР времен перестройки и начала 1990-х гг. Ср.: «Юрий Гагарин не умер. Он был взят!» Кем, почему, куда — не говорит» (Стоянова К. Болгарская пророчица Ванга. М., 1990. С. 30). Согласно Стояновой, Ванга сообщила это приезжавшему к ней артисту Вячеславу Тихонову, «лучшему другу» Гагарина. Интересно, что в публикуемой полевой записи в качестве «друга Гагарина» и адресата высказывания Ванги фигурирует космонавт Титов, видимо по причине некоторого фонетического сходства фамилий. — *Примеч. редакции.*

⁴ В 1984 г. Гагарину исполнилось бы 50 лет. — *Примеч. редакции.*

⁵ *Dziweks* — польский неологизм, жаргонное словечко, от *dziwka* 'девка', т.е. «курва». Именно слово *dziweks* укрепилось в контекстах, в которых речь шла о похищении девушек и женщин для публичных домов.

⁶ Эдвард Барщ (Edward Barszcz) в 1980 г. (23.VI.1980–21.XI.1980) был министром строительства.

⁷ Ежи Ольшевский (Jerzy Olszewski) — в 1970-е гг. министр химической промышленности (1971–1974), затем министр внешней торговли и морского хозяйства (1974–1980), член ЦК ПОРП (Централь-

ного комитета Польской объединенной рабочей партии).

⁸ Турецкий экстремист Мехмет Али Агджа 13 мая 1981 г. совершил покушение на Папу Римского Иоанна Павла II. Понтифик выжил и простил несостоявшегося убийцу.

⁹ Мацей Щепанский (Maciej Szczepański) — в 1972–1980 гг. председатель Комитета по радио и телевидению «Польское радио и телевидение».

¹⁰ Эдвард Герек (Edward Gierek) — первый секретарь ЦК ПОРП в 1970–1980 гг.

¹¹ Здесь и далее польские тексты даны в переводе.

¹² Ярослав Казимеж Кукульский (Jarosław Kazimierz Kukulski) (1944–2010), польский композитор, был мужем покойной певицы Анны Янтар и отцом певицы Натальи Кукульской.

¹³ Колчево (Kończewo) — курортный городок на острове Волин в Западнопоморском воеводстве.

Литература

1. Архипова А., Курзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М., 2020.
2. Beckham S. B. Death, resurrection and transfiguration: The religious folklore in Elvis Presley shrines and souvenirs // International Folklore Review. Vol. 5. 1987. P. 88–95.
3. Brewer-Giorgio G. Is Elvis alive? New York, 1988.
4. Caro F. de, Oring E. JFK is alive. A modern legend // Folklore Forum: A Communication for Students of Folklore. Vol. 2. 1969. P. 54–55.
5. Caro F. de, Oring E. Notes for queries // Folklore Forum: A Communication for Students of Folklore. Vol. 2. 1969. P. 76.
6. Czubala D. Earliest accounts of contemporary legends in Russia // Foafale News. Vol. 18. 1990. P. 6–7.
7. Czubala D. Nasze mity współczesne. Katowice, 1996.
8. Czubala D. Opowieści z życia. Z badań nad folklorem współczesnym. Katowice, 1985.
9. Czubala D. Regionalizm, folklor, legendy. Sosnowiec, 2002.
10. Czubala D. The «Black Volga»: child abduction urban legends in Poland and Russia // Foafale News. Vol. 21. 1991. P. 1–2.
11. Czubala D. Wokół legendy miejskiej. Bielsko-Biała, 2005.
12. Czubala D. Współczesne legendy miejskie. Katowice, 1993.
13. Gazeta Wyborcza. 28.09.1990. № 227. S. 5.
14. Morgan H., Tucker K. Rumor! New York, 1984.
15. Notes for queries // Folklore Forum: A Communication for Students of Folklore. Vol. 4. № 5. 1971. P. 126–127.
16. Stromberg P. Elvis alive? The ideology of American consumerism // Journal of Popular Culture. Vol. 24. 1990. P. 11–19.
17. Wright A. R. Presidential address: The folklore of the past and present // Folk-Lore. Vol. 38. № 1. 1927. P. 13–39.

Перевод с польского Г. Кутырёвой-Чубали

Ольга Владиславовна Белова,

доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН (Москва)

Леонид Леонидович Степченко,

ведущий специалист, Государственный архив Смоленской области (Смоленск)

ПЕСНИ ВЕЛИЖСКОГО МЯТЕЖА

Аннотация. Публикация содержит материалы следственного дела Е. М. Михайлова, участника вооруженного восстания в Велижском уезде Витебской губернии в ноябре 1918 г. и движения народных партизан в начале 1920-х гг. Изъяты у Е. М. Михайлова тексты воззваний, песен и стихотворений русских классиков расценили как доказательство его контрреволюционной деятельности. Публикуемые тексты являются образцом народной протестной поэзии и агитационной прозы времен Гражданской войны.

Ключевые слова: Велижское восстание 1918 г., агитационный фольклор, сатирические песни

В публикации представлены материалы дела № 793 описи 1 из фонда Р-47 «Революционный трибунал отдела юстиции Смоленского губернского исполкома» Государственного архива Смоленской области (ГАСО)¹.

Фигурантом дела является бывший крестьянин Ефим Михайлович Михайлов (1889?–1922)² по кличке Пук³, участник антисоветского восстания в Велижском уезде Витебской губернии в ноябре 1918 г.

Восстание на севере Смоленщины и Витебщины было вызвано злоупотреблениями представителей советской власти (насильственная военная мобилизация в Красную армию граждан 1893–1898 гг. рождения, взимание чрезвычайного налога, жестокое обращение чекистов с населением). В восстании приняло участие около 50 000 человек из Духовщинского, Поречского, Велижского и соседних с ними Городокского, Полоцкого и Невельского уездов — главным образом крестьяне, а также мещане и интеллигенция. Был провозглашен лозунг «Долой Советы!», повстанцы потребовали восстановления монархии. 15 ноября был захвачен Велиж, но уже 23 ноября восстание было подавлено силами Витебской ГубЧК. Повстанческое движение в уезде продолжалось до конца 1920-х гг.⁴

Е. М. Михайлов был избран возглавлявшим председателем Чепельского исполкома; после прибытия частей Красной армии бежал, скрывался в лесах и являлся вплоть до ареста членом банды Оберона — под такой кличкой был известен один из командиров восставших, поручик Акущенко, который избежал расстрела и, организовав банду, много лет терроризировал население в Сертейской и Чепельской волостях Велижского уезда⁵.

Поверив слухам об амнистии, Михайлов явился в д. Горнышки Богдано-Семеновской волости Демидовского уезда, где и был задержан 14 марта 1922 г.

Дело Михайлова вел начальник 5-го отделения Смолгубполитотдела по

фамилии Иоэль (ему принадлежат записи показаний обвиняемого).

В постановлении от 26 марта 1922 г. отмечается: «...обличается гр-н Витебской губернии, Велижского уезда, Ефим Михайлович МИХАЙЛОВ под кличкой ПУК в том, что с 1918 года он состоял в банде “ОБЕРОНА”, поставившей себе целью ниспровержение Соввласти. Захвачен с оружием в руках, равно у него найдены воззвания антисоветского содержания...»⁶ В заключительном постановлении от 19 апреля 1922 г.: «У Михайлова при обыске обнаружены три воззвания антисоветского содержания под заглавием: “К красноармейцам”, “Снова мобилизация”, и “Чрезвычайка”, которые распространялись как среди кр-цев (красноармейцев. — О. Б., Л. С.), так и крестьян. Воззвания: 2 напечатаны на машинке, а одно в типографии. Найденные при нем стихи⁷ и дневник как содержащая в себе антисоветские песни и другие изложения против-правительственного характера, свидетельствуют о его контр-революционной деятельности»⁸.

Е. М. Михайлову было предъявлено обвинение «в состоянии с ноября м-ца 1918 г. по март м-ц с.г. в банде “ОБЕРОНА”, поставившей себе целью ниспровержение Соввласти путем крестьянских восстаний и убийств членов РКП/б/ и ответственных соавработников; вооруженных грабежах на мельницах с целью забрать советские фунты⁹; участии с оружием в руках в перестрелке с кр-цами; принадлежности к антисоветской партии “Истинной свободы”, хранения воззваний анти-советского характера для к. р. (контрреволюционных. — О. Б., Л. С.) целей и незаконном хранении винтовки и револьвера, для преступных целей»¹⁰.

Приговор по делу Михайлова был вынесен 13 июня 1922 г.: «...как сознательного и неисправимого бандита подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять, отказав в применении ему амнистии»¹¹. 13 сентября 1922 г. приговор был приведен в исполнение¹².

Что же представляли собой «воззвания антисоветского характера», изъяты у Михайлова? Следует отметить, что документы дела не точны: помимо двух листовок с призывами противиться насильственной мобилизации и проразверстке и оказывать поддержку «народным партизанам» и стихотворения (песни) «Чрезвычайка», в деле имеется также стихотворение (песня) «Всероссийская коммуна» (сброшюрованное с «Чрезвычайкой»).

27 марта 1922 г. Михайлов показал на следствии, что материалы хранил у себя для личного пользования: «Найденная у меня прокламация под заглавием: “Чрезвычайка” я получил от Исаака Федоровича, откуда он взял таковую не знаю. Я взял ее только для прочтения»¹³. Однако содержание этой «прокламации» (как и «Всероссийской Коммуны») было столь остро направлено против советской власти, что одного хранения таких текстов (не говоря уже об их распространении) было достаточно для приговора.

СНОВА МОБИЛИЗАЦИЯ, СНОВА тысячи граждан отрывают от мирного труда и гонятся на бессмысленную бойню, где заставляют убивать таких же как и они людей, убивать потому только, что это нужно господствующей партии (РКП).

Снова берут у крестьянина его кормильца-лошадь, без которой он не может жить. Граждане! Подумайте, чем вызваны мобилизации? Тысячи лучших людей гибнут, не зная за что. Нужно это ТОЛЬКО власти, не понимающей желаний народа. Вы знаете как гибли люди в армии нынешней зимой. От холода и голода

Ефим Михайлович Михайлов.
Фотография из следственного дела
(ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 16)

развивались болезни, а когда люди видя верную гибель от тифа уходили домой, их силой гнали назад на страшную смерть в холодном бараке без пищи, без всякой врачебной помощи. Умирали одни, власть на их место призвала других. Вы знаете, что лошадей в армии кормят плохо, а ездят много; лошади падали, а комиссары говорили: «лошадей у мужиков много, мы и еще найдем». Вот теперь и ищут. В самую рабочую пору отбирают работников от земли, а осенью потребуют опять новые продовольственные наряды.

Неужели, Вы граждане, пойдете на смерть сами, пошлете своих сыновей, братьев? Неужели Вы отдадите последних лошадей, чтобы самим умереть с голоду? Поймите, что война — гибель народа и ничего не давайте на поддержку войны своей гибели забудьте разлад и вражду между собой. Сплотитесь во едино! Не выдавайте друг друга!

«ВСЕ ЗА ОДНОГО И ОДИН ЗА ВСЕХ», и никакие угрозы насильника-коммуниста вам не будут страшны!

Комитет [одно слово вымарано чернилами] Истинной Свободы¹⁴

К КРАСНОАРМЕЙЦАМ

От Витебских и Смоленских Народных Партизан.

Братья! Вы под угрозой расстрела призваны в армию коммунистами и они же Вас гонят на фронты внешние и внутренние, где Вы убиваете таких же, как и сами, крестьян и рабочих. Вас гонят подавлять восстания Ваших отцов и братьев, заставляя убивать их и разорять их хозяйства и без того уже разграбленные коммунистами. Вас гонят на народных партизан, борющихся за беспартийную власть народа против власти коммунистов. Мы партизаны — Ваши братья и боремся за общее народное дело, а Вы убиваете нас. За что же, братья!?

Неужели коммунисты еще мало перерезали Вас и мирных граждан!?. Неужели еще мало пролито слез Вашими матерями!?. Неужели еще мало разорили Ваших семей коммунисты!?.

Пора опомниться, братья, и перестать быть рабами коммунистов и позволять им резать себя и мирных граждан!

Пора понять, что коммунисты натравляют и заставляют убивать нас друг друга не ради блага трудящихся, а ради своего личного блага.

Нас народных партизан — коммунисты называют белобандитами наймитами буржуазии. Ложь! Мы против буржуазии! Мы рука-об-руку с Вами, стоя в одной шеренге, боролись против буржуазии в 1917 году.

Когда же коммунисты, захвативши власть в свои руки, создали иго ужаснее буржуазного, мы восстали против них.

Мы требуем возвращения завоеваний ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, украденных коммунистами:

1. Равенства всех граждан перед законом; 2. Свободы слова, печати, собра-

ний и совести; 3. Свободного выборного начала; 4. Свободы личности, 5. Свободы профессии труда местожительства и переезда; 6. Отмены смертной казни и пыток, 7. Социализации земли, фабрик и заводов.

Мы боремся за беспартийную Советскую власть!

Красноармейцы, мы с Вами дети одного трудового народа и желания у нас одни и те же, так неужели мы будем продолжать убивать друг друга!? Нет! Нам нужно соединиться и общими усилиями принятая за строительство новой свободной жизни.

Ни одного выстрела по повстанцам и партизанам! Без выстрела сдавайте оружие партизанам по предложению сдать. Вам зла не причинят. С теми же красными отрядами, которые не будут сдаваться, мы будем беспощадны.

Долой повязку с глаз хитро надетую на Вас коммунистами! На помощь к нам! На беспощадную борьбу с произволом самодержавных коммунистов!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЮЗ ПАРТИЗАН И КРАСНОАРМЕЙЦЕВ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЕЗПАРТИЙНАЯ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!

Витебские и Смоленские народные партизаны¹⁶.

Чрезвычайка

на мотив «Гром победы раздаётся»¹⁷

Хороша ведь чрезвычайка,
Что ж что кровью залита;
В каждой есть машине гайка
Слабовата, не беда.

Хороши наши «чекисты»
И одеты хоть куда —
Не ножи хоть рылом чисты
Ну и слава... не беда

Хороши наши обеды
И обильны, и жирны
Ведь в награду за «наветы»
А в награду нам даны.

Говорят, что мы воруем
У казенных сапоги,
Говорят, что мы пируем
От зари и до зари.

Говорят, что убиваем
И детей и стариков
Жертвам счета мы не знаем,
Мы — исчадие веков.

Говорят, что без оглядки
Деньги в руки к нам летят,
Эх... да с нас ведь взятки гладки
что случится — защитят.

Ленин сам статью напишет,
И в «Известиях» поместит, —
Ведь «Камунья» нами дышет,
Нами держится, стоит.

Славься ж наша Чрезвычайка,
Не робей и не плошай,

«Непокорный» только глянька —
Мигом шею подставляй.

Враз обыщем, расстреляем,
Обворуем, а потом
Труп в подвале покидаем,
И помянем... за вином.

В Чрезвычайке нам привольно
Остальное — ерунда.

Пьяно, весело, разгульно...
Что ж что славушка худа?¹⁸

Всероссийская Коммуна

(на мотив «Было дело под Артуром»)¹⁹

Всероссийская Коммуна
Разорен народ до тла
Коммунистов диктатура
Нас до ручки довела.

Все разуты, все раздеты,
Гол и бос и стар и млад
Коммунисты приодеты —
На посту в лаптях солдат.

Нету спичек, нету мыла,
Четвертную стоит гвоздь,
Износилось, все что было,
Все хозяйство к черту брось.

Позабрали хлеб, скотину,
Есть по карточкам велют,
Нету спичек, керосину,
Все с лучиною сидят²⁰.

На деревне три коровы,
Пять лошадок в табуне,
У ворот стоят лишь дровни,
Точно колья на гумне

Разогнали все Советы
Хлеб считают на корне
В волость сыплются декреты
Душат вольницу в тюрьме.

Там китайцы, тут мадьяры,
Коммунисты — латыши²¹
Грабят, жгут дома, амбары,
Вот свобода — не дыши.

Чрезвычайник выезжает,
Что твой царский генерал,
Кровью землю заливает
Все до нитки обобрал.

Вот прислали на деревню
По аршину кумачу —
Все комбеды позабрали
Ни вершка середняку.

Вот восстали по России
За землю мужики
А «Известия» все пишут:
«Взбунтовались кулаки».

Позабрали по России
Всю землю у крестьян.
И Советские хозяйства
Насадили тут и там.

На Романовском престоле,
За кремлевскою стеной
Ленин с Троцким правят двое —
Льется наша кровь рекой.

Подымайся люд крестьянский
Встает светлая заря,
Сбросим Троцкого оковы,
Сбросим Ленина — царя!²²

Примечания

¹ В документах фонда содержится информация о лицах, скомпрометировавших себя перед советской властью: служащих учреждений, крестьянах, красноармейцах, представителях бывших привилегированных сословий (служителей культа, дворянства). В документах имеются сведения о гражданах (красноармейцах, служащих) не только Смоленской, но и других губерний — Гродненской, Могилевской, Тамбовской, Тульской и др.

В составе дел находятся документы, изъятые при аресте обвиняемого и приобщенные в качестве «вещественных доказательств», личные документы и документы личного происхождения: паспорт, трудовая книжка, послужной список, удостоверения, справки, письма, фотографии.

Заголовок каждого следственного дела включает фамилию, имя, отчество обвиняемого; место жительства обвиняемого (для крестьян); должность, место работы (если это связано с предъявленным обвинением); суть (формулировку) обвинения.

Дата первого поступления фонда на государственное хранение — 28 января 1925 г. Часть документов (176 ед. хр.) погибла в годы Великой Отечественной войны. Всего в фонде числится 2499 дел за 1918–1922 гг. Фонд рассекречен в 1992 г.

См.: *Хорева И. Г.* Предисловие к описям фонда № Р-47 «Революционный трибунал отдела юстиции Смоленского губернского исполкома» (ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Л. 2–6).

² Заголовок дела № 793: «Михайлов Ефим Михайлович, гр. Витебской губернии, Велижского уезда, Чепельской волости, д. Макаровщина. Участие в контрреволюционном восстании в Велижском уезде в 1918 году, убийства, грабежи. 15 марта 1922 года — 15 сентября 1922 года» (на обложке дела дата его начала ошибочно указана как 15 марта 1921 г.).

³ Согласно пояснению следователя Смоленского губревтрибунала Г. А. Краснова, «...означенный бандит (...) получил прозвище “Пук”, потому что не стеснясь “растреливает всех направо и налево”, и это слово исходит от слова “пукать — бить» (ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 61 об.). Здесь и далее материалы следственного дела цитируются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

⁴ См.: *Буткевич В.* Велижское восстание 1918 г. Хроника, факты, комментарии // Край Смоленский. 2018. № 11. С. 41–61; *Илькевич Н. Н., Качулина Л. А.* Велижское

восстание 1918 г. // Культурное наследие земли Смоленской (<https://nasledie.admin-smolensk.ru/istoriya/istoricheskie-materialy/revolyuciya-i-grazhdanskaya-vojna/velizhscoe-vosstanie-1918-g-n-n-ilkevich-l-a-kachulina/>); Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1: 1918–1922 / под ред. А. Береловича. М., 2000. С. 103–106.

⁵ *Илькевич Н. Н., Качулина Л. А.* Указ. соч.

⁶ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 17.

⁷ К делу приобщены отпечатанные на машинке стихотворения Пушкина, Некрасова, Надсона, тексты песен «Марш социалистов-революционеров», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Народовольческий гимн», «Народная Марсельеза» и др. (ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 36–43).

⁸ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 57.

⁹ «Советские фунты» — часть от помола, причитавшаяся государству в рамках продразверстки.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 57 об.

¹¹ Там же. Л. 84.

¹² Там же. Л. 98, 99.

¹³ Там же. Л. 29–29 об.

¹⁴ Там же. Л. 6 (машинопись).

¹⁵ Так в оригинале.

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 7–7 об. (машинопись).

¹⁷ «Гром победы, раздавайся!» (1791 г., слова Г. Р. Державина, музыка О. А. Козловского) — неофициальный русский национальный гимн конца XVIII — начала XIX в.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 26–26 об. (типографский набор). Текст содержит явные отсылки к русской народной песне, обычно начинающейся строками «Хороша наша деревня, только улица (улочка) грязна. / Хороши наши ребята, только славушка худа» (см., например: *Великорусские народные песни* / изд. А. И. Соболевским. Т. 6. СПб., 1900. № 449, 450, 453. Т. 7. СПб., 1902. № 344). Героев этой шуточной песни в некоторых вариантах называют «ворами и разбойничками».

¹⁹ «Было дело под Артуром (у Артура) — сатирическая переделка песни «Было дело под Полтавой» (написана на основе канта Петровской эпохи Иваном Молчановым (1809–1881), организатором и руководителем солдатского хора в начале 1850-х гг.), обыгрывающая реалии Русско-японской войны. Показательно, что в качестве прототекста здесь указана переделка, а не оригинал (что свидетельствует об известности и распространенности этой переделки в воинской среде наряду с другими сатирическими вариантами — «Как Варшаву мы сдавали», времен Первой мировой войны, и «Было дело под Черкасским», времен Гражданской войны). См.: *Поэзия в большевистских изданиях 1901–1917* / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. С. Эвентова. Л., 1967. С. 142–144. Ср. варианты под названиями «Всероссийская коммуна» (с указанием исполнения

на мотив песни «Было дело под Полтавой») и «Тюремная песня», опубликованные в эмигрантском издании «На чужой стороне» ([С. М.] Потаенная муза в советской России. II // На чужой стороне: ист.-лит. сборники под ред. С. П. Мельгунова, при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина. Сб. 6. Берлин; Прага, 1924. С. 228–229). Здесь же опубликована сатира «Торжественное заседание Совнаркома (В празднование трехлетия октябрьской революции 7 XI, 1920 г.)», в которой хор народа исполняет среди прочего первую строфу из «Всероссийской коммуны» (с. 226). Интересен также вариант, в котором речь идет о событиях Кронштадтского мятежа, опубликованный (без атрибуции и комментариев) под названием «Маленький фельетон. Кронштадтские частушки», см.: *Правда о Кронштадте: очерк героической борьбы кронштадтцев против диктатуры коммунистической партии...* Прага, 1921. С. 178–179.

²⁰ Ср. в «кронштадтском» варианте: «Нет ни спичек, керосину, / Все случинами сидят, / При коммуне большевистской / Только карточка едят» (Правда о Кронштадте... С. 179).

²¹ Текст песни отражает исторические реалии. 18 ноября 1918 г. в Велиж прибыл батальон Витебской ГубЧК (состоял из латышей, который был направлен в Семичовский Бор, где в это время шел бой между ротой Велижской ЧК и повстанцами. В тыл повстанцев большевики направили из Невеля и Усвят «Интернациональную бригаду» (из латышей и китайцев). См.: *Велижское восстание* (<http://vicebskreg.by/rus/район/история/2/>).

²² ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 793. Л. 27–27 об. (типографский набор).

«Кронштадтский» вариант содержит еще две заключительные строфы: «Диктатуру ниспровергнем, / Труд уволюшку дадим, / Землю, фабрики, заводы / Для труда распределим. / Труд равнень установит, / С трудом вольным навсегда / Братство всех людей настанет, / А иначе никогда» (Правда о Кронштадте... С. 179).

Варианты этой песни бытовали и в более позднее время: «В 1953 году в Архангельске молодого парня арестовали за то, что он, будучи навеселе, в гостях исполнил песню 30-х годов, которую слышал от отца, с такими словами: “Всероссийская коммуна разорила нас дотла. / А диктатура коммунистов нас до ручки довела. / Все раздеты, все разуты, / На посту солдаты в лаптях...” От сурового приговора его спасла только смерть “великого кормчего» (*Кравчинский М.* Музыкальные диверсаны. Нижний Новгород, 2016. Цит. по: <https://www.litres.ru/maksimkravchinskiy/muzikalnye-diversanty/chitat-onlayn>). Пара «Ленин — Троцкий» характерна также для частушек и анекдотов конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Публикаторы благодарят М. В. Ахметову за ценные консультации и указание на редкие печатные источники.

ФОТОВЫСТАВКА «ЮСЬВА. ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ДУДКАМИ. ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ»

Аннотация. Публикация содержит фотоматериалы, собранные в этноинструментоведческой экспедиции 2001 г. в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края. В центре внимания исследователей — многоствольные травяные флейты пöляннэз, а также одноствольные флейты пиксан и туригунка.

Ключевые слова: Пермский край, Юсьвинский район, коми-пермяки, традиционные музыкальные инструменты, многоствольные и одноствольные травяные флейты

Фотовыставка «Юсьва. Путешествие за дудками. Дневник экспедиции», на которой было представлено 36 фотографий, впервые была показана 23–29 сентября 2021 г. в рамках IV этноинструментоведческого семинара «Народные музыкально-инструментальные традиции: константы и инновации» в Государственном институте искусствознания (Москва). Все фотографии сделаны в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края, где в 2001 г. проводилась этноинструментоведческая (т.е. специально направленная на изучение традиционных музыкальных инструментов) экспедиция при поддержке гранта РГНФ (руководитель гранта — научный сотрудник Московской консерватории Д. В. Смирнов). Участники коми-пермяцкой экспедиции 2001 г. — Н. И. Жуланова и М. М. Горшков — подготовили выставку фото- и мультимедийных материалов, которой как бы отметили 20-летний юбилей экспедиции. Н. И. Жуланова, будучи руководителем экспедиции, координатором семинара и куратором выставки, осуществляла этномузыковедческое руководство проектом, подготовку сопровождающих текстовых материалов и комментариев, участвовала в разработке концепции и отборе фотографий. Основная часть работы выполнена этнографом, фотографом и видеооператором М. М. Горшковым, который не только явился автором всех фотографий, но и выполнил весь цикл подготовки фотоматериалов к экспонированию, подготовил демонстрационные видеоматериалы, а также написал (в свойственной ему художественной манере) краткий, но выразительный очерк-воспоминание об экспедиции. В данной журнальной публикации представлены избранные материалы выставки.

Юсьва с коми-пермяцкого — «лебединая вода». Так называется речка и село, на ней расположенное, центр Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского

Юлия Ивановна Исакова (1929 г.р., д. Дублёново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края) играет на двухствольных флейтах пöляннэз. 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Ансамблевая игра на двухствольных флейтах пöляннэз. Слева направо: Серафима Андреевна Аксёнова, 1930 г.р., Марфа Ермолаевна Кыласова, 1920 г.р., и Анна Николаевна Шилонослова, 1923 г.р. (д. Урманово Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Екатерина Степановна Крохалева (1910 г.р., д. Казённая Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края) играет на двухствольных флейтах пöляннэз. 2001 г. Фото М. М. Горшкова

края. Чуть более 20 лет тому назад, летом 2001 г., мы приехали сюда в поисках местной разновидности дудок-пэлянов (коми-перм. пöляннэз, ед. ч. пöлян). Экспедиция завершала многолетний проект по полевому изучению уникального реликта — последнего живого очага многоствольных флейт Восточной Европы.

Юсьвинские пэляны — это двух- или трехствольные ничем не скрепленные трубки с двойным косым срезом, они почти буквально совпадают по своей лаконичной конструкции с географически далекими литовскими (аукштайтскими) многоствольными флейтами (скудучяй) и сербскими дудурейками. Похожи и способы игры на них. От густых зарослей травы на берегу лесного ручья к срезанному стеблю и далее к музыкальному инструменту — путь совсем недлинный, ведь пэляны существуют на самой границе природного и культурного миров. Мы целенаправленно искали именно многоствольные инструменты, почти не отвлекаясь на другие темы, поскольку видели, что пэлянная традиция стремительно исчезает. Сегодня, в 2022 г., в юсьвинских деревнях не осталось ни одной из ее носительниц.

В наших полевых фотоматериалах много специальных серий, когда одна пэлянистка или один инструмент сни-

мался с разных ракурсов, в том числе очень крупным планом. Необходимо было запечатлеть мельчайшие детали строения инструмента, а также способы удерживания флейт руками, положение губ, мимику пэлянисток, ведь в этно-органографии нет мелочей. Вместе с тем мы фиксировали и другие родственные инструменты — например, одноствольные пикса́ны и туригу́нки, вырезанные из травяных стеблей или выкрученные из коры, на которых раньше играли мужчины и молодые парни, а теперь дети и иногда даже женщины. Но дороже всего для меня лица деревенских жительниц, моих друзей и рассказчиц, каждую из которых я помню и люблю.

Н. И. Жуланова,
кандидат искусствоведения,
Государственный институт
искусствознания
(Москва)

Мне очень интересны разные дудки, особенно простые, первобытные. Мне интересно рождение инструмента, появление звука, настройка, самая простая игра. И пэляны — как раз такие дудки.

Пэляны очень природный, лесной инструмент. Растение первоначально

Вör пикан (рус. «лесной пикан», лат. *Angelica Sylvestris*) — дикорастущее зонтичное растение, из полых стеблей которого изготавливаются многоствольные флейты пöляннэз и одноствольные флейты туригунки/тургумки (д. Дублёново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Двухствольные флейты пöляннэз, сделанные Татьяной Петровной Бычковой (1923 г.р., д. Дублёново Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

определяет и размер инструмента, и звучание. И дудки эти не однозвучные, а них всегда есть призвуки, обертоны.

Конечно, мы хотели найти живую традицию, записать музыку, а встречались в основном с воспоминаниями, с попытками сделать инструмент. Мы

занимались почти что археологией. И главным нашим «уловом» была не столько музыка, сколько множество этих нарезанных дудок, которые вечерами мы измеряли, продували, определяли их высоты. И пытались разобраться: а что же к чему? Почему, по мнению наших игриц, в одном случае две дудки считались оди-

наковыми по звуку, а в другом — разными? Получается, что очень важны некие тонкие звуковые соотношения. Но как их уловить, понять, описать? Как настраиваются между собой пöляны в большом ансамбле? Как возникает эта музыка? Это звучащее поле.

Прошло более 20 лет. Нам не удалось больше оказаться в тех краях.

Я вспоминаю лес, высокие травы, дудки, которые мы резали без счета и которых до сих пор лежит у меня дома целая коробка.

Еще я вспоминаю, мне тогда это очень понравилось, как Надя записывала репортажи. Магнитофон она включала еще на улице, перед домом, и не выключала, пока из дома не выходила. Чтобы ни одно слово не пропало.

У нас всё время было ощущение, что мы не успеваем, что всё уходит, убегает, что мы ухватываем самый, самый краешек. Мы очень спешили.

Что-то всё-таки ухватить удалось.

М. М. Горшков,
преподаватель, руководитель
этнографического
музея-мастерской,
Пушкинская школа № 1500
(Москва)

См. иллюстрации на 1-й и 4-й обложках номера.

Анна Ильинична Котова (1910 г.р., д. Чикманово Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края) играет на двухствольных флейтах пöляннэз. 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Комплект дудок для ансамбля из четырех двухствольных флейт пöляннэз, изготовленный из стеблей растения пöлян (лат. Angelica Archangelica) Анной Ильиничной Котовой (1910 г.р., д. Чикманово Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края). 2001 г. Фото М. М. Горшкова

Елена Викторовна Миненок,
кандидат филологических наук, Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Москва)

УКРАИНСКИЕ ПЕСНИ ИЗ ТАЕЖНОГО СЕЛА

Аннотация. Публикация представляет собой полевое исследование украинской песенной традиции Хмельницкой области, которую сохранила выдающаяся певица Анна Ивановна Куява (Бернет), 1930 г.р., более 60 лет проживающая в с. Тагна Заларинского района Иркутской области. Песенный репертуар певицы отличается жанровым разнообразием, музыкальные произведения сохраняют исконные ладовые особенности и богатую мелизматику украинских народных песен.

Ключевые слова: украинские народные песни, переселенцы, Восточная Сибирь, Иркутская область

С 15 по 30 августа 2021 г. в Заларинском районе Иркутской области проходила экспедиция отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Заларинский район — это один из важнейших районов для изучения переселенческих потоков времен Столыпинской реформы (1906–1914): «В 1896 г. через Залари помимо Московского тракта прошла и Великая Транссибирская железнодорожная магистраль. Благодаря этим двум великим путям Залари и стали определенным социальным и административным центром для округа»¹.

Основная экспедиционная работа осуществлялась в с. Тагна, расположенном в 40 км от районного центра. Увидев мой интерес к истории села, местные жители сразу же начинали рассказывать, как бурятский шаман заговорил здесь змей на сто лет, но вот срок вышел и змеи стали попадаться даже в огородах; о Теплой горе, на которой водят хороводы загадочные огоньки; о разрушенной церкви, в которой в 1930-е гг. был убит священник, отчего теперь тагнинские ребята, чтобы пройти мимо этого нечистого места по дороге в школу, выстраиваются в линию, берут друг друга за руки и быстро-быстро бегут. В каждом доме сохраняется память о приехавших в это таежное село предках из Смоленской, Могилевской, Тамбовской и многих других губерний. Живут в Тагне потомки русских, украинских, белорусских и чувашских переселенцев.

Поиски знатоков народной песни привели меня к Дому культуры, где на репетиции регулярно собираются женщины села. Встретили они меня очень радушно, продемонстрировали свой репертуар, который в основном состоял из песен литературного происхождения. На мои расспросы отвечали, что настоящие певицы в селе уже давно умерли. И вдруг вспомнили: есть тут одна очень пожилая женщина, она знает старинные песни, только с ней они не поют, потому что слов ее песен не понимают. Так я узнала об Анне Ивановне Куяве (в девичестве Бернет).

Анна Ивановна (1930 г.р.), приехала в Сибирь из УССР в июле 1961 г. помогать сестре, Марине Ивановне (1925 г.р.), оставшейся вдовой с пятью детьми, «поднять на ноги» племянников. Как рассказывает исполнительница, сестра с мужем завербовались в Сибирь,

...потому что бедно мы сильно жили, при Сталине же налоги какие были. Они в тот день в Сибирь уезжали, когда Сталин умер. [А как она узнала про Сибирь? Как она знала, куда ехать?] А как узнала? Потому что приехал... пошёл это покойный ей муж, на разрядку пошёл в контору, а там висело объявление, что вербовка... Объявление висит: вербуют на... в Сибирь. Он пришёл и говорит: «Знаешь, Марина, давай-ка, вербовка там есть, объявление висит, давай вербуемся, поедем-ка в Сибирь, может, там маленько лучше будет жить». Ну, поехали. Две семьи. Вот двое, двое с нашей деревни. Ну, одна — муж и жена, а наши-то было, трое детей уже было, с троими она ехала².

Сама Анна Ивановна, как и ее сестра, уроженка с. Яськовцы (укр. Яськівці) Михалпольского района Каменец-Подольской области³. В семье было семеро детей, отец, талантливый печник, погиб на фронте. Начала работать с 11 лет:

Телятницей маленько поработала, потом коров группу купили на рынках и на группу коров поставили, шестнадцать коров у меня было, группа. А ещё у меня бригадир спрашивает: «Ты умеешь доить?» Я говорю: «Умею». А сама-то не умела ещё, кого там, а надо работать, надо же как-то чем-то жить, надо хлеба зарабатывать. У нас хлеба то давали по 250 грамм на трудодень.

После моего первого вопроса о песнях она, немного смущаясь, ответила: «Я могу вам сотни их напеть, только сил нету».

Действительно, пение народных песен для Анны Ивановны — это важнейшая часть ее жизни, причем занятие это наследственное: «У меня и отец хорошо [пел], у нас вся родовая, вся, хорошо поют». Она пела с двоюродным братом, который остался на Украине («я басом, а он выголашивал»), с сестрой Мариной,

которая позвала ее в Сибирь, — «она выголашивала»; со свекровью, с соседями, с подругами-доярками, «на гулянках», причем очень часто местные русские женщины пели с ней ее песни, привезенные с Украины. А сейчас все те, с кем ей приходилось петь, ушли из жизни, поэтому, признается Анна Ивановна, «я и сама пою, когда сама варю там в зимовье, так и с песнями постоянно». Такая преданность народному пению позволила Анне Ивановне сохранить прекрасную музыкальную память: на момент записи в ее репертуар входило более 50 музыкальных произведений (баллады, обрядовые и лирические песни); основной корпус репертуара составляли традиционные украинские песни. Так, помимо публикуемых произведений Анна Ивановна знает такие широко распространенные песни, как «Ой, хмелю, мой хмелю, хмелю зелененький», «Посею огурочки», «Ой звидты, гора, и с другой гора, промеж тьми крутьми горами всходила заря» и т.д. После каждой пропетой песни Анна Ивановна начинала подробно ее комментировать: от кого услышала, когда и с кем пела.

Исполнение Анны Ивановны отличается уникальной лексической и фонетической консервативностью, что позволяет говорить не об украинизмах в песнях, а, наоборот, о включении русизмов. В пении также отражаются и диалектные черты родного для певицы подольского говора юго-западного наречия украинского языка: [o], близкое к [y]; гласные переднего ряда имеют переходный характер, например, [э] более верхнего подъема, близкий к [и] или [ы]. Вследствие того что наше слуховое восприятие фонетических особенностей речи основывается на выработанных слуховых навыках, возникает проблем-

Анна Ивановна Куява (Бернет), 1930 г.р., с. Тагна Заларинского р-на Иркутской обл. Фото Ф. С. Миненка

ная ситуация перевода устного звучания песенной речи в письменный вариант: там, где русскоязычный исследователь будет слышать [э], украиноязычный фольклорист может услышать [и] или [ы]. В данной публикации такие переходные гласные в текстовых расшифровках песен дублируются еще одной буквой в скобках. Кроме плавающих, переходных гласных в объеме одной песни в одних и тех же словах (формах слов) могут пропеваться и разные гласные: например, *тэрном* и *тырном* (терновником), *долюбэзна* и *долюбізна* и т.д.

Помимо сохранения диалектного звучания можно отметить и значительное влияние русского языка на фонетический облик песен. Так, о фонетической русификации песенных текстов свидетельствует смягчение ряда согласных: губных *б* (*нэ бери* вместо *нэ бэри*⁴, *тэбе* вместо *тэбэ*), *в* (*половина* вместо *половына*, *вийшла* вместо *вийшла*, *верба* вместо *вэрба*), *м* (*всима* вместо *всима*), *п* (*перстень* вместо *пэрстэнь*); зубного *с* (*сестри* вместо *сэстры*), небно-зубного *р* (*подарила* вместо *подарыла*) и задне-нёбного *к* (*стороньки* вместо *сторонькы*), а также оглушение приставок: *связали* (вместо *звязали*). Sporадически прослеживается аканье: *навинка* (вместо *новинка*), *брасай* (вместо *бросай*).

И в устной речи, и в распетой Анна Ивановна на месте [г] произносит фрикативный [γ], однако встречается и произношение взрывного среднерусского [г].

В музыкальном отношении песни Анны Ивановны также очень интересны: они ритмически стабильны, сохраняют исконные ладовые особенности и богатую мелизматическую украинскую песен. По словам исполнительницы, она легко подстраивалась под любого певца (русского или украинца), могла петь «басом» или «выголášивать»: «Когда была молодá, то и выголášивала, но вот сейчас же сил нету, у меня голосу».

Из календарного песенного наследия Анна Ивановна хорошо помнит песни, которые исполнялись в ее родном селе 7 июля («свято Яна» — Рождество Иоанна Предтечи). Парни срубали большую вербовую ветку (*гильцэ*), похожую на целое деревце, приносили его девушкам, а те наряжали деревце конфетами, цветами, яблоками и ягодами черешни: «Под купайлом мы, под гильцём мы сидим все и поём... 3 вербы вырубает ветку такую, украшаем её и садимся вечером, все девчонки, парни приходят, поём». В этих песнях упоминали присутствовавших парней и девушек. Под конец, по словам Анны Ивановны, «это гильцэ ломаем, кто сколько захватит, и кидаем на огурцы, чтобы огурцы хорошо росли». На вопрос о возрасте собирающейся под деревцем молодежи Анна Ивановна, засмеявшись, ответила: «Подростки вот такие, гуляли уже с парнями, мы уже от парней да-й по огородам прятались... а потом все равно оны нас найдут». Привожу два примера таких песен (нотные примеры 1, 2)⁵.

Пример 1. Ой, нині свято Яна, Яна

1. Ой, ни - ні свя - то Я - на, Я - на -
Ві - йшла Га - ну - ня га - рно у - бра - на...

Пример 1. Ой, нині свято Яна, Яна

Пример 2. Долюбізна моя мати, долюбэзна

1. До - лю - бі - зна мо - я ма - ти, до - лю - бе - зна,
Э - ой, там ми - не та Га - нну - ня, ей, по - лю - бил...
2. О - на ми - не, та Га - нну - ня, по - лю - би - ла,
Ей, о - на мі - ні чо - рны - ю ху - стку, ей, по - да - ріл...

Пример 2. Долюбізна моя мати, долюбэзна

1. Ой, нині свято Яна, Яна

1. Ой, нині свято Яна, Яна —
Війшла Гануня⁶ гарно убрана:
2. На нюю⁷ хлопці зглядаються,
Провітатися⁸ стидаються.
3. Іден⁹ як... парінь не встидався,
Взяв за рученьку, провітався:
4. — Ой, чи ти жива, чи здорова,
Моя Гануня чорноброва?
5. — Ой чи ти живий, чи здоровій,
Ти ж мій якийсь там¹⁰ чорнобровий¹¹?
(ZOOM0169.WAV).

2. Долюбізна моя мати, долюбэзна

1. Долюбізна моя мати¹², долюбэзна,
Е-ой, там мене та Гануня, ей, полюбил(а).
2. Она мене, та Гануня, полюбила,
Ей, она міні бі... білу... чорную¹³ хустку,
й подарі(ла).
3. Она міні чорну хустку да й до боку,
А я її срібний перстень да й на руку¹⁴
(00210.MTS).

Анна Ивановна пояснила: «У нас ідєт [парень] сватать девку, обязательно платок она [ему] цепляет до боку [обводит рукой вокруг бедра] — идєт сватать, или рушник, рушником перевязывает [проводит ребром ладони по телу по диагонали]».

Живя в д. Яськовцы, исполнительница принимала участие в свадебных обрядах:

У нас же на Украине делаешь, стружки¹⁵ покупаешь, эти цветочки делаешь, вся голова... идєшь... приглашаю на свадьбу, вся голова в цветах и сзади целая куча лент на спине. Я сама их наряжала, этих невестов. (...) Невестам делала венки, в пятницу, «винкоплетення» у нас называется, в пятницу. Винкоплетення — венки плели с барвинку, шили ниточками, листики шили. Приходит жених и садимся, стол накрываем, гуляем вечер. В субботу уже идєм на свадьбу приглашать по деревне.

Вспоминая, как расплетали косу невесте, Анна Ивановна заметила: «У нас сильно жалобны поют песни» — и тут же спела свадебную, под которую совершалось это действие (пример 3).

3. По подвіру ходила

1. По подвіру ходила,
По подвіру ходила,
З явором гаваріл(ы):
2. — Ой, явори, яворочку,
Ой, явори, яворочку,
И розвиси(е)ли сирдень(о),
3. Бо й воно засмучани(е),
Бо й воно засмучани(е),
Відколи¹⁶ заручан(е),
4. Заручити заручили,
Заручити заручили —
Е, робити не научил(и)¹⁷.
5. Е, научат мене добрі люди,
Научат мене добрі люди —
Жаль матіноньки буд(е),

$\text{♩} = 82$

1. По по - дві - ру хо - ди - ла,
По по - дві - ру хо - ди - ла,
З я - во - ром га - ва - рі - лы:
2. - Ой, я - во - ри, я - во - ро - чку,
Ой, я - во - ри, я - во - ро - чку,
И ро - зви - си - ли си - р(е) - де - ньк'

Пример 3. По подвіру ходила

$\text{♩} = 112$

На - ша не - ве - ста, на - ша,
На - ша не - ве - ста, на - ша,
Зла - па - ла се - бе пта - ша,
Зла - па - ла го - ро - бчи - ка -
Же - ні - ха мо - ло - дчи - к...

Пример 4. Наша невеста, наша

$\text{♩} = 92$

1. Ой, на го - рі, на кру - ті - ї,
Там зи - ле - ний дуб сто - ял.
Під тим ду - бо - м(и) зе - ле - не - ньки - м(и)
Ко - зак ді - вку о - бі - мал.

Пример 5. Ой, на горі, на круті

6. Жаль матінки, жаль бате(и)ньку¹⁸,
Жаль матінки, жаль бате(и)ньку,
Ше й мойому сирденьку(y)
(00208.MTS).

Когда жених вел невесту в свой дом,
то пели следующее (пример 4):

4. Наша невеста, наша

Наша невеста, наша,
Наша невеста, наша,
Злапала себе пташа,
Злапала горобчика —
Женіха молодчика¹⁹
(00221.MTS).

В родном селе Анны Ивановны молодежь собиралась на *вечорниці*, приносили продукты в выбранный заранее дом, пели и танцевали там, при этом хозяйка дома не только приглядывала за порядком, но и учила молодежь старинным песням («Женщина нам пела, мы собирались, так девчонки собрались, складчину собирали, она пела нам, я её переняла, хозяйка, хозяйка пела»). Вот эта песня (пример 5):

5. Ой, на горі, на круті

1. Ой, на горі, на круті,
Там зи(е)лений дуб стоял.
Під тим дубом(и) зелененьким(и)
Козак дівку обнімал.
2. Той дівчині странно стало —
Стала плакати ше й рідати.
Козаків жалко стало —
Став дівчонку жалу(о)вати:
3. — Ни плач, дівко, ни плач, красна,
Ни плач, души(е)чка моя!
Як я буду жинитися,
Возьму замуж за сібя!
4. — Ой, ни може й того бути,
Шоб сухой дуб процвітал!
Ой, ни может того бути,
Штоб богатий бідну взял.
5. — Я батиньку попрошуся,
А матінку попрошу:
— Позволь, мати, жинитися,
Взять ту бедну сироту!
6. Ой, сирота біду знай —
Буде мене жаловать,
Й а багата й розпроклята —
Буде мене покідати
(ZOOM0161.WAV).

В 1941 г. Яськовцы попали в зону нацистской оккупации. Родную сестру Анны Ивановны (ту самую, которая потом попросит ее переехать в Сибирь) в возрасте 16 лет отправили на принудительные работы в Германию. Анна Ивановна связывает исполнение публикуемой ниже песни (пример 6) с драматичной ситуацией в своей семье: «Это когда мою сестру забрали в Германию, мы её стали петь <...>. Забирали, повестку принесли, и всё — собирайся, и всё. Кто мог откупиться, так и откупался, а мы бедно жили».

♩ = 102

1. Е - ой, пі - ду я в ліс по дро - ва,
на - ло - м - лю я ло - му.
За - вів ме - не ду - рний ро - зум,
е, на чу - жу сто - ро - (fo) - ну.
(2) па - ют со - ло - вей - кі.

Пример 6. Е-ой, піду я в ліс по дрова, наломлю я лому

♩ = 130

1. [Во - на ж йо - го ой та й] по - ро - ди - ла
В зи - ле - ній ді - бро - ві.
Дай ни да - ла то - му ко - за - ко - ві
Ні ща... ні ща-стя, ні до - лі.
Тай ни да - ла то - му ко - за - ко - ві
Ні ща... ні ща-стя, ні до - лі.

Пример 7. Фрагмент песни «Ой, у лузі да ще при дорозі червона каліна»

♩ = 84

1. О - й(і), ве - рба, ве - рба, где ти ро - сла,
Шо й(і) тво - є ли - стя (є) во - да зни - сла?

Пример 8. Ой, верба, верба, где ти росла

6. Е-ой, піду я в ліс по дрова, наломлю я лому

- Е-ой, піду я в ліс по дрова, наломлю я лому.
Завів мене дурний розум, е, на чужу сторону.
- А в чужій сторононьки⁽ⁱ⁾²⁰ ні атца²¹,
ні нььки⁽ⁱ⁾,
Тільки в саду вишневому пают соловейкі^(и).
- Пойті, пойті, соловейкі, всемя голосами,
А я піду в сад вишневій вмоюся сльозамі^(и).
- Ой, вирву я з рожі квітку да й пушу й на воду:
Плини, плини, з рожі квітка²², аж до мого й роду.
- Плила, плила з рожі квітка да й на воді стала,
Війшла мати воду брати да й квітку й пізнала.
- Ой, чого ж ти, з рожі квітка, на воді зів'яла,
Либонь моя рідна дочка в бальниці лижала?
- Не^(и) ле^(и)жала, моя мати, а ні дня ні ночі,
Тільки болять, рідна мати, от сльоз карі очі (ZOOM0164.WAV).

Сестра знала очень много песен, Анна Ивановна хорошо запомнила один фрагмент из песни, которую та пела (пример 7).

7. Фрагмент песни «Ой, у лузі да ще при дорозі червона каліна»

- [Вона ж його ой та й] породила в зи^(е)леній діброві,
Да й ни^(е) дала тому козакові ні ща...
ні щастя, ні долі,
Та й ни^(е) дала тому козакові ні ща...
ні щастя, ні долі.
- Було міні, моя рідна мати, цих брів ни^(е) давати,
Було міні, моя рідна мати, щастя...
щастя й долю дати!
(00211.MTS).

Публикуемую ниже песню (пример 8) Анна Ивановна «за один раз переняла» от жены дяди: «Маминога брата жена, жалобный напев, она вдовой молодая осталась».

8. Ой, верба, верба, где ти росла

- Ой, верба, верба, где ти росла,
Шо й твоє листя (є) вода знісла?
- Ой, знісла листя бистра вода,
Обмила корінь бистра ріка,
3. Обмила корінь бистра ріка,
Ни піду замуж за год, за два.
- Ни піду замуж за п'ятого,
За п'яниченьку проклятого.
- Ой, кажуть люди, шо він ни п'є, —
Он щовечира²³ й до кошмы²⁴ йде.
- Ой, щовечира, щораночку²⁵,
Пропив коника й нагайочку,
- Пропив коника й вороного,
Сам йде до стайні по другого,

$\text{♩} = 96$

1. По - ло - ві - на са - ду цві - те,

По - ло - ві - на в'я - ни, И

хтось до ме - не ран - ше хо - див,

Ти - пер ни за - гля - ни.

Пример 9. Половина саду цвіте

$\text{♩} = 110$

1. А в на - шой де - ре - вні слу - чи - лась на - ві - нка:

По - лю - би - ла Ка - ти - ри - на ба - га - цько - го си - на.

2. — Бра - сай, Гри - чю, жі - нку, а я чо - ло - ві - ка,

Да й(и) по - ї - дим на Вкра - ї - ну, где ви - се - ло жи - ти,

Да й(и) по - ї - дим на Вкра - ї - ну, где ви - се - ло жи - ти.

Пример 10. А в нашой деревні случилась навінка

8. Сам йде до стайні по другого,
А я, молода, протів його,
9. А я, молода, протів його,
Нису рублика й золотого.
10. Нису рублика, двадцаточку,
Викупить коня й нагайочку.
11. Ой, ни раз, ни два викупала,
Середнім вікном двері мала²⁶.
12. Середнім вікном двері мала,
В вишневім саду й ночувала.
13. Під чирвоною калиною,
Ше й з маленькою й дитиною.
14. Зазуля кажи: «Ку-ку! Ку-ку!» —
А я, молода, терплю муку.
15. Соловей кажи: «Тьох-тьох, тьох-тьох!» —
Котятця сльози як той гарох.
16. Котятця сльози як фасоля —
Побила мене лиха й доля!²⁷
(ZOOM0156.WAV).

Во время сеанса записи Анна Ивановна останавлівалась, задумывалась, потом говорила: «Спою ещё, как же!» — и продолжила петь (пример 9).

9. Половина саду цвіте

1. Полови(и)на саду цві(є)те, половина
в'яни(є)...
И хтось до мене ранше ходив, типер
ни загляни(є)²⁸.
2. Ой, ходив він щосуботи²⁹ да ше
й щониділі³⁰,
И, наведено, мати приказала: «Не бери
дівчини!»
3. — Міні мати ни казала, сам я добри(є)
знаю:
Чи(є)ри(є)з твої товаришки³¹ тибе
покидаю!
4. Ти думаєш, дівчинонько, шо я тибе
лишу³²?

Я ж до тебе, дівчинонько, листочок³³
напишу!
5. Ти думаєш, дівчинонько, што й ти така
гарна?
И заплати міні за тоє, што й ходив я здавна!
6. — Чи я тобі, козаченьку, да й ни(є)
заплатила?
Ци(є)лував личко рум'яни(є) — я ни
боронила³⁴.
7. Ци(є)лувал при зорах ясных, ше й при
місяченьку,
I вроцоті ми(i) с тобою, любій козаченьку!
(ZOOM0158.WAV).

Публикуемые ниже две баллады (примеры 10, 11) Анна Ивановна пела в родной украинской деревне. Первая имеет характерный балладный зачин «А в нашей деревне случилась новинка».

10. А в нашой деревні случилась навінка

1. А в нашо(є)й деревні случилась
навінка:
Полюбила Кати(є)рина багацького сина.
[Полюбила Кати(є)рина багацького
сина]³⁵.
2. — Брасай, Гричю³⁶, жінку, а я чоловіка,
Да й поїдим на Україну, где висело жити,
Да й поїдим на Україну, где висело жити.
3. — Ой, боюсь я, Катра, шток нас
ни поймали,
Штоби наші білі ручки назад ни связали,
Штоби наші білі ручки назад ни связали.
4. — Ой, ни бійся, Грицю, ни бійся нічого:
А я свого чоловіка послала косити,
А я свого чоловіка послала косити,
5. Косив Василь с...
Косив Грицьо³⁷ сіно до краю, до... ой...
Прийшов... ой... Ой, прийшов він... [сби-
лась].
6. Прийшов він додому... та й питає свої
діти:
— А где ж наша мати?
(«Я вже кое-чо забула»... [Продолжает
петь.]
7. — Наша, батьку, мати пішла по калину,
I сказала, забожила, што я вас покину!
8. Наша, батьку, мати пішла по тилята
I сказала наша мати, што ви сиротята!
9. Ой, кинувся Грицьо до нової скрині —
Нима срібла, нима золота, нима й
Кати(є)рини!
Нима срібла, нима золота, нима й
Кати(є)рини!
10. Ой, дай, Боже, сні(є)гу, ше й люті
морози,
Заморозьте Катирину за сиротські сльози,
Заморозьте Катирину за сиротські сльози!
(00212.MTS).

11. Е, ой, ковале, ти коваличеньку

1. Е, ой, ковале, ти коваличеньку,
Чо й ни куеш сталі пораненьку?
2. Ой, чи в тебе сталі ни хватає,
Ой, чи в тебе дівчини нимає?
3. — Ой, є в мене дівка Катерина,
Вона міні жалю нарбила.
4. Она міні жалю нарбила —
До полночі сина породила.

1. Е - о - й(и), ко - ва - ле, ти ко - ва - ли - че - ньку,
 Чо' й ни ку - єш ста - пі по - ра - не - ньку?

Пример 11. Е, ой, ковале ти, коваличеньку

1. Бри - чки тво - ї ше й ка - льо - си
 по - ви - ка - ту - ва - па,
 Ко - ні тво - ї во - ро - ні - ї
 по - за - мо - ри - ва - па, И
 ко - ні тво - ї во - ро - ні - ї
 по - за - мо - (о) - ри - ва - па.

Пример 12. Фрагмент баллады о донцѣ

1. Ой, ві - йду я на тот га - нок,
 Ой, ві - йду я на тот га - но - к;
 Чи не ї - ди мій ко - ха - н...

Пример 13. Ой, вйду я на тот ганок

5. До полночі сина породила,
А с полночі в кирниці втопила.
6. А с полночі в кирниці втопила,
Шла додому ше й Бога просила:
7. — Ой, дай, Боже, снігу, ше й морозу,
Штоб замело стежки, ше й дорожки.
8. Штоб замело стежки, ше й дорожки,
Штоб ни знали циганки-ворожки.
9. Штоб ни знали, куда я ходила,
Штоб ни знали, кого я любила.
10. Я любила вдовиного сина,
Я думала, што й буду щаслива.

11. Я думала, што й буду щаслива,
А я свою щастя в кирниці втопила
(ZOOM0171.WAV).

Анна Ивановна вспоминала, что хлопцы в ее деревне тоже много и хорошо пели. Особенно она отмечала красивое пение одного молодого парня, чья судьба сложилась очень трагично.

Одного парня вспоминаю, как мы ишли, только он пел, только я голос запомнила

его, пел он так красиво, голос такой у его был. А потом поехали это на берег гулять пацанами, и нашли... После войны же у нас везде эти мины валялися. Он нашёл эту мину и другим ребятам, трое их были: «Надо, — говорит, — в землю её забить, а то потом это, будет это городы пахать, дак, может, коня [убить]». А сам не подумал, что это... Стали забивать, и это мальчишку, который забивал, все на куски разнесло, даже руки одной не нашли. А одного ранило в глаз, вот который красиво пел-то, Володя было его звать, а другого Коля было звать, а того тоже Володя было звать, которого разорвали. Пошли з мешком, только мясо принесли в мешочке, пособирали з него... [Плачет.] Так, чо-то мы сидели с подругой, моей двоюродной сестрой мы сидели... Дождь ещё помню, такой дождик шёл добрый тот день... Ой, плакали, все так плакали.

Вот фрагмент песни того парня, который запомнила Анна Ивановна (пример 12):

12. Фрагмент баллады о донцѣ

1. Брички твої ше й кальоси повикатувала,
Коні твої воронії позаморивала,
И коні твої воронії позаморивала.
2. Коні твої воронії позаморивала,
Брички твої ше й кальоси повикатувала,
Брички твої ше й кальоси повикатувала³⁸
(ZOOM0163.WAV).

«Вот это запомнила, — рассказывала Анна Ивановна, — а уж как... Так красиво пел! Который раз вспомню его так. Такой парень красивый! Мы дружили с ним. А потом в глаз ему осколок попал, и потом стали у его припадки». Во время одного из припадков этот человек убил свою тещу.

Анна Ивановна легко перенимала песни везде, где только их слышала. Ей пришлось жить в разных деревнях Заларинского района, и везде она пела песни не только из своего репертуара, но и те, что пели другие переселенцы с Украины. Приведенную ниже песню (пример 13) Анна Ивановна переняла от знахарки Варвары Бубникової (бабки Бубничихи):

Она лечила, давно уже она умерла. [С Украины?] С Украины, да, она это... Ну, я её захватила тут, они жили на Ивановке³⁹. Когда меня сестра привезла, они жили тут, на Ивановке жили, вот мы часто собиралися, та компания, это на Ивановке часто собиралися гуляли⁴⁰.

Интересны обстоятельства, при которых Анна Ивановна выучила песню:

Когда у меня муж это первый умер, Петин отец, она у меня неделю жила, помогала так, ну, скучно было по первости. Она у меня недельку жила, ну, пела эту песню. А я возьму бутылочку, красную, она любила

♩ = 92

1. Я с то - бо - ю, Ва - ня, с е м ь л е т п р о - ж и - ла,

Я в сво - ї ма - ті - нки ра - зу й ни бу - ла - (ґа - ґа),

Я в сво - ї ма - ті - нки ра - зу й ни бу - ла.

Пример 14. Я с тобою, Ваня, с е м ь л е т п р о ж и л а

♩ = 90

1. Ой, та - м на го - рі, ой, та - м на кру - тій,

Ой, там си - ді - ло па - ра й го - лу - бей.

Пример 15. Ой, там на горі, ой, там на крутій

♩ = 136

1. — Ку - мцю - лю - бцю, ві - дчи - ни: я при - ніс пше - ни - ці!

— О - й, кум, ни ни - си, я ни біз спі - дни - ці!

О - й, кум, ни ни - си, я ни біз спі - дни - ці!

Пример 16. Кумцю-любцю, відчини

выпить красного вина, мы с ней, и начинаем с ней петь (...). Она постоянно пела, мы пели много с ней... [Она пела высоким голосом?] Она уже старенькая была, конечно, мы вместе пели басом обои, что она, что я.

13. Ой, вйду я на тот ганок

1. Ой, вйду я на тот ганок⁴¹,
Ой вйду я на тот ганок;
Чи не їди(е) мій кохан(ок).
2. А він їди, а я бачу,
А вон їди, а я бачу,
Він сьміється, а я плач(у).
3. Пустив коня й а в долину,
Пустив коня й а в долину,
Сам ліг спати на годин(у)⁴².
4. Надійшлася чорна хмара⁴³,
Надійшлася чорна хмара,
Где-то взялась дівка брав(а).
5. Да й вирвала травиченьку,
Да й вирвала травиченьку,
Да й вдарила по личеньк(у):
6. — Вставай, вставай, годі⁴⁴ спати,
Вставай, вставай, годі спати:

Ідуть турки вої(є)ват(и).

7. Ідуть турки с китаямі(и)⁴⁵,
Ідуть турки с китаямі(и) —
Во(у)зьмуть коня с поводам(и).
8. Коня возьмуть — другій буде,
Коня возьмуть — другій буде,
Тебе уб'ють — то жаль буд(е)
(ZOOM0159.WAV).

Следующую песню (пример 14) Анна Ивановна выучила от украинской переселенки⁴⁶ уже в с. Тагна: «Это она работала кладовщиком, женщина, на конях ездили на ферму и пели эту песню. Я её сразу переняла. Ехали на работу и пели дорогой, ехали на работу на коне зимой».

14. Я с тобою, Ваня, с е м ь л е т п р о ж и л а

1. Я с тобою, Ваня, с е м ь л е т п р о ж и л а,
Я в свої матінки разу й ни(е) була,
Я в свої матінки разу й ни(е) була.
2. Я в свої матінки разу й ни була,
Й а в же ж та стижечка тирном заросла,

- Й а в же ж та стижечка тирном заросла.
3. Ой, заросла тирном, ше й тирноюю,
Ой, куда я ходила ше й дівчиною,
Куда я ходила ше й дівчиною.
4. Ой, возьму я ножок — тирен просічу,
До свої матінки орлим⁴⁷ поличу,
До свої матінки орлим поличу.
5. До свої матінки орлим поличу,
Ой, сяду я, впаду в вишневім саду,
Ой, сяду я, впаду в вишневім саду.
6. Ой, сяду я, впаду в вишневім саду,
Ой, на той че(и)ре(и)шеньке, шо в самом краю,
На той че(и)ре(и)шеньке шо в самом краю.
7. На той че(и)ре(и)шеньке, шо в самом краю,
Там я заспіваю, там я закую,
Там я заспіваю, там я закую.

8. — Ой ви, нивісточки, ви мої дочки,
Йдіте повигоньте в саду пташи(е)чки,
Йдіте повигоньте в саду пташи(е)чки!
9. — Ой, то ни пташи(е)чки, то наша с(і)стра,
До свої матінки в гостоньки прийшла,
До свої матінки в гостоньки прийшла
(ZOOM0160.WAV).

Перенимала песни Анна Ивановна и от родственников, которые приезжали на Украину из других регионов. Так, следующую песню (пример 15) исполнительница выучила от своей невестки, жены брата, которая приехала из Нижнего Новгорода.

15. Ой, там на горі, ой, там на крутій

1. Ой, там на горі, ой, там на крутій,
Ой, там сиділо пара й голубей.
2. Вони сиділи, накривалися,
Всьо в чорну хмару приглядалися.
3. Всьо в чорну хмару приглядалися,
На себе стрільця сподівалися.
4. Вилітів шуляк⁴⁸ з чорної хмарі⁴⁹ —
Голуба убіл, розлучив з парі.
5. Голуба убіл, голубку забрал,
Он взяв ей під полу да й приніс додому.
6. Приніс він додому, пустив її в комору,
Наліл ей водиці, насипал пшениці.
7. Водиця не п'ється, пшениця не клюється,
Коло мого серця как гадюка в'ється
(ZOOM0161.WAV).

В репертуаре Анны Ивановны есть и частые песни, в том числе и на польском языке. Польский язык также знаком исполнительнице с детства: «Мама в костёле крестилася. Мама нас молитвися научила по-польски, я и так и молитву молю по-польски». Привожу одну из исполненных украинских частых песен (пример 16).

16. Кумцю-любцю, відчини⁵⁰

1. — Кумцю-любцю, відчини⁵¹, я приніс пше(и)ниці⁵²
— Ой, кум⁵³, ни(е) ни(е)си, я ни(е) біз спідниці⁵⁴!
Ой, кум, ни(е) ни(е)си, я ни(е) біз спідниці!

2. — Кумцю-любцю, відчини, я приніс
ячменю!⁵⁵
— Ой, кум, ни(е) ни(е)си, де я їво змелю?
Ой, кум, ни(е) ни(е)си, де я їво змелю?
3. — Кумцю-любцю, відчини, я прини(е)су
просо!
— Ой, кум, ни(е) ни(е)си, бо я ше ни(е)
боса!⁵⁶
Ой, кум, ни(е) ни(е)си, бо я ше ни(е) боса!
4. — Кумцю-любцю, відчини, я прини(е)су
жорна!
— Ой, кум, ни(е) ни(е)си, бо я ни(е)
моторна!⁵⁷
Ой, кум, ни(е) ни(е)си, бо я ни(е)
моторна!
(00224.MTS).

Данная подборка текстов далеко не исчерпывает весь репертуар Анны Ивановны. Она поет и песни более позднего происхождения: «Скакал казак через долину», «Ой, калина, ты, калина, в речке синяя вода», «Воскресенье поздно вечеромшла Нюра из клуба домой», «У меня под окном расцветала сирень», «Посею огорочки над водой», «Ой, хмелю, мій хмелю, хмелю зелененький», «Стояла сосна, пылала» и т.д. Однако именно традиционные украинские песни в ее исполнении остаются тем крошечным уникальным островком живой народной традиции, который чудом сохранился в далеком таежном селе.

Примечания

¹ Макогон Г. Н. Заселение Заларинского района в годы Столыпинской аграрной реформы // История, этнография, архитектура переселенческих сел периода Столыпинской реформы: материалы науч.-практ. конф. 3 июля 2008 г., пос. Залари Иркутской области. Иркутск, 2011. С. 119.

² Видео- и аудиозаписи, сделанные от А. И. Кузвы, хранятся в Фольклорной коллекции ИМЛИ РАН. Фонд Е. В. Миненок. 2021 г. После каждой нотной расшифровки дается номер файла.

³ Согласно современному административному делению Украины, это село находится в Хмельницком (бывшем Деражнянском) районе Хмельницкой области.

⁴ В тексте статьи и в комментариях используется русская орфография, в песенных текстах — украинская.

⁵ Выражаю глубокую благодарность кандидату филологических наук, фольклористке Людмиле Владимировне Иванниковой (Людмила Иваннікова) за редактирование расшифровок песенных текстов, приведение их к украинской орфографической норме и за подробное комментирование публикуемых песен.

⁶ Гануня — певица вставляет вариант своего имени Анна.

⁷ На нюю (укр. диал. подол.) — форма вин. пад. личного местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. Здесь и в последующих примечаниях комментарии Л. В. Иванниковой, кроме тех, которые помечены инициалами Е. М.

⁸ Провітатися (укр. диал. подол.) — поздороваться за руку.

⁹ Їден (укр. диал. подол.) — один.

¹⁰ Поскольку Анна Ивановна поет обрядовую песню вне ритуального времени и в отсутствие участников обряда (парней), она не находит подходящего имени и пропевает *якийсь там*, т.е. какой-то там, имярек.

¹¹ Все нотные расшифровки, а также строфическое деление песен выполнены научным сотрудником Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского Л. П. Маховой. — Е. М.

¹² *Долюбізна моя мати* — возвышенное обращение к матери.

¹³ В двух записанных вариантах этой песни исполнительница сначала пропевает *белу*, а потом как бы поправляет себя и пропевает *чорную*. Выскажем предположение. В 1960–1970-е гг. на Украине появились черные шерстяные платки из тонкой фабричной шерсти — «тернові хустки», они очень ценились. Возможно, в песне зафиксирована бытовая ситуация, когда девушки перестали вышивать белые платки, а дарили новые черные. Они были дорогими, и мало кто мог позволить себе их купить.

¹⁴ Песня фиксирует завершение добрых отношений на том этапе, когда происходит обмен значительными подарками, символизирующими будущее сватовство, и парень сообщает об этом согласованном с будущей невестой решении своей матери, поэтому в песне используется такое стилистически возвышенное обращение к матери.

¹⁵ *Стру́жки* — тонкая цветная бумага, из которой делали искусственные цветы и букетики.

¹⁶ *Відколи* — с тех пор как.

¹⁷ Невеста укоряет свою мать в том, что ее просватали очень рано, совсем молоденькую, она даже еще не научилась работать.

¹⁸ Родители будут видеть, как жестоко учат их дочь «добрые» люди, и будут сожалеть, что отдали ее, такую молодую, замуж. Возможно, произошло частичное смешение управления словом *жаль* родительным и дательным падежами: *матінки* (род. пад.), *бате(у)ньку* (дат. пад.). При этом правильной формой была бы *жаль матіноньці/матініці* (дат. пад.).

¹⁹ Анна Ивановна отметила: «Там на имя зовешь — молодца молодчика». — Е. М.

²⁰ Согласно литературной норме украинского языка, должно быть: *чужої сторонки*, где *к* твердое, но под влиянием русского языка певица смягчает задненёбный [к], который звучит наподобие окончаний в русских словах: *песенки, девочки*.

²¹ В другом варианте той же песни, исполненной А. И., вместо *ні атица* пропевається *ні батка*.

²² В данном варианте утрачена форма звательного падежа, в вариантах, опубликованных в украинских сборниках, сохраняется обращение к цветку: *з рожи квітко*.

²³ *Шовечира* — каждый вечер.

²⁴ Буквой *ы* обозначается гласная, близкая к дифтонгу *уи*. Несмотря на то что в украинском алфавите нет такой

буквы, она употребляется украинскими этномузыкологами для песен, записанных в западной части Украины (например, на территории Закарпатья, Львовской области, для лемковских песен. См.: Фольклорні матеріали з отчого краю / упорядк. В. Сокил, Г. Сокил (тексти), Л. Лукашенко (мелодії). Львів, 1998.

²⁵ *Щораночку* — каждое утро.

²⁶ *Середнім вікном двері мала* — на фасаде традиционной украинской хаты располагалось три окна. Центральное окно называлось *середнє*. В песне описывается ситуация домашнего насилия: муж бил жену, и она, убегая от него, не успевала добежать до двери и выскакивала в это среднее окно. Таким образом, *середнє* окно служило ей дверью, т.е. «не раз, не два убежала и средним окном пользовалась (мала) вместо двери».

²⁷ *Побила мене лиха й доля* — возглас отчаяния, горя, ср. украинское присловье в русской орфографии: *Побыла мэнэ лиха годына!*

²⁸ В варианте той же песни, пропетом ранее, исполнительница повторяет последнюю строчку каждой строфы. — Е. М.

²⁹ *Щосуботи* — каждую субботу.

³⁰ *Щониділі* — каждое воскресенье.

³¹ *Товаришки* — подружки.

³² *Тібе лишу* — тебя оставляю.

³³ *Листочок* — письмецо.

³⁴ *Не боронила* — не запрещала.

³⁵ Первая строфа в нотной расшифровке восстановлена с помощью репризы, в расшифровке песенного текста она приведена в квадратных скобках. — Е. М.

³⁶ *Грицю* — искаженное *Грицю*.

³⁷ Исполнительница перепутала имена мужа и любовника: Василь — муж, Грицю — любовник.

³⁸ Данный отрывок — фрагмент баллады о навете. Донец (донской казак) шел домой из похода, чужая жена — лютая змея оклеветала его жену, сказав, что она вышла замуж, коней распродала, голубей разогнала, а его сыновья-соколы были вынуждены покинуть отчий дом. Донец приехал домой, в воротах его встретила жена, он срубил ей голову. Дома он увидел, что кони стоят в конюшне, голуби не улетели, а сыновья-соколы за столом сидят. Баллада была очень популярна в Полтавской, Киевской, Херсонской и Днепропетровской областях, записи вариантов хранятся в фонотеке Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рильского НАН Украины. Опубликованы в: Баллади. Родинно-побутові стосунки / відп. ред. М. М. Гайдай; упорядк. О. Дей, А. Ясечук, А. Іваницький. Київ, 1988. (Українська народна творчість). С. 211–212; Народні пісні Полтавщини / упорядк., вступ. ст. Л. О. Єфремової. Київ, 2016. С. 311–314, № 427–433.

³⁹ Ивановка (Ивановский участок) — упраздненный участок Заларинского района Иркутской области, входивший в состав Моисеевского сельского поселения. Ивановка была первой сибирской деревней, где жила Анна Ивановна после переезда с Украины. — Е. М.

⁴⁰ Деревня в 250 дворов славилась своими покосами и танцами. Сюда приезжали гулять жители из деревень Моисеевка и Тагна. См.: *Церадзе Л.* Иркутская область теряет деревни // Номер один. 2004. 18 нояб. URL: <http://baikal-info.ru/sm/2004/46/002003.html>. — *Е. М.*

⁴¹ *Ганок* — крытое крыльцо, часто украшенное нарядной резьбой.

⁴² *Година* — час. В варианте той же песни, спетом ранее, была еще одна строфа: «Спит годину, спит другую, / Спит годину, спит другую, / Ше й третью щасливую». — *Е. М.*

⁴³ *Хмара* — туча.

⁴⁴ *Годи* — хватит.

⁴⁵ Во всех известных вариантах этой песни воевать идут *турки и татары; китаи*, возможно, появляются под влиянием географической близости Китая в Восточной Сибири. Исполнительница прокомментировала, что *китаи* — это «другая нация». — *Е. М.*

⁴⁶ Данная песня могла быть привезена из Тернопольской или Львовской области (Западное Подолье, Галиция). Маркером является *своі матиньки: свої* — род. пад. ж.р. ед. ч. (диал. зап.-укр.), ср. литер. укр. *своєї*.

⁴⁷ Этот вариант оригинален тем, что дочка летит *орлом*, при этом далее в тексте «там я заспываю, там я *закую*» (т.е. *закуую*); в других песенных вариантах она летит *кукушкой*.

⁴⁸ *Шуляк* — ястреб.

⁴⁹ *Хмарі, парі* — в этих словах *р* пропеваётся как мягкий согласный [р'], что является характерной чертой подольско-волынского диалекта.

⁵⁰ Эта песня («На городі буркун ягідок не родить») была очень популярна на украинском радио в 1980-е гг. Вариант Анны Ивановны сильно отличается от медийного.

⁵¹ *Відчини* — отвори.

⁵² В повторной записи исполнительница дважды пропеваёт эту строку. — *Е. М.*

⁵³ Звательный падеж — *куме*, при распеве на месте окончания слышен лишь призывок.

⁵⁴ *Спідниця* — нижняя юбка. Кума намекает куме на то, что принесенная пшеница не может быть подарком: кума не настолько бедна, чтобы ходить без юбки.

⁵⁵ Возможно, исполнительница переставила местами вторую и третью строфы: сначала кума объясняет отказ принять подарок куме тем, что она *ни(е) біз спідниці*, потом — что *не боса*; на ее вопрос, где ей смолоть ячмень, кум предлагает принести *жорна*. При таком восстановленном порядке строф становится очевидным явным эротический подтекст песни.

⁵⁶ Кума снова намекает куме на то, что принесенное просо не может быть подарком — кума не настолько бедна, чтобы ходить босой. Подарков, которые предлагает кум, достойны лишь самые бедные женщины, о которых говорят: *и гола, и боса*.

⁵⁷ *Не моторна* — неповоротлива, не умеет хорошо двигаться.

Сергей Юрьевич Пальгов,

кандидат исторических наук, Волгоградский областной центр народного творчества

Валерий Анатольевич Шилкин,

зав. народным отделом Детской школы искусств № 11, Областной центр казачьей культуры, Волгоградский государственный институт искусств и культуры (Волгоград)

РОДИННО-КРЕСТИННЫЙ ОБРЯД В ВОЛЖСКОМ ПОНИЗОВЬЕ И ПОДОНЬЕ

Аннотация. В статье на основе полевых фольклорно-этнографических материалов рассматриваются основные этапы родинно-крестинного обряда сельского населения Волжского Понизовья и Подонья.

Ключевые слова: родины, крестины, бабка-повитуха, Волгоградская область, Ростовская область

Родинно-крестинный обряд давно стал предметом внимания исследователей русской старины (см.: [1; 4. С. 85–86; 6; 7; 8]). Следует заметить, что при наличии большого фактологического материала региональные особенности обряда изучены недостаточно. На материале донского казачьего сообщества Т. Ю. Власкиной исследованы половозрастная социализация, ритуальные практики детского цикла, мифология материнства и детства (см., например: [2]). Нам также приходилось писать о родинно-крестинной обрядности Волжского Понизовья и Подонья [5].

Данная статья основана на материале интервью с жителями Волгоградской (Даниловский, Дубовский, Котельниковский, Кумылженский, Ленинский, Михайловский, Нехаевский, Николаевский, Среднеахтубинский, Урюпинский, Фроловский, Чернышковский районы) и Ростовской (Шолоховский район) областей, записанных в фольклорно-этнографических экспедициях с 1995 по 2021 г.

В родинно-крестинном обряде можно выделить несколько основных этапов: приглашение бабки-повитухи, роды с выполнением обрядовых действий (отгрызание пуповины, обмывание ребенка, положение на шубу и др.), благодарение повитухи («размывание рук»), именная реченка, крещение ребенка и праздничное застолье с ритуальной пищей.

Существовал строгий запрет беременной женщине находиться на праздничных застольях: «Если какие застолья, вот этой беременной женщине не разрешалось» [МЕР].

Если у беременной женщины на лице имелись пигментные пятна, их следовало протирать своими волосами. «Потом были у женщины пигментные пятна, у беременных, говорили: “Три, три волосами своими”. Лицо — надо волосами своими, и они сойдут» [ВАС].

Роды могли наступить в любой момент: «Некоторые ходили в поле работали, особенно летом. Мужики косили, а женщины снопы вязали. Бывало, в соломенных снопах рожали»

[ЛНФ]; «Рожали и в поле. А когда на сносях, в поле не выводили. С матерью, свекровью были в доме» [РОГ]; «Юрка родился у меня. Отвезли меня к маме, в корыто положили его на подушечку. Мать полы начала мыть, коров на обед гнали. Полы домываю, пока коров выгнать с обеда — я тебя и родила» [БАМ]; «Пошли в поле. И там в стогу родила» [ЛЛВ]; «В старое время рожали в поле, а при моей памяти не помню. Раньше в полях, в шалашах рожали. Работы много было. Мать рассказывала» [КНФ]; «Было родить под арбой. В холодок пойдёт, родить, закатает то в завеску (передник. — С. П., В. Ш.). Снимут, то платок головной снимут. А потом вязуть домой» [ВАС]; «Тогда рожали в поле. Работают, и там схватило» [ААФ]; «Раньше под копною рожали, помогали друг другу» [СВГ]; «И в скирдах, на работе прямо в скирдах рожали. И ничё, нормально всё было» [ГНИ].

Если женщина рожала дома, приглашали бабку-повитуху (которая принимала роды и выполняла обязанности акушерки): «При рождении ребёнка была бабка-повитуха, которая ходила ко всем. Кто родит, её приглашали. Она приходила, принимала роды» [ЛЗП]; «На дому рожали. Были такие бабушки-повитухи, их все знали. И она всегда приходила, как видит, что время уже подходит. Она приходит и не уйдёт, пока не родится. Угощают её. Повитух раньше приглашали небогатые люди» [СВГ]; «Были [повитухи], только у нас в сяле я ня знаю. Она умерла старенькая уж. Мы из Пролейки [село в Дубовском районе] привозили повитух. Принимали роды» [ЮМА]; «Были бабки-повитухи. Их приглашали. Рожает женщина, они роды принимают, пупок завязывают» [ЛНФ]; «Бабки были у нас, бабка-акушерка. Бабка, она бабчила¹ — называ-

ли её. Не называли у нас повитухой. Бабука, и всё. Она, как что, сразу бежит. Или к ней бегут: «Иди, побабчи, помоги». Вот нас мама всех троих родила дома. Бабушка ей эта помогала» [МВВ]; «Повитухи лечили, и роды принимали, как акушеры работали» [РОГ]; «Бабушка на хуторе была, повитуха. Она приходила и роды принимала» [СНВ]; «Бабки-повитухи были. Дома рожали. Приходила, принимала роды» [БАМ]; «Повитухи были такие бабушки» [ЛЛВ]; «У нас одна была, она умерла давно. Она принимала роды» [ИЛС]; «Я трёх дочерей родила дома. Тогда называлась бабука-повитуха. Схватки начались, вот привели её. А я даже и не знала, как рожать. Спрашиваю: «Мама, а как рожать?»» [ЕКМ]; «Она уже знала наперёд, бабука-повитуха. Бежит муж: «Улита Васильевна, иди, жена рождает»» [БЗД]; «Дома рожали. Специальная была, бабушка-повитуха её звали» [МЕР]; «Бабки-повитухи — первый врач на селе. Как женщина рождает, её, бабуку, звали» [ВАС]; «Бабука-повитуха. Как рожать начинает, за ней ходили» [ААФ]; «Хто дома там. Бабушки-повитухи были. Она приходила, она уже знает. Готовила роженицу. Успокаивала. За ней приходят: «Ой, бабушка, уже!» Там уже греют воду, кипяток, чтоб всё было стерильное. Тряпочки чтоб были там чистенькие, беленькие всё у неё. Она щас пришла, помыла руки с мылом, протёрла самогоном всё» [ТВП]; «Тогда дома рожали с бабушками. Меня посадили, чтоб я ничего не видела. Я помню, привяли бабушку, тогда их называли повитуха. Бабушка водит маму по комнате, она кричит, стонает» [ПНВ]; «У меня бабушка была повитуха, принимала роды. Повитуха повела детей, искупала» [БПА]; «У нас одна бабушка на хуторе молодец была. Дома в комнате рожали. Платили ей» [КНФ].

Повитуха пользовалась в сельской общине особым уважением, ей приписывалась особая женская магическая сила. На второй день после Рождества Христова в поселениях верховых казаков существовал обряд «Бабина каша», когда женщины чествовали бабок-повитух: «Все женщины поселения, родившие в минувшем году, собирались у повитухи, которая принимала у них роды. Здесь накрывался стол и устраивалась небольшая пирушка, в ходе которой приготавливалась каша (иногда с тыквой). В конце вечеринки бабука-повитуха одаривала матерей кашей, а те вручали ей в ответ свои подарки. Сам ритуал приготовления каши и последующей её раздачи связан с идеей символического перераспределения доли внутри разных половозрастных групп казачьей общины» [9. С. 32]. Ср. наши записи: «Когда мама меня родила, была бабука, принимала роды. Эту бабуку уважали. После Рождества к ней в гости приходили, а на какой праздник, я не

Зыбка. Алексеевский районный краеведческий музей (станция Алексеевская Волгоградской обл.). 2008 г. Фото В. А. Шилкина

Зыбка. Новониколаевский р-н Волгоградской обл. Личная коллекция В. А. Шилкина. Фото В. А. Шилкина

знаю. Да и она сама ходила, проводывала детей» [БАМ].

Как только у роженицы начинались схватки, из дома должны были удалиться все мужчины: «Начались у маме схватки. Мужиков во двор удалили» [ПНВ]; «Старались всех выпроводить, мужчин особенно. Все уходили на улицу» [ВАС]; «Всех из дома выгоняли» [СВГ]; «В основном сами дома рожали. Мужчины стояли в другой комнате, пока всё» [ГНИ].

Чтобы роды прошли хорошо и легко, роженице распускали волосы: «Чтоб скорей родить, волосы распускали. Волосы обязательно роженица должна распустить, чтоб ничего не препятствовало» [ЕКМ]; «Расплетали волосы, легче будет» [ВАС], переводили ее через порог: «Она меня водила через порог. Из порога в коридор переступила и назад» [ЕКМ].

Возле роженицы клали различные предметы (иголки, нитки, тесто и др.), чтобы во взрослой жизни ребенок умел

всё делать: «Чтоб ребёнок рос и всё умел делать, все нужные предметы ставили возле. Ставила машинку швейную, иголки, нитки, вязания, тесто клала возле» [БАМ].

При тяжёлых родах женщину парили в бане, массировали ей живот: «Слышала, когда трудные роды, отводили, парили в бане. Доску какую-то ложили, вниз головой женщину опускали» [МЕР]; «Воду грели в больших чугунах, чтоб её обмыть, роженицу. Бывает, если трудные роды, ты оттуда нажимаешь, я отсюда и постепенно этого ребёнка» [СВГ].

Во время родов повитухи читали молитвы. «Всё хорошо сделает, молитву прочтает, перекрестит и пошла» [БЗД]; «Бабушки-повитухи принимали. Они читают про себя молитвы» [СНА]; «При них рожали, они молитву какую читали» [МЕР].

Повитуха отгрызала или отрезала пуповину (ножницами, шелковой нит-

кой): «Пуповину раньше не обрезали. Отгрызала пуповину эта бабка. Пуповину отгрызала, обрабатывала» [ЛЗП]; «Пуповину раньше отгрызали» [СВП]; «Ножницами она отрезала [пуповину]» [СНВ]; «И тётя Галя принимала, зубами отгрызала пуповину» [ЛЛВ]; «Были бабки, отрезали, когда родится, пупочек, принимала роды» [КНФ]; «Она роды примет и пупочек завяжет» [БЗД]; «Бабка-повитуха пупок завязывала» [ЕКМ]; «Отрезала всё она, пуповинку завязала, послед отделила» [ПНВ]; «Она пуповину перерезала, у ней всягда нитки шелковые были. Помогала женщине рожать, говорила: “Тужиться. Не тужиться”» [ВАС]; «Повитуха отрезала пуповину» [СВГ]; «Она пупок перевязывала, перегрызала зубами» [ААФ]; «Руки помыла там самогоном, вытерла. Ножницы у ней. Пуповину отрезала. Пуповину отрежет, завяжет» [ТВП].

Для первого обмывания ребенка использовали святую воду: «Раньше рождались дети на домах. Вот когда бабушка его принимает, то святой водой обтирают» [РФФ]; «Всё с крестом приняла, обмыла, молитву читала, что батюшка давал. Воду выливали во двор» [КНФ]. Использованную воду выливали в определенные места и только в светлое время суток, обычно под красный угол снаружи избы, в «нехоее место» (под дерево). Этим действиям приписывали магическое значение: считалось, что если воду от обмывания мальчика вылить на дорогу, он будет богатым, а если воду после обмывания девочки вылить в цветы, она будет красивой. Затем с использованной водой совершались ритуальные действия, направленные на дальнейшую судьбу младенца: «Искупаешь дитя, раньше сливных не было. Ночью воду не выносить на улицу, на дорогу лить нельзя. Под дерево, чтоб нехоее место было, и не ночью, только в светлое время» [МКП]; «Воду она куда-то выливала, чтоб по ней скотина не ходила» [БЗД]; «И кипяток там набрала там. Она эти тряпочки моет, всё вытирает, ребёночка» [ТВП]; «Тёплая водичка стояла в печи, в чугуне. Выливали под передний угол, это где иконы в хате стоять, а снаружи это передний угол» [ВАС]. «Обмоют, воду выльют на дорогу для мальчишки, чтобы богатый был. А чтоб красавица была, льют в цветы» [ЛЗП]; «Ребенка обмывали, а воду на дорогу выливали» [СВП].

После родов роженицу парили: «Потом бабушка приготовила воды горячей. Налили в какую-то посуду, и бабушка эту роженицу над этой водой, и одеяло, чтоб парилась она. Попарила, потом положила на койку» [ПНВ].

Сразу после обмывания (или после крещения) ребенка клали на шубу, чтобы он был богатым: «Приняла эта бабка роды, сразу ложили на шубу, чтобы был богатый ребёнок. Потом ложат его или её на шубу, чтобы был богатый» [ЛЗП];

«Клали на шубу, на мех, как родится, чтобы богатая была, богатый» [СВП]; «Когда родился ребёнок, ложат на шубу. На шубу, это когда привозили новорожденного. Расстилаешь шубняк, и ложили его, чтобы он был богатый» [ЛНФ]; «Его в шубу, когда окрестят. Кума, кум, они в церковь идут, ребёночка крестят. Приходят, тут уже шуба лежит: “Забрали вашего ребёнка некрещёного, а принесли крещёного”. И чтоб он богатый был, положат на шубу его на полу» [БЗД].

После принятия родов повитуху щедро одаривали — платили ей, дарили вещи или продукты: «За это этой бабке платили» [ЛЗП]; «Когда приняла она роды, ей дарят из вещей что-нибудь: платочек, фартук, на юбку, гостинец какой-нибудь из еды» [СВП]; «Благодарили по-всякому: кто кусок сала, кто что» [ЛНФ]; «Благодарили, дарили платок. Что было, то и дарили» [РОГ]; «Да что у кого приходилось. Покупали ей на халатик или на платице. Благодарили» [ИЛС]; «Обязательно дарили отрез, платки» [БЗД]; «Давали кто чё мог, у кого что было. Деньгами нет. Харчами. Мяса тогда и не было» [ТВП]; «Дарили кто чем богат» [СНА].

Некоторое время после родов повитуха ходила проводить роженицу и младенца, помогала им, купала, «правила» матери живот: «Ходила, купала три дня, а потом всё уже» [БПА]; «Ходила эта бабушка каждый день, наведывала новорождённого и её правила, подымала живот, наверное, с неделю ходит бабушка» [ПНВ]; «На второй день придёт и сама искупает, сама завернёт, лишь скажет: “Два дня грудью не кормить, молочко ещё не придёт, а потом корми» [БЗД].

Спустя некоторое время бабка-повитуха приходила в дом к роженице, где совершался обряд «размывания рук»². Предметы, использованные в ритуале (мыло и полотенце), она забирала с собой. «Когда мама меня рожала, была бабка, принимала роды, размывала руки. Когда руки размывают, моют бабке этой руки, а мыло и утирку потом она забирает» [БАМ].

Если ребенок родился недоношенным, его клали в теплое место (на печь, в валенок, в рукав, обкладывали ватой); «Родился он недоношенный, за ним уход, его в тёплое ложили, чтоб он не простыл, не застыл» [ЛНФ]; «Я знаю, что недоношенных в рукаве держали. У бабы Нюры был недоношенный ребёнок, его выходили. В рукав ложили» [РОГ]; «Я слышала, скорей на печку, в валенок недоношенного. А я недоношенного видела, он в коробочке лежал и ватой обложенный» [СНВ]; «Грели яво, на печь клали. Закагают, бабушка на печи с ним» [ВАС]; «Печь русская, кирпич, он разогрелся, положат его, и лежит, если недоношенный» [ААФ].

Новорожденного свивали ритуальным поясом — свивальником, — чтобы он

Зыбка. Дубовский р-н Волгоградской обл. Личная коллекция В. А. Шилкина. Фото В. А. Шилкина

рос здоровым и крепким: «После этого, как он полегит на этой шубе, начинают его заворачивать, пеленать. Раньше был, свивальник назывался, пелёнку завернут, и такой широкий, как пояс, свивали, чтоб он, значит, прямой ребёнок был. Шили специально такой вот широкий, как пояс, и завивали его, и вот он лежал. И свивали, наверно, до месяца, больше даже — до двух месяцев, до трёх. Чтобы ноги, руки прямые были, вот он так свитый лежал. Только, когда перепеленали, его разворачивали, чтоб он был прямой, чтобы руки, ноги были прямые, и опять свивали» [ЛЗП]; «Как родится, его оботрут немножечко, в пелёночку завернут. Раньше детей свивали. Свивальники шили, просторечный длинный материал. А свивали для того, чтобы ровненькие ножки и ручки были, чтоб калачом не были. Вроде дети спокойнее были. Заворачивали их, и они меньше болели» [СВП]; «Свивали — это заворачивали» [РОГ]; «Да яво до года свивали. Одеяло, а это поясок. Вот яво закагают, свяжут свивальником и в люльку кладут. Свивают, чтоб он спокойно спал, а то будет руками махать, вздрагивать. А свитый он спит, не трепыхнётся» [ВАС].

После свивания ребенка клали в люльку (зыбку), которую окропляли святой водой, читая молитвы: «Висела люлька, в этой люльке выращивали всех подряд. Сколько детей было, столько в этой люльке выращивали. Как положить, святой водой окропили, перекрестили и ребёнка ложили в эту люльку. И вот он в этой люльке лежал свитый» [ЛЗП]; «Рожают и в пелёнки заворачивают. Зыбки были, его туда ложили и качали» [ЛНФ]; «Крючок к потолку, и зыбка, ремни, и вот качаешь» [БЗД]; «Зыбки были. Деревянная зыбка, в потолку — кольцо,

Зыбка. Станица Арчединская Михайловского р-на Волгоградской обл. 2020 г. Фото В. А. Шилкина

Зыбка. Михайловский р-н Волгоградской обл. Личная коллекция В. А. Шилкина. Фото В. А. Шилкина

у зыбки — пружина. И качали» [КНФ]; «Люлька висела до года, а потом приучали на коечку» [СНА]; «Люлька подвешена в потолок, и она висела. Как положить, перекрестят и водичкой святой брызнут. Его ложили и привязывали верёвку, и ногой качали» [ААФ].

Использовали соски-пустышки. В тряпочку нажевывали хлеб и давали ребенку вместо соски: «Когда родился, запеленали его, положили на печку и нажевали хлеба. Нажевала хлеба эта бабушка-повитуха, взяла тряпочку чистенькую, в эту тряпочку и ему в рот, чтоб он сосал, как соску. Потом тоже нажуют мама или бабушка» [ПНВ]; «Обязательно пустышки были. Пожужь, и в соску» [БЗД]; «Печенья нажуют в марлечку или хлеба, и нехай он сосёт лежит» [СНА].

При имянаречении пользовались святыми либо называли ребенка в честь родственников: «Имя нарекали. Допустим, если праздник Николы — называли Никола, если Варвара — Варварой называли и Фёклой называли. В честь святых, в честь праздников называли. Называли детей именами святых» [ЛЗП]; «А имя раньше по святым. Есть списки, и вот в какой день родился, имя давали» [СВП]; «Ребёнку имя давали, большинство по наследству, прадеды, прабабки — по их именам. Решали семейно» [ЛНФ]; «Когда начинали крестить, тогда и нарекали. При крещении. По святым, какой праздник, святые» [РОГ]; «В моей семье я нарекала, у нас была бабушка Люба набожная, всеми уважаемая женщина, я Любой по ней назвала. Отец мой был Дмитрий Иванович, я сына назвала Дмитрием» [БЗД]; «То по деду назовут, а есть молебная книжечка» [СНА]; «Какая-то была книжечка святцы, и вот по этим святым давали имя человеку. Батюшка поглядел, какой святой, так и называли» [БПА]; «Давал имя батюшка. Там сразу записывали в церковную книгу, когда крестили, как звать» [ВАС]; «По святым, строго по святцам» [СВГ]; «Имя по святцам, такая книжечка с молитвами, там на каждый день, на каждый месяц

имена. Выбирали только по святым, хорошее, плохое имя» [ААФ].

Крестить ребенка могли через три дня после рождения, через две-три недели, после сорокового дня, после семи недель и до года. Зажиточные семьи приглашали священника в дом, бедные ходили крестить в церковь. Считалось, что до крещения ребенок не являлся человеком, так как не находился на виду у Бога: «До крещения ребёнок считался, как сказать, не человеком считался. Он просто был как ни у Бога на виду. Как только покрестили, то ребёнок считался уже крещёным. Уже он считался православным. У него уже есть заступник, защитник, ангел-хранитель и ангел-спаситель» [ЛЗП]; «А крестили после сорока дней. Богатые домой приглашали, у них духовники были тогда. А мы — в церкви. Купель была, и окунали в купель» [СВП]; «Родился, недели две-три прошло, надо крестить» [ЛНФ]; «После семи недель крестили» [БЗД]; «Крестить старались до года» [СНА]; «Раньше старались дитя побыстрей перекрестить. Тогда же дети мёрли часто, поэтому старались их маленькими крестить. Рожали много, и они умирали много» [ВАС]; «Крестили через шесть недель» [СВГ]; «Крестить спешили как можно скорей. Может умереть некрещёный и от сглазу лечить некрещёных не лечат» [ААФ]; «И месяц проходил, и два — крестили» [КНФ]; «Тогда три дня, и нясут крестить яво» [БПА].

Если в населённом пункте не было церкви, крещение совершала повитуха: «Тогда церковью не было, а надо было дитя крестить, то бабушка крестила, погружала. А когда стало ей двенадцать лет, тут церква открыли, решили её перекрестить, решили у церкви покрестить. Взяла я своих кумов, пошли крестить. Батюшка спросил: “Бабкой погружённая?” Я говорю: “Да!” Так он только её миром помазал, причастил, и всё, не стал погружать» [ТЕЯ].

Крестными (кумом и кумой) могли быть родственники или знакомые родителей. Для таинства крещения они приобретали специальную крестильную

одежду; все расходы брал на себя крестный отец: «Если даже не было крестного, то крестным становился сам батюшка. Кум с кумой готовили рубашечку крестильную, чепчик. За крестины должен платить кум» [СВП]; «Крестные кого назовёшь, иной раз родственники, иной раз какого знакомого берут» [МЕП]; «Старались своих родственников брать. Ещё старались также чужих, но побогаче» [ВАС].

Только крестные носили крестить ребенка в церковь: «Крестная с крестным нясут яво в церковь, а потом приходють, заходят в хату и говорят: “Угадайте, как звать?” Даже никто не знал, как яво зовут, даже родители. Как батюшка скажет» [ВАС].

После крещения мальчика отдавали в руки крестного, а девочку — в руки крестной: «Если мальчика крестят, то должен крестный отец яво принимать, когда батюшка вынет из купели, а если девочка, то крестная мать принимает» [МЕП]; «Если мальчик, крестный читает “Верую”, если девочка, крестная читает “Верую”. Поп читал молитву, и он за ним читал. Батюшка в купель, когда окунает, мальчика крестному отдают, а если девочка, то крестной отдают» [БПА].

Воду после крещения могли выливать под вербу: «Воду носили под хорошую вербу. Когда покрестят, носят под вербу, чтоб рос и не болел, хороший был» [КНФ].

Наши информанты отмечают, что на крестных возлагается большая ответственность за ребёнка как в духовном, так и в физическом отношении: «Крестный и крестная — это вторые родители. Это были очень важные в жизни люди. Родились они, кумовились. Если что-то случалось с отцом, то тут крестный воспитанием помогал и материально помогал. А если что-то случается с родителями, то тут крестные и вовсе в ответе. Ответственность даже за грехи, крестные отвечают» [СВП]; «Крестный заменял отца, он и называется крестный отец. Если что случится с таким отцом, крестный заменял» [МЕП]; «Тогда

считали кума, кум — родня хорошая» [КНФ].

По возвращении из церкви дома устраивали праздничное застолье. Неотъемлемой частью стола были каша и кисель. На крестины обязательно приглашали бабу-повитуху, родственников и знакомых: «Обязательно, как только покрестят, приезжают, сразу за стол. Обязательно стояла каша, и кисель обязательно. Раньше пироги, пирожки, кисель, каша. Рисовая каша стояла, и кисель должен был стоять. Вот и начинали гулять. Обмывают ребёнка, что он теперь православный, что он теперь верующий» [ЛЗП]; «Гости приходят на крестины, обычная гулянка» [СВП]; «Конечно, делали застолье. Садился отец, мать, деды, близкие родственники. Бабу-повитуху приглашали, она же роды принимала» [ЛНФ]; «Когда приходят с церкви, их обязательно сажали покормить. Это крестины назывались» [ВАС]; «Эта же бабка приходила на крестины» [КНФ].

Во время праздничного застолья гости одаривали ребенка: «Так же начинают дары. Раньше дарили материал какой, кто что. Дарили, и начиналось застолье» [ЛЗП]; «Дарили кто что может. И ткань дарили, и одеяла — кто что мог» [СВП].

Молодой матери до сорока дней запрещалось посещение церкви, поскольку в этот период женщину считали «нечистой». После истечения сорока дней совершался специальный церковный ритуал, обозначаемый как *брать молитву*: «Крестили, и батюшка ходит, читает, и ты ходишь, крестишься — это называется «берёшь молитву». А до шести недель в церковь нельзя заходить женщине, которая родила. Дитя без матери крестили раньше, мать в церковь не ходила. Его на пятый, шестой, на третий день можно крестить. Матери до сорока дней, пока дитю не исполнится сорок дней, нельзя ни в церковь заходить, ни куда ходить. После того как исполнилось сорок дней дитю, несут в церковь дитя и мать идёт. Дитя берёт батюшка, если мальчик, то несут в алтарь, а если девочка, то ложить при входе у алтаря. А мать идёт следом, крестится и бьёт поклоны. Поклонилась, встала, там шагнула и опять поклонилась, и вот так несколько раз, пока она дойдёт до того места где дитёночек лежит. После этого ей можно заходить в церковь, жить как жила. А теперь я этого не вижу и не слышу, чтоб такое было. Я, например, старший у меня сын, я брала молитву, а потом все это по-другому стало. У нас брать молитву называлось, а как в церкви это называлось, я не скажу тебе, не знаю» [МКП].

В настоящее время родинно-крестинный обряд претерпел значительные изменения. Многие его элементы

(отгрызание пуповины, обмывание ребенка, положение его на шубу, «размывание рук» и др.), по нашим данным, безвозвратно утрачены, поскольку женщины стали рожать в больницах. Но до сих пор в семейной жизни этот обряд продолжает играть важную роль.

Приведенные интервью дополняют сведения о традиционном родовспоможении и обрядовых действиях, связанных с новорожденным и роженицей (см.: [2; 5. С. 135]).

Примечания

¹ *Бабчить* — хопер. дон. и др. то же что *бабить* 'заниматься ремеслом повивальной бабки, принимать детей' (Словарь русских народных говоров. Вып. 2 / под ред. Ф.П. Филина. М.; Л., 1966. С. 30). — *Примеч. редакции.*

² См. подробнее: [9. С. 254–255]. — *Примеч. редакции.*

Литература

1. Балов А. В. Рождение и воспитание детей // *Круг жизни* / сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 1999. С. 58–82.
2. Власкина Т. Ю. Домашний мир на слове эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX — середина XX вв.) / [отв. ред. Н. Л. Пушкарёва]. Ростов н/Д, 2011.
3. Даль В. И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994.
4. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / сост., предисл., примеч. С. Л. Николаева. М., 1993.
5. Пальгов С. Ю. Родинно-крестинная обрядность сельских жителей междуречья Волги и Дона // *Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы X междунар. науч.-практ. конф.*, 21–22 апреля 2014 года / редкол.: Д. В. Чарыков (гл. ред.), О. Д. Бугас, И. А. Толчев. Челябинск, 2014. С. 131–135.
6. Попов Г. Приметы и суеверия при родах // *Круг жизни* / сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 1999. С. 55–57.
7. Успенский Д. И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным // *Круг жизни* / сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 1999. С. 13–42.
8. Харузина В. Н. Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и уходе за детьми // *Круг жизни* / сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 1999. С. 43–52.
9. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / редкол.: М. А. Рыблова (гл. ред.) [и др.]. Волгоград, 2017.

Список информантов

- ААФ — Алфёрова Анна Фёдоровна, 1935 г.р., х. Плешаковский, Шол., зап. В. А. Шилкин в 2016 г.
- БАМ — Болдырева Александра Михайловна, 1935 г.р., х. Глуховский, Кумыл., зап. В. А. Шилкин в 2015 г.
- БЗД — Бондарь Зинаида Дмитриевна, 1930 г.р., х. Заполянский, Дан., зап. В. А. Шилкин в 2017 г.
- БПА — Бирюкова Прасковья Андреевна 1910 г.р., х. Сизов, Черн., зап. М. В. Цибарт, В. А. Демьянова в 1997 г.

ВАС — Выприжкина Анна Степановна, 1950 г.р., х. Нижнекривской, Шол., зап. В. А. Шилкин в 2016 г.

ГНИ — Гребенникова Нина Ивановна, 1940 г.р., с. Очкуровка, Ник., зап. С. Ю. Пальгов в 2021 г.

ЕКМ — Ерёмина Клавдия Михайловна, 1925 г.р., х. Красноярский, Котел., зап. С. Ю. Пальгов в 2001 г.

ИЛС — Игольникова Лидия Сергеевна, 1926 г.р., с. Горноводяное, Дуб., зап. В. А. Шилкин в 2016 г.

КНФ — Комкова Наталья Фёдоровна, 1927 г.р., х. Цепаяев, Дан., зап. В. А. Шилкин в 2018 г.

ЛЗП — Лапина Зинаида Павловна, 1937 г.р., х. Скудры, Средн., зап. В. А. Шилкин в 2008 г.

ЛЛВ — Лозовик Людмила Валентиновна, 1939 г.р., ст. Суводская, Дуб., зап. В. А. Шилкин в 2016 г.

ЛНФ — Лапин Николай Филиппович, 1938 г.р., х. Балтиновский, Урюп., зап. В. А. Шилкин в 2014 г.

МВВ — Макарова Вера Васильевна, 1948 г.р., ст. Слащевская, Кумыл., зап. В. А. Шилкин в 2015 г.

МЕП — Макарова Евдокия Павловна, 1928 г.р., х. Мишин, Мих., зап. С. Ю. Пальгов в 1997 г.

МКП — Мельникова Клавдия Павловна, 1954 г.р., х. Калининский, Шол., зап. В. А. Шилкин в 2016 г.

ПНВ — Пономарёва Нина Васильевна, 1930 г.р., х. Орлы, Мих., зап. С. Ю. Пальгов в 1996 г.

РОГ — Ровенская Ольга Григорьевна, 1955 г.р., х. Кулички, Нех., зап. В. А. Шилкин в 2015 г.

РФФ — Репникова Фаина Фёдоровна, 1927 г.р., х. Княженский 2-й, Мих., зап. С. Ю. Пальгов в 1996 г.

СВГ — Солдатова Валентина Георгиевна, 1935 г.р., х. Калининский, Шол., зап. В. А. Шилкин в 2016 г.

СВП — Сафонова Валентина Павловна, 1932 г.р., х. Скудры, Средн., зап. В. А. Шилкин в 2015 г.

СНА — Свистунова Нина Александровна, 1926 г.р., с. Царев, Лен., зап. В. А. Шилкин в 2017 г.

СНВ — Сизова Надежда Васильевна, 1936 г.р., х. Цепаяев, Дан., зап. В. А. Шилкин в 2014 г.

ТВП — Томиленко Валентина Павловна, 1938 г.р., с. Очкуровка, Ник., зап. С. Ю. Пальгов в 2021 г.

ТЕЯ — Тимошенкова Ефросинья Яковлевна, 1921 г.р., х. Падок, Фрол., зап. С. Ю. Пальгов в 1995 г.

ЮМА — Юшкова Мария Александровна, 1930 г.р., с. Стрельноширокое, Дуб., зап. В. А. Шилкин в 2014 г.

Сокращения названий районов

Волгоградская обл.: Дан. — Даниловский, Дуб. — Дубовский, Котел. — Котельниковский, Кумыл. — Кумылженский, Лен. — Ленинский, Мих. — Михайловский, Нех. — Нехаевский, Ник. — Николаевский, Средн. — Среднеахтубинский, Урюп. — Урюпинский, Фрол. — Фроловский, Черн. — Чернышковский; Ростовская обл.: Шол. — Шолоховский.

О ГЛАВНОМ (К 75-ЛЕТИЮ АЛЬБЕРТА КАШФУЛЛОВИЧА БАЙБУРИНА)

Кто такой Альберт Кашфуллович Байбурин, известно всякому. Поэтому писать о нем трудно: кажется, что всё или очень многое уже сказано друзьями и коллегами А. К., знающими его больше и лучше нас. Это многое — о Байбурине-ученом, Байбурине-учителе, профессоре и создателе факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб). Но и у нас есть особое знание о юбиляре: кто, как не мы, может рассказать о Байбурине — главном редакторе прекрасного журнала. «Антропологический форум» (далее — «АФ») был задуман и создан Альбертом Кашфулловичем как площадка для дискуссий и обмена мнениями. Следуя его примеру, мы решили, что лучшей формой повествования о нем самом будет диалог.

Александра Пиир: Ты первая стала работать в журнале — расскажи, как всё начиналось.

Ольга Бойцова: В 2005 году я училась на факультете этнологии в Европейском университете, и когда Альберт Кашфуллович позвал меня в «АФ», я радовалась и гордилась: это была моя первая full time работа по специальности. Первое время мы готовили русские выпуски вдвоем: А. К. присылал мне материалы с краткими пометками, такими же, какие он делает в студенческих текстах (это сократить, то пояснить, там неверно употребленное слово). Всё дальнейшее предоставлялось мне. Но опыта редакторской работы у меня не было, и отчасти я училась на собственных ошибках. Например, не знала, что нужно вычитывать верстку, поэтому мой первый номер (№ 3) вышел с серьезными «косяками». И, конечно, Байбурин был недоволен. В таких случаях он голос не повышает, а понижает или делает длинную паузу, и ты сразу понимаешь, что провинилась.

А. П.: Да, это очень узнаваемо. По моему опыту, А. К. так же работает со своими аспирантами. Он видит человека подобным себе (столь же знающим и умелым) и заранее ничего не объясняет. А когда ты до этого уровня не дотягиваешь (что немудрено), недоуменно спрашивает: как же так? Поначалу это трудно — планка слишком высокая. Но постепенно тебе передается уверенность А. К., что ты отличный исследователь или редактор, твои ляпы случайны — и вот ты уже заслуживаешь его похвалу (столь же сдержанную). Это напоминает обучение на факультете этнологии/антропологии ЕУСПб, который тоже создавал Байбурин. Позже и мы стали так вести себя с новыми коллегами по журналу:

минимум контроля и наставлений — максимум самостоятельности. А как тебе работает с ним в Кунсткамере?

О. Б.: Мы вдвоем представляем отдел Музея антропологии и этнологии, который называется «Редакция журнала «Антропологический форум»» и состоит из начальника и секретаря. Протоколы заседаний отдела выглядят курьезно: «Присутствовали: Байбурин, Бойцова. Председатель: Байбурин. Секретарь: Бойцова. Слушали: Байбурина. Повестка дня: выдвижение Бойцовой на конференцию сотрудников МАЭ. Постановили: выдвинуть Бойцову. Подписи: Байбурин, Бойцова». Конечно, эта часть нашей с ним жизни не так хороша, как выпуск журнала, но А. К. максимально облегчает мне эту работу и неизменно защищает наш отдел.

А. П.: Зато журнальная жизнь у нас вдохновляющая: А. К. всегда любил придумывать что-нибудь новое и поддерживать наши затеи. У нас появлялись неожиданные рубрики и опросы, онлайн-выпуски журнала с видео- и аудиоматериалами, да и вопросы «Форумов»¹ мы каждый раз сочиняем всей командой. Жаль только, что в последние годы шквал внешних требований, ограничений и рейтингов осадил нашу фантазию и готовность авторов участвовать в этих предприятиях. Кстати, некоторые темы и рубрики возникли с подачи авторов и читателей, например, интервью с учеными, которые записывала Галина Комарова. Вообще первое правило, которому я научилась в «АФ», — следовать за авторами. Для нас обычны не тематические выпуски, а составленные из материалов, пришедших самотеком. Мы стремимся представить в журнале широкий диапазон научных позиций и подходов, что обеспечивает его дискуссионность. Мне всегда казалось, что это очень байбуринское — лояльность к разным взглядам, в том числе ему неблизким.

О. Б.: Так и есть, это его установка. Она особенно заметна в «Форуме», куда мы берем любые реплики, если они соответствуют предложенной теме, и почти никогда никому не отказываем. Я бы сказала, что наш журнал похож на своего главного редактора. Он серьезный, основательный и при этом открыт разнообразию и новизне.

А. П.: Тогда уж стоит сказать и о внешнем сходстве. Альберт Кашфуллович любит сдержанные, неяркие тона в духе академической живописи. Помнишь, как ты сделала оранжевую обложку и он огорчился?

О. Б.: Конечно! Он сказал: «Оранжевое небо, оранжевые мамы». Этот

24-й номер теперь остался памятником тому, как выпускающий редактор однажды выбрал цвет обложки на свой вкус. Но я согласна, что наш журнал напоминает Альберта Кашфулловича даже внешне. Он строгий и стильный.

А. П.: По-моему, и мы стали на него похожи. В «АФ» сложилась отличная команда: мы очень разные, нам это нравится и не мешает делать общее дело. Не помню, чтобы Байбурин нас когда-то наставлял, понукал или отчитывал (хотя, бывало, о чем-то тихо спрашивал с глаза на глаз). Его похвала варьирует между рутинным «отлично» (вышел новый номер) и окказиональным «ну, здорово» (починили сайт, подали заявку в ВАК или Scopus и т.п.). Может показаться, что мы работаем сами по себе: делим обязанности, распределяем поступившие материалы, ведем переписку с авторами и рецензентами, готовим выпуски, спорим и приходим друг другу на выручку. А главный редактор лишь посматривает в нашу сторону — все ли в порядке? Но когда в нашей переписке начинают сквозить неуверенность, несогласованность, а то и паника, подключается А. К., и всё устраивается наилучшим образом.

О. Б.: Мне кажется, самое главное, что нас всех объединяет, — это желание делать хороший журнал. А. К. задает высокую планку, на которую мы равняемся. Спасибо, Альберт Кашфуллович, и с днем рождения!

А. П.: С днем рождения, Альберт Кашфуллович! Отличный журнал получился.

Примечания

¹ «Форум» — главная рубрика «АФ» с дискуссиями по актуальным научным проблемам.

О. Ю. Бойцова, А. М. Пиир,
выпускающие редакторы журнала
«Антропологический форум»
(Санкт-Петербург)

Фото С. С. Разумовской. 2017 г.

УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ АСТРОНОМИЯ ГЛАЗАМИ БЕЛОРУССКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Ц. Авліін. Українська народна астронімія: крыніцы, матэрыялы, арэалы. — [Электрон. выд.]. — Вільнюс: Логвінаў, 2021. — 67 с.: карты.

Монография Т. В. Авиліна «Украинская народная астрономия: источники, материалы, арэалы» посвящена обзору и критическому анализу основных работ, содержащих упоминания о диалектных украинских названиях отдельных звезд и созвездий, на основании которых был составлен украинский народный астрономический «словарь».

Особенно пристальное внимание автор обращает на процесс формирования этого корпуса, источники происхождения отдельно взятых лексем (раздел «Пути распространения астрономов в литературных и научных источниках»). Это представляется единственным способом отделить подлинно народные астрономы от искусственно созданных наименований (*Полиця* 'Орион' как вольный перевод укр. диал. *Чэніга*), оказывающихся результатом заимствования или калькирования соответствующих астрономов из других языковых традиций (*Кіл, Прикіл, Північний Кілок* 'Полярная звезда' из рус. *Кол, Прикол, Небесный Кол*), что в целом дает искаженное представление об украинской астрономической системе. В качестве наглядного примера того, к чему может привести вольное обращение с первоисточником, автор приводит детективную историю появления в ряду прочих украинских астрономов такого (псевдо)названия созвездия Орион, как *Грабли* (с. 8–11). В 1899 г. при переводе на русский язык монографии К. Фламариона «Звездное небо и его чудеса» астроном-любитель и популяризатор астрономии Е. А. Предтеченский фразу «on les a nommées, dès une haute antiquité, «les Trois Rois», et les habitants des campagnes voient là un rateau» [их называли с глубокой древности «Тремя царями», а жители сельской местности видят в них грабли] передал как «их с глубокой древности стали называть «Тремя царями», а жители наших деревень видят в них грабли» [6. С. 403]. В дальнейшем в работе Д. О. Святого «Под сводом хрустального неба» (1913) «наши деревни превратились в «южную Россию» [5. С. 158], а в статье Ю. О. Карпенко «Похождения астрономических названий» (1971) — в «Украину» [3. С. 89], притом что ни одной фиксации такого астронома на украинской территории не отмечено [1. С. 90].

В следующих четырех разделах монографии («Источники по народной

астрономии и астрономии XIX — начала XX в.», «Анализ и критика трудов Д. О. Святого», «Работы межвоенного периода», «Польскоязычные источники XIX–XX вв.») автор представляет полный обзор различного рода источников (очерковых заметок, словарных статей, специализированных монографий), содержащих материал по украинской астрономии, начиная с самой ранней работы «Топографическое описание Харьковского наместничества» (1788), где отмечены названия созвездий *Плуг, Виз, Чепига, Волосожарь*, а также *Гусыня дорога* 'Млечный Путь' (с. 13). В Приложении 1 (с. 60) все отмеченные источники представлены Т. В. Авиліным в виде диаграммы и наглядно демонстрируют, на какие именно труды своих предшественников опирался каждый последующий автор.

В разделе «Украинская астрономическая система» последовательный анализ астрономической лексики, содержащейся в цитируемых в предыдущих разделах книги источниках, позволяет автору выделить ядро украинской астрономической системы, оставив в стороне редкие сомнительные номинации типа *Сметанник* 'Млечный Путь' или *Полевая мышь* 'Алькор, звезда в созвездии Большой Медведицы'. Ядро составляют следующие астрономы: *Виз* (вар. *Воз, Вок, Гарба*) 'Большая Медведица', *Війць* 'то же', образующие отдельные арэалы *Валасажар* и *Квочка* (*Курка, Квічка, Квочка с куратами, Фурашка, Гайнуша* (< рум. *Găinișă* 'курочка')) 'Плеяды', *Чепига* и *Косарі* 'Орион'; *Хрест* (обозначение разных созвездий), *Чумацкі шлях* 'Млечный Путь', а также северноукраинские номинации с мотивационной основой «птичий путь» (типа *Дарога птушкам*) или «путь в Киев/Иерусалим». Все «ядерные» астрономы закартографированы (карты № 1–7 в Приложении) и помещены в широкий контекст — составленные автором карты помимо собственных украинских лексем содержат соответствующие западнославянские и восточнославянские термины. В дополнение к «ядерной» лексике приводятся также характерные для некоторых локальных традиций названия созвездия Ориона (*Дівчина з відрами*) и Алькора из созвездия Большой Медведицы («собака грызёт упряжь»). Для Венеры (которая народной астрономией интерпретируется как утренняя и вечерняя звезды),

показывающейся в утренние часы, характерны названия *Світова зоря/зора/зірка / zirnycia i switilka*, также гуцул. *Swikiwka, Ранкова/Ранашина/Уранішина*, а для выходящей в вечернее время — *Вечірова/Вечірна/Вечорна зоря/зора/зірка* или *Вечірка, Зоряниця (Zornuczka, Зорніца, Зораніца, Зора, Зірниця)*.

В заключительном разделе монографии автор касается истории ареальных исследований украинской астрономической системы, отмечая прежде всего скудость восточноукраинского лексикографического материала (западноукраинская астрономическая лексика отчасти представлена в атласе К. Мошинского (*Atlas kultury ludowej w Polsce*) картами «Плеяды» (Т. 1, к. 3), «Венера» (Т. 1, к. 4), «Пояс Ориона» (Т. 3, к. 1), «Млечный Путь» (Т. 3, к. 2) [5], а также в Карпатском диалектологическом атласе (КДА). Для того чтобы восполнить этот пробел, Т. В. Авиліин представляет карты распространения названий Плеяд, Ориона, Большой Медведицы и Алькора, Млечного Пути, а также карту астрономов единичной фиксации.

В частности, на карте 1 представлены результаты картографирования народных названий звездного скопления Плеяд. Восток и запад Украины характеризуется двумя отличными типами номинаций — *Квочка* и *Валасажар*, при этом на северо-востоке *Валасажары* смешиваются с *Висажарями*, а на границе с Белоруссией отмечаются номинации типа *Сіпа*.

Карта 3 содержит астрономы, используемые для обозначения созвездия Большой Медведицы. В основе номинации представленных лексем — *Виз, Гарба, Телега* — лежит общеевропейское представление созвездия в виде повозки. В связи с Большой Медведицей также стоит отметить существование относительно большого числа эсхатологических легенд о звезде Алькор, в которой видят собаку, рвущуюся с привязи, что в конечном счете должно привести к концу света. Первое письменное упоминание о подобной верованиях встречается уже в середине XIX в. в «Славянской мифологии» Н. И. Костомарова: «В созвездии медведицы, народ видит коней, вероятно, Свантобита [sic!]. Черная собачка, олицетворение Чернобога, каждую ночь хочет перегрызть упряжь, чтоб разрушить весь организм творения, но не успевает, потому что перед рассветом побежит пить к студенцу, а тем временем упряжь срывается» [4. С. 54–55]; а позже — уже без упоминаний имен языческих богов — у А. Н. Афанасьева в «Поэтических воззрениях славян на природу»: «Рассказывают и так: есть на небе три сестрицы-зоряницы (вечерняя, полуночная и утренняя), приставленные сторожить пса, кото-

рый прикован у Малой Медведицы на железную цепь и всячески старается перегрызть ее; когда цепь будет порвана — тогда и кончина мира» [2. С. 501] (с. 14–17).

Небольшая монография, которую мы представили в рецензии, вносит весьма значительный вклад в развитие славянской астрономии и будет интересна не только специалистам-диалектологам и фольклористам, но и всем интересующимся народной украинской и — шире — славянской культурой.

Литература

1. *Авілін Ц. В.* Паміж небам і зямлёй. Мінск, 2015.
2. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 2014.
3. *Карпенко Ю. О.* Походження астрономічних назв // Українська мова і література в школі. 1971. № 4. С. 87–91.
4. *Костомаров Н.* Славянская мифология: извлечение из лекций, читанных в Университете Св. Владимира во второй половине 1846 года. Киев, 1847.

5. *Святский Д. О.* Под сводом хрустального неба. Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения. СПб., 1913.

6. *Фламарион К.* Звездное небо и его чудеса. СПб., 1899.

7. *Moszyński K.* Atlas kultury ludowej w Polsce. Zesz. 1–3. Kraków, 1934–1936.

О. В. Чёха,

кандидат филологических наук,
Институт славяноведения РАН
(Москва)

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, С. Ю. Королёва; Российская академия наук, Уральское отделение, Пермский федеральный исследовательский центр, Пермский государственный национальный исследовательский университет; [отв. ред. И. И. Русинова]. — Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. — СПб.: Маматов, 2019. — 831, [1] с. — (Фольклор народов России).

Коллектив этнолингвистов и фольклористов Пермского государственного национального исследовательского университета и Пермского федерального исследовательского Центра РАН (Уральское отделение) разработал новый тип этнолингвистического словаря, который в лексикографической форме репрезентирует обширный корпус мифологических рассказов Пермского Прикамья, значительная часть которых была собрана в ходе масштабных полевых исследований 1990–2000-х гг. в этом регионе (к сожалению, полный список источников, упомянутый на с. 32 предисловия, в книге отсутствует).

Первый том этого фундаментального труда, опубликованный в 2019 г., посвящен поверьям и рассказам о людях со сверхъестественными свойствами. За ним, по-видимому, должны последовать том или тома, характеризующие другие стороны мифологической традиции. Рецензируемый словарь состоит из четырех разделов: 1) обширного предисловия, включающего характеристику Пермского Прикамья как этнографического региона, обстоятельный очерк истории собирания этнографических, фольклорных и диалектных материалов этого края и специального изучения мифологической традиции; краткий общий очерк пермских демонологических поверий; описание принципов составления и структуры словаря; 2) самого словаря (более семисот словарных статей); 3) идеографического указателя; 4) алфавитного указателя лексики и фразеологии, относящейся к мифологическому дискурсу.

Хотя книга называется «словарь мифологических рассказов», сами рассказы в их целостном виде в словаре не приводятся, это не антология (в отличие, например, от книги О. А. Черепановой по севернорусской мифологической традиции¹ или сборника мифологических рассказов Кудинского района Пермской области²). Пермские тексты присутствуют в рецензируемом словаре, можно сказать, в разъятом виде, на уровне «морфологии» этих текстов (если пользоваться термином В. Я. Проппа), т.е. они даны через их составные части, содержательные элементы, выделенные по логическим и этнолингвистическим основаниям как культурно (функционально) релевантные знаки мифологической традиции (своего рода «ключевые слова»). И всё же некоторое представление о самих текстах (но не их структуре) читатель может составить по их обширным фрагментам, приводимым в качестве иллюстраций в словарных статьях.

Но вместе с тем это и не **диалектный** словарь пермской мифологической лексики, задачей которого была бы лингвистическая (семантическая, грамматическая, географическая) характеристика слов, встречающихся в мифологических рассказах. Это также и не **этноидеографический** словарь, ставящий своей целью группировку лексики на основе логической классификации экстралингвистической действительности, как, например, уральские словари О. В. Вострикова³ и В. В. Липиной⁴. Наконец, это и не **этнодиалектный** словарь, задачи и структуру которого разработал И. А. Морозов применитель-

но к региональной культуре Северного Белозерья⁵ и который впоследствии был реализован на материале других традиций⁶, в том числе и пермской⁷.

С лексикографической точки зрения рецензируемый труд представляет собой своеобразный жанр. Мы видим в нем признаки тематического диалектного словаря, но, во-первых, не алфавитного, а гнездового (по образцу словаря Даля, ср. словарные статьи: «Глázить, Изглázить, Сглáживать, Сглáзывать, Сглáзить», «Смили́ть, Осми́ливать, Присми́ливать, Присми́лить», «Ико́т, Ико́та, Ико́та́, Ико́тка» или «Матери́ть, Мати́ть, Ма́тькать, Отматери́ть, Отма́тькать»); во-вторых, заглавное слово толкуется и иллюстрируется только в своих «мифологических» значениях и контекстах (например, в статье «Комар, Комарик» насекомое представлено только как ипостась беса или болезни; в статье «Смотреть, Посмотреть» эти предикаты учитываются только в значении сглаза и порчи или как свойство колдуна, который избегает смотреть в лицо собеседнику, и т.п.).

С другой стороны, приводимые в статьях текстовые иллюстрации сгруппированы в соответствии с выделенными значениями и культурными функциями заглавного слова (слов), т.е. подчинены содержательной структуре толкуемого явления, что сближает этот словарь с этнолингвистическими (этнодиалектными) словарями, в которых каждое толкуемое слово рассматривается в широком культурном контексте и в соответствии со структурой описываемой экстралингвистической сущности⁸. Благодаря такому подходу словарь можно рассматривать как системно препарированный мифологический дискурс, который в целом воссоздает весьма значительный фрагмент картины мира местной культурной традиции, относящийся к низшей мифологии, к народным представлениям о колдовстве, знахарстве и бытовой магии. Особое значение этот свод мифологического материала приобретает в перспективе сравнительных, типологических и этногенетических исследований, поскольку пермские данные обнаруживают чрез-

вычайное богатство, полноту, своеобразие и хорошую сохранность на фоне многих других русских, восточнославянских и даже других славянских традиций, где мифологические верования существенно оскудели по сравнению со свидетельствами XIX в. (отметим еще раз, что материал словаря фиксирует состояние традиции на первое десятилетие нынешнего века).

Вместе с тем словарные статьи, при всем богатстве цитируемого материала, в целом достаточного для полной характеристики каждого толкуемого слова (и соответствующего явления), не эксплицируют его логическую структуру. Например, в случае «глагольных» статей не учитываются такие параметры, как возможные субъекты, адресаты, объекты действия (включая соответствующие свойства участников ситуаций, а также предписания и запреты), временные, локативные и прочие условия его применения и результативности, используемые средства и ресурсы, способы противодействия и т.п., а также не приводятся функциональные синонимы, т.е. те ряды, в которые входит толкуемое слово.

В значительной степени отсутствие этих параметров в статьях компенсируется прилагаемым к книге «Идеографическим указателем», в котором соответствующие параметры выделены и детально конкретизированы (правда, это скорее схема, чем указатель, потому что в нем не приводятся страницы или статьи, к которым относится каждая конкретная формулировка). В «Указателе» выделены следующие главные рубрики, неравные по своему объему, структуре, подробности и значению (что само по себе показательно для оценки культурной релевантности соответствующих параметров).

I. Субъекты магических действий.

1. Люди со сверхъестественными свойствами (с. 754–789).

2. Злые духи, связанные с колдуном (с. 789–795).

II. Объекты магического воздействия.

3. Человек как объект магического воздействия (с. 795–800).

4. Домашний скот как объект вредоносного магического воздействия (с. 800–801).

III. Каналы, способы, средства, результаты магического воздействия; место, характер магических действий.

5. Каналы, способы, средства магического воздействия (с. 801–807).

6. Результаты вредоносного воздействия (с. 807–808).

7. Место совершения магических действий (с. 808).

8. Характер магических действий (с. 809).

Детальность препарированного материала можно продемонстрировать на примере рубрик 5.3.3. Растения и их части: *травы, папоротник, мох, вереск,*

лук, чеснок, спорынья, горох, дикий мак, маковое семя, солома, части дерева; 3.1.7.1. Болезни: *белая рожа, бородавка, вальнюга, воркун, грыжа, грызло, зоб, камчук, костоед, кочерга, крачная рожа, мышьяк, надада, нарыв, опухоль, осье гнездо, пёсье зерно, печмень, пуп, пупок, рана, рожа, собачья старость, собачьи титьки, утин, чирей, чирьяк, ячменёк, ячмень.* Эта подробная схема, разработанная в «Указателе», может в будущем послужить основой обстоятельного и полного анализа мифологической традиции Пермского края.

Существенно помогает читателю адекватно воспринять содержащийся в книге словарный материал краткий очерк региональной демонологии, в которой приоритетные позиции занимают (кроме «знающих» людей) мифические существа типа вселяющихся духов (*бес, икота, пошибка*) и духи-помощники колдуна. Едва ли не треть всего состава словарных единиц связана с этим кругом персонажей. Например, все без исключения цветочные обозначения, приведенные в словаре, могут выступать в роли мифологической характеристики внешнего вида духов-помощников колдуна. Это же касается названий насекомых и мелких животных, осмысляемых как ипостась этих духов. Большое число словарных статей содержит сведения о духе, проникшем в тело человека (об «икоте», «пошибке»), и о его вербальном поведении. Судя по иллюстративной части словарных статей, используемые колдунами магические способы передачи икоты человеку могут быть выражены длинным рядом общеупотребительных глаголов в специальном «мифологическом» значении: *вселить, посадить, подсаживать, поднести, передать, запустить, занести, навести, приделать, поставить* и др.

Почти 40 словарных статей представлены именами собственными вселяющихся духов, которые якобы сами сообщают их людям (*Васька, Гришка, Иван Федорович* и т.п.). Между тем едва ли состав этих имен является значимым с мифологической точки зрения. В расказах старообрядцев Верхокамья, по свидетельству О. Б. Христофоровой⁹, упоминается еще целый ряд собственных имен икоты, которые выглядят как случайная выборка. Значимым здесь является лишь сам факт именования духов человеческими именами, о чем можно было сказать в статье «имя».

Составители словаря отмечают еще одну яркую особенность пермской народной демонологии — наличие в списке «знающих» людей особого персонажа, именуемого *векшица, вештица, вещица*. Этот вариант ведьмы отличается высокой степенью демонизации и наделяется крайне вредоносными функциями (неизвестными в других версиях восточнославянской демоно-

гии) — вынимать плод из чрева беременных женщин и самок животных, поедать его, оставляя на его месте старый веник, мочало, мыло, головешку.

Из других мифических существ в словарь включены лишь те, которые вступают в непосредственный контакт с колдунами: бес, черт, леший, водяной, банник, кикимора. Остальные демонические существа, по-видимому, войдут в состав второго тома.

Рецензируемый словарь включает не только собственно мифологическую лексику, но и общеупотребительную, бытовую. Вместе с тем словарь не является исчерпывающим перечнем лексем, встречающихся в мифологической прозе Пермского края, а учитывает прежде всего ту его часть, которая значима для широко понимаемого колдовского дискурса (т.е. соотносится с «культурно релевантными» понятиями и реалиями), в котором очень часто общеупотребительные, будничные слова и словосочетания приобретают статус терминологических единиц с особой семантикой. В первую очередь это касается глаголов типа *знать, делать, думать, говорить, шептать, портить, насылать, сглазить, закрывать, икать* и мн. др.

В словаре сравнительно мало, как нам кажется, уделено внимания локативному коду мифологического дискурса. В словник включены лишь некоторые значимые для народных поверий локусы: перекресток, дорога, порог, могила, крыша, чердак, но отсутствуют очень важные для севернорусской традиции места колдовских действий: подпол, баня, хлев, мост, межа, граница, берег реки, болото. Еще менее представлены сведения о мифологически значимом времени: не учтены ни праздничные, ни поминальные дни, ни единицы суточного времени (вечер, ночь, полночь, полдень, время до восхода солнца и после захода и др.).

В рецензируемом труде авторам удалось реализовать нелегкую задачу — раскрыть своеобразие фольклорно-языкового материала, отражающего мифологические представления жителей Пермского края о «знающих» людях. Содержащийся в нем богатейший материал мифологических рассказов представляет большой интерес для диалектологов благодаря используемой в статьях как общеупотребительной, так и особой региональной лексике и фразеологии и подробной их текстовой репрезентации. Но прежде всего этот труд вносит существенный вклад в изучение народных верований о «параллельном» мире и взаимоотношении с ним человека. Наконец, опыт составителей словаря ценен с точки зрения методологии этнолингвистических исследований; он может послужить образцом лексикографического подхода к изучению традиционной народной мифологии, фольклора и народной традиции в це-

лом. Рецензируемый словарь пополнил имеющуюся весьма богатую коллекцию изданий, посвященных традиционной народной культуре Пермского края, которая включает труды по истории, этнографии, материальной и духовной культуре (перечень основных из них дан в предисловии к словарю). Благодаря им Пермский край стал одним из наиболее полно и разносторонне изученных отечественных этнокультурных регионов.

Примечания

¹ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996.

² Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. / сост. А. В. Черных; авт. вступ. ст. О. И. Васнева, А. В. Черных. Пермь, 2004.

³ Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. 1: Народный календарь; Вып. 2: Народная свадьба; Вып. 3: Народ-

ная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи; Вып. 4. Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры). Вып. 5: Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург, 2000.

⁴ Литвина В. В. Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. 6: Быт. Ч. 1. Екатеринбург, 2004.

⁵ Морозов И. А. Пути и способы изучения локальных традиций: региональный этнодиалектный словарь // Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь / Морозов И. А. и др. М., 1997. С. 3–9; Морозов И. А. Этнодиалектный словарь как способ исследования и презентации локальной традиции // Традиционная культура Ульяновского Присурия: этнодиалектный словарь / отв. ред. И. А. Морозов, М. П. Чередникова. М., 2012. Т. 1: А — Л. С. 13–26.

⁶ Традиционная культура Ульяновского Присурия. Этнодиалектный словарь / отв. ред. И. А. Морозов, М. П. Чередникова. М., 2012. Т. 1: А — Л; Т. 2: М — Я.

⁷ Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь

свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004.

⁸ Наиболее полно жанр этнолингвистического словаря разработан создателями общеславянского словаря «Славянские древности: этнолингвистический словарь», изданного под общей редакцией Н. И. Толстого (в 5 т. М., 1995–2012).

⁹ Христофорова О. Б. Икота: Мифологический персонаж в локальной традиции. М., 2013. С. 162–172.

Л. Н. Виноградова,
доктор филологических наук,
Институт славяноведения РАН
(Москва)
С. М. Толстая,
академик РАН,
Институт славяноведения РАН
(Москва)

Работа выполнена в рамках проекта «Низшая мифология славян: Новые методы и подходы к исследованию», поддержанного грантом РФФИ (№ 20-012-00300).

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ФОЛЬКЛОРУ, ЭТНОГРАФИИ, ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Бижева З. Х. Адыгская языковая картина мира: монография / Мин-во науки и высш. образования РФ, Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. — 2-е изд., доп. — Нальчик: КБГУ, 2022. — 186 с.

Горбунов Н. П., Гузенко К. В., Догадина Н. Ф. Астраханское казачество: история, культура, музыка / Всерос. обществ. организация «Союз композиторов России», Астрахан. регион. отделение ВОО «Союз композиторов России» [и др.]. — Астрахань: Забродина Н. В., 2022. — 152 с.: ил.

Иванов В. П. Очерки по истории и этнографии Чувашии: избр. труды (2012–2022) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. — Чебоксары: ЧГИГН, 2022. — 303 с.: ил., табл., цв. портр.

Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Науч. совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнац. отношений; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; [под ред. В. А. Тишкова; сост. Б. А. Синанов, В. В. Тишков]. — М.: [ИЭА РАН], 2021. — 310, [1] с.: цв. ил.

Материнство в советской деревне: ритуалы, дискурсы, практики: в 2 т. / сост. Л. В. Голубева, С. О. Куприянова. — СПб.: Пропповский центр, 2022. — (Традиц. фольклор в соврем. записях). — Т. 1:

Исследование. — 319 с.: ил.; Т. 2: Фрагменты интервью. — 894 с.

Муравьев В. Б. История Москвы в пословицах и поговорках. — М.: Родина, 2022. — 365, [1] с.: ил. — (Московедение).

Пульнер И. М. Свадебные обряды у евреев / Исслед. центр Еврейского музея и Центра толерантности, Рос. этнограф. музей; [ред.-сост. В. А. Дымшиц]. — СПб.: М.: Библиороссика: ЕМЦТ; Бостон: Academic Studies Press, 2022. — 605, [2] с., [8] л., ил., цв. ил., факс.: ноты, портр.

Российские немцы: [кол. монография] / [Е. А. Арндт, А. Н. Блинова, Д. И. Вайман и др.]; отв. ред. Т. Б. Смирнова, В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Мин-во науки и высш. образования РФ, Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. — М.: Наука, 2021. — 717, [1] с., [16] л. цв. ил.: ил. — (Народы и культуры).

Российские немцы в полиэтнической среде Самарского края. История и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 13 ноября 2021 г. / Администрация гор. округа Самара, ОО СО «Региональный центр немецкой культуры “Надежда”»; Немецкая нац.-культурная автономия г.о. Самара; Самарский гос. ин-т культуры; науч. ред. Т. И. Ведерникова. — Самара: Принт-ру, 2021. — 159 с.: ил., портр.

Таджики: [кол. монография] / [А. В. Валиев, Х. М. Мухаббатов, Т. Г. Филимонова и др.]; отв. ред. Н. А. Дубова [и др.]; [Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Нац. академии наук Таджикистана]. — М.: Наука, 2021. — 1004, [1] с., [16] л. цв. ил.: ил., портр. — (Народы и культуры).

Торп Б. Нордическая мифология / пер. с англ. Е. С. Лазарева, Ю. Р. Соколова; [вступ. статьи А. Кондратьева, Ж. Симпсон]. — М.: Вече, 2022. — 559 с.

Федорова В. П. Народная культура в Зауралье: сказочная проза: монография / Мин-во науки и высш. образования РФ, Курган. гос. ун-т. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. — 341 с.

Флейман Е. А. Немцы на севере Самарской губернии: от Александрталя до Фюрстенштейна (1858–1941). — Самара: Принт-ру, 2021. — 299 с.: ил., портр., табл., факс.

Харва У. Верования и мифология народов Северной Евразии / Уно Харва (Хольмберг); пер. с англ. И. В. Кучумова, Т. Г. Миннихметовой; Мин-во науки и высш. образования РФ, Ин-т этнолог. исследований им. Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исслед. центра РАН. — М.: Castalia, 2022. — 317, [1] с., [17] л. ил. — (Volgo-Uralic. Kuzeev anthropological series).

Хотко С. Х. Адыги: этногенез, историческая этнография, политическая история. — Т. 1: Этногенез и культурное наследие. — Майкоп: Полиграф-Юг, 2021. — 611, [1] с.: ил., цв. ил.

Шудунова Л. В. Прозвища в антропологии бурят / Мин-во культуры РФ, Восточно-Сибирский гос. ин-т культуры. — 2-е изд. — Улан-Удэ: ВСГИК, 2021. — 123 с.

ИСТОРИЯ НАУКИ, НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Бугров П. В. «Это всё для памяти Павла Васильевича Бугрова»: рукописное наследие ярославского крестьянина: в 2 т. / подгот. текста и сост. примеч.: И. С. Слепцова (Кызласова); Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ярославский гос. ист.-арх. музей-заповедник. — М.: Индрик, 2022. — Т. 1. — 2022. — 630 с., [4] л. ил., цв. ил., факс.: ил., портр., табл., факс.

Демидов С. М. Историк и этнограф Георгий Иванович Карпов / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Старый сад, 2022. — 263 с.: ил. — (Этнография туркмен; вып. 2).

Кошелева А. Л. Николай Федорович Катанов: «Образцы народной литературы тюркских племен» — форпост тюркской духовности: монография / Мин-во образования и науки Респ. Хакасия, Хакасский науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. — Абакан: Бригантина, 2022. — 133 с.: ил., факс.

Логмозерские дневники студентов-этнографов, июнь 1930 года: сборник документов / Ин-т языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; сост. Л. В. Барина, Ю. В. Литвин. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2022. — 384, [1] с.

Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концеп-

циям = *Journeys through the siberian steppes and taiga to anthropological concepts: этноистория Сергея и Елизаветы Широкогорových*: [в 2 т.] / [University of Aberdeen, Scotland, UK; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и др.]; под ред. Д. Арзютова [и др.]. — Т. 2, Ч. 1. — М.: Индрик, 2022. — 455 с.: ил., факс.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ

Кляус В. Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии = Russian folklore on the hills of Manchuria: исследования, тексты, комментарии / Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН. — М.: ИМЛИ, 2022. — 815 с., [8] л. цв. ил.: ноты. — (Фольклорное наследие; т. 1).

Намзин А. Б. Фольклор Удомельского края. — Вышний Волочёк: Иридапрос, 2022. — 607 с.: ил. — (Русское зазеркалье).

Сказки терских казаков: [сборник сказок станиц Терской области] / сост. и ред. И. Ю. Щербакова; худ. В. С. Поляков. — Ставрополь: ИП Дорофеев В. Ю., сор. 2022. — 511 с.: ил.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ, НОТЫ

Анисимов А. Б. История литературы коренных народов зарубежной Арктики: учеб. пособие / Мин-во науки и высш. образования РФ, Северо-Восточный федеральный ун-т им. М. К. Аммосова. — Якутск: Сахаада, 2022. — 110 с.: ил.

Габышев Е. С. Народы и культуры циркумполярного мира: учеб. пособие / Мин-во образования и науки РФ, Северо-Восточный федеральный ун-т им. М. К. Аммосова, Ист. факультет, Каф. истории, обществознания и политологии. — Якутск: Алаас, 2022. — 147 с.

Урсегова Н. А. Методика собирания, расшифровки и нотирования фольклорно-этнографических образцов: практикум: [в 2 ч.] / Мин-во образования и науки РФ, Новосибир. гос. пед. ун-т. — Новосибирск: НГПУ, 2018. — Ч. 1. — 2018. — 80 с.: ил., ноты, табл.; Ч. 2. — 2022. — 234 с.

АЛЬБОМЫ, КАТАЛОГИ ВЫСТАВОК И КОЛЛЕКЦИЙ

Беднарчик А. А. Вязаные, плетеные, тканые пояса в собрании Архангельского краеведческого музея: каталог / Арханг. краевед. музей. — Архангельск: Арханг. краевед. музей; М.: Северный паломник, 2021. — 180, [2] с.: ил., цв. ил.

Кислуха Л. Ф. «Там на Пинеге реке...» Народный костюм Пинежского уезда Архангельской губернии конца XIX — первой трети XX в. в собрании Архангельского музея изобразительных искусств. — М.: Северный паломник, 2021. — 419, [1] с.: ил., цв. ил., выкройки.

Соколова Г. В. Традиционная одежда Рязанской губернии XIX — XX вв. в собрании Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника: [альбом] / Сергиево-Посад. гос. ист.-худ. музей-заповедник. — М.: Северный паломник, 2021. — 289, [2] с.: ил., цв. ил.

Слуцкие пояса в собрании Смоленского государственного музея-заповедника: альбом-каталог / сост. Т. А. Павлова; — М.: Северный паломник, 2021. — 126, [2] с.

Материал подготовила

О. В. Трефилова,
Институт славяноведения РАН
(Москва)

Конференция молодых ученых «ФОЛЬКЛОРИСТИКА И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СЕГОДНЯ»

4–5 марта 2022 г. состоялась VIII Всероссийская конференция с международным участием «Фольклористика и культурная антропология сегодня», организованная учебно-научным Центром типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва). Конференция прошла в смешанном формате: часть участников выступила в здании университета, часть — онлайн.

В начале конференции С. Ю. Неклюдов (РГГУ, Москва) произнес вступительное слово. О. Б. Христофорова (РГГУ, Москва) рассказала о работе ЦТСФ, магистратуре, экспедициях и изданиях учебно-научного центра.

Первую секцию открыла лекция А. С. Архиповой (РГГУ, Москва) о значении работы фольклористов и социальных антропологов в военное время. Навыки исследователей позволяют фиксировать изменения в повседневных практиках, городские легенды и иные тексты, в которых описывается окружающая обстановка, анализировать их и формировать базы данных.

Доклады первой секции были посвящены актуальному фольклору в период пандемии COVID-19. А. А. Ляшкова и М. А. Карагуйшинова (Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского) в докладе «Интернет-фольклор в эпоху пандемии» осветили неко-

торые жанры, распространившиеся онлайн в последние годы. Исследовательницы представили краткий обзор частушек, заклинаний, антипословиц, карантинных поговорок, анекдотов, сказок и интернет-мемов. Тексты интернет-фольклора, посвященные пандемии, нередко пародируют жанры традиционного устного народного творчества, а также могут обыгрывать популярные образы (например, мем «Сестрица Удалёнушка») и мотивы традиционного фольклора.

К. А. Винникова (Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова) выступила с докладом «Образ Св. Георгия Победоносца в культуре эпохи Пандемии, или Старая погудка на новый лад». Св. Георгий упоминается в текстах разных фольклорных жанров, в том числе в магических текстах обережного и лечебного характера. В последних он представлен как помощник в преодолении кризисных ситуаций. Распространенная иконография «Чудо

св. Георгия о змие» репрезентирует идею борьбы со злом. Н. Царькова, автор картины «Святой Георгий в третьем тысячелетии», предлагает интерпретировать змея в качестве коронавируса. Авторы других работ, в том числе созданных при помощи векторной графики, подхватывают подобную трактовку. Копье святого может восприниматься как градусник или шприц; изображение вируса в некоторых случаях составляет часть тела змея или замещает его полностью. Часть подобных изображений носит юмористический характер. В интернет-мемах копьё может восприниматься как инструмент тестирования, змей — как потенциальный больной COVID-19. Визуальные репрезентации, вписывающие святого в контекст борьбы с коронавирусом, существуют и в русскоязычном, и в иностранном Интернете.

Первые два доклада второй секции были посвящены традиционным ритуальным практикам и их трансформации. **А. В. Гудкова** (Гос. академ. ун-т гуманитарных наук, Москва) в докладе «Омикудзи: прагматика и вариации» обратилась к японским гадательным практикам омикудзи, рассказала об их происхождении, трансформациях, формах и прагматике. Традиционный формат гадания предполагает покупку в храме листка бумаги с предсказанием и советами: важная функция омикудзи заключается в поддержке храмовой деятельности. Интервью, записанные от 20 информантов из Японии, западных стран и России, показывают, что в наши дни омикудзи воспринимается скорее как многолетняя традиция и развлечение, а не как сугубо сакральная практика. В последнее время актуализировалась тенденция перехода гадания в виртуальное пространство, где омикудзи сохраняют ряд своих традиционных особенностей. Они остаются привязанными к определенному храму, а пользователи Интернета перед нажатием кнопки «вытянуть» получают предложение помолиться.

А. С. Цыганкова (Полоцкий гос. ун-т, Республика Беларусь) представила доклад «Купальская обрядность белорусов Подвинья в записях конца XX — начала XXI в.», основанный преимущественно на материалах экспедиций Полоцкого государственного университета и фольклорных сборников XIX — начала XX в. Докладчица рассмотрела основные составляющие и этапы Купалья и проследила их изменения, которые происходили под воздействием социальных, экономических и политических факторов. Уже к середине XX в. магическое аграрное значение празднования Купалья уменьшается, а само оно всё больше приобретает характер светской за-

бавы, который сохраняет и в более позднее время. Ряд его этапов и элементов сокращается. Трансформируются и представления о вредоносных действиях ведьм в купальский период. Нарративы о «заломках», которые ведьмы оставляют в это время, теперь фиксируются крайне редко, хотя представления об «отбирании» молока у коров по-прежнему часто встречаются в Подвинье. Докладчица также выделила особенно устойчивые элементы купальской обрядности, которые остаются таковыми и сейчас: культ растений, огня, солнца и воды.

С. С. Калякина (Нижегородская гос. консерватория им. М. И. Глинки, Нижний Новгород) выступила с докладом «Ўдырпуч. К вопросу бытования “девичьей трубы” на севере Нижегородской области». В фокусе внимания докладчицы оказался экспонат Нижегородского музея истории художественных промыслов — музыкальный инструмент, длинная труба (170 см) без пальцевых отверстий. Исследование, основанное на данных экспедиции Нижегородской консерватории 2019 г., показало, что этот инструмент принадлежит к семейству марийских натуральных труб (марийск. *луч*). По косвенным свидетельствам, марийская труба могла существовать в Тоншаевском районе еще в 1980–1990-е гг. Согласно архивным данным Уренского краеведческого музея и рассказу, записанному в 2021 г. в д. Орехи (пункт компактного проживания староверов), подобные трубы длиной в 1 м бытовали среди пастухов в двух северных районах Нижегородской области — Уренском и Воскресенском. Традиция игры на марийской трубе утратилась, тем не менее жители деревни Большие Ашкаты (Тоншаевский район) сумел вновь изготовить подобный музыкальный инструмент. Отдельно докладчица остановилась на процессе реконструкции марийской трубы и особенностях игры на ней.

Н. С. Шишелов (независимый исследователь, Москва) в докладе «Микротопонимия средней Кокшеньги. Сопоставление живой традиции с документальными источниками» рассказал о предварительных результатах и перспективах исследования топонимов области по реке Кокшеньге и отчеты по реке Коленье (бассейн Северной Двины). Докладчик картографирует микротопонимию района по письменным документам XVII–XIX вв., собственным полевым исследованиям, материалам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета и краеведческим трудам XIX–XX вв. Как было отмечено в докладе, советские названия, бытовавшие в исследуемой области, оказались менее устойчивы, чем названия, зафиксиро-

ванные в документах XVIII в.: информанты, называя те или иные места, произносят их реже.

Доклады третьей секции были сосредоточены на гендерной проблематике в традиционной культуре и фольклоре. **А. Е. Калкаева** (Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, РГГУ, Москва) представила доклад «Социальный образ женщины в немецкой несказочной фольклорной прозе XIX в. (на примере сборника А. Куна и В. Шварца “Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche...”»): Женщины, вполне принадлежащие к человеческому миру, и женщины, принадлежащие к миру демоническому, нередко предстают в фольклорных текстах как существа менее активные, чем мужские персонажи. Во многих случаях сверхъестественные женские образы представляют собой инверсию образа обыкновенной женщины, при этом и те и другие описываются через призму объективации.

С. К. Мамонова (Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова) выступила с докладом «К вопросу о половой идентификации ребенка в обряде родильно-крестильного цикла». В различных исследованиях половозрастной идентификации человека используется понятие «бесполости» ребенка. Задача доклада состояла в прояснении этого понятия; особое внимание было уделено гендерному аспекту проблемы. До определенного возраста ребенок маркировался как бесполое существо, что находило отражение в его номинациях и в его внешнем виде. Эта бесполость предопределялась именно социальным статусом ребенка. Докладчица рассмотрела распространенные у восточных славян обряды стрижки/заплетания волос на уровнях акционального и предметного кода. Обряд первой стрижки является одним из этапов социализации ребенка как существа определенного пола. Манипуляции с волосами человека отображают изменение его статуса на разных этапах жизни. Волосы также воспринимаются как замещающий человека в некоторых ритуалах объект и символизируют его связь с потусторонним миром.

Сообщения четвертой секции были посвящены различным формам эпической поэзии. **В. В. Станьева** (Санкт-Петербургский гос. ун-т) в докладе «Народные верования в монгорском варианте эпоса “Тэсэр”» рассмотрела две версии эпоса, известные у малого монгольского народа, проживающего в Китае. Эти версии были записаны от сказителей из Тяньчжу-Тибетского уезда (провинция Ганьсу) и из Хучжу-Туского уезда (провинция Цинхай). Докладчица выделила в текстах элементы буддийских, местных шаманских верований, религии бон, ханьских

верований и даосизма. Синкретизм этих верований составляют религиозное мировоззрение монголов. Отдельно В. В. Станьева рассмотрела свадебный обряд, подробно описанный в монгорском варианте эпоса. Он во многом совпадает со свадебным ритуалом, который был распространен ранее в уезде Тяньчжу. Согласно заключению исследования, монгорский вариант эпоса содержит обширный материал, отражающий традиционные верования и обряды монголов, что дает возможность изучать, как именно эпос распространялся в этом регионе.

Р. Ф. Пятаев (РГГУ, Москва) в докладе «Мотивный состав и былинные корни сюжета русских исторических песен об угрозе иностранного правителя захватить страну» рассмотрел тексты XVIII–XIX вв., проанализировав мотивы указанного сюжета и их последовательность. Топосы, в которых битва представляется как пир, а враги — как гости, встречаются и в других сюжетах русских песен, сопровождая связку из двух элементарных сюжетных мотивов: поступление угрозы и аннулирование ее героем. Это наблюдение дает возможность предполагать существование определенной модели эпических элементарных сюжетов. Было замечено, что основной пафос рассмотренных текстов заключается в декларировании необходимости спасти страну.

Завершил секцию доклад **И. М. Струтинского** (Российский ин-т истории искусств, Санкт-Петербург) «Прикарпатская гаївка/маївка/перепелонька и эпическая традиция (по полевым материалам автора 2021 г.)». Объектом внимания исследователя стали *гаївки* (в разных селах именуемые *горошок*, *маївка*, *перепелонька*, *великодна співанка*) — песни и хороводы, исполняемые в Ивано-Франковской области Украины на Пасху. Были описаны некоторые известные баллады, встроенные в пасхальную обрядность, и особенности их исполнения. В некоторых селах одни и те же баллады могут исполняться как *гаївки*, в других — как внеобрядовые песни, в третьих — и в первом качестве, и во втором. *Гаївки* с эпическим сюжетом сохранились хуже, чем игровые. Как заметил докладчик, не вполне понятно, к какому жанру можно отнести *гаївки*: они могут исполняться на Пасху непосредственно у церкви или около кладбища либо на кладбище, но по содержанию нередко относятся именно к бытовой лирике. Докладчик рассказал также о пасхальных песнях-хрониках, которые вплоть до 1970-х гг. сочиняли в Коломыйском районе.

Доклады пятой секции были посвящены представлениям о смерти в традиционном фольклоре. **И. О. Никитина** (Московский гос. ун-т им.

М. В. Ломоносова) представила доклад «Образы смерти в греческом фольклоре», в основу которого легли полевые записи, сделанные на юго-востоке острова Крит. Важная часть представлений греков о смерти сосредоточена на моменте отделения души человека от тела. Проводниками души в загробный мир предстают Харос, образ которого развился из образа античного Харона, и архангел Михаил. Образы этих персонажей могут накладываться друг на друга или заменять друг друга. Так, был записан сюжет, согласно которому архангел Михаил в определенный день вносит имена людей, которых он собирается забрать, в свою тетрадь. В источниках первой четверти XX в. существует запись, где подобная тетрадь находится у Хароса.

Доклад **Д. Г. Чубуковой** (РГГУ, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) «Представления о “том свете” жителей украинского анклава Саратовской области» был основан на полевых материалах, собранных в экспедиции под руководством Е. Е. Левкиевской в 2012–2019 гг. В украинском анклав преобладают представления о том свете как о мире, схожем с земным. Посмертное состояние души зависит от поведения ее близких. В некоторых случаях умерший может «ходить» или являться во сне живому человеку. Докладчица отметила, что для составления по возможности полного представления о восприятии иного мира и посмертного существования души необходимо учитывать разные жанры: и тексты об «обмираниях», и былички, и похоронный обряд.

На следующий день в рамках шестой секции **Е. А. Крыков** (РГГУ, Москва) выступил с докладом «Проблема национальной самоидентификации эстонцев Яшалтинского района Республики Калмыкия: анализ современного положения на основе материалов полевого исследования». Докладчик выделил основные точки опоры, важные для сохранения национального самосознания эстонцев данного анклава: кухня и пищевые традиции, остаточный национальный язык, который в целом утрачен; память о 8-м стрелковом корпусе (1942–1946), состоявшем в значительной степени из яшалтинских эстонцев; культурные события, поездки в Эстонию и Эстонский праздник песни.

Седьмую секцию открыл доклад **А. И. Леванова** (Московская высшая школа соц. и эконом. наук / МВШСЭН, Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, Москва) «Пивовары как аборигены: связь представлений о пиве и о границах сообщества в “крафтовом” пивоварении». Теоретической базой

исследования послужили работы Э. Дюркгейма, М. Мосса и М. Дуглас. Дюркгейм и Мосс, исследуя австралийских аборигенов, заметили связь между космогонией, классификациями объектов окружающего мира, принятыми внутри общества, и его социальной структурой. М. Дуглас исследовала статус объектов, находящихся на границах подобных классификаций. Докладчик выделил три типа пивоваров: «региональные» пивовары, «крафтовые» (работающие в сегменте с относительно небольшими объемами производства) и «пивгиганты». Первые отличаются консервативностью, вторые более склонны к экспериментам, третьи обычно стараются учитывать оба подхода. Были рассмотрены принятые у пивоваров внешние и внутренние границы классификации пива, понятия его дефекта и/или особенности. К пиву с различными добавками пивовары второго и третьего типов относятся скорее положительно. Концепция сообщества по Дюркгейму и Моссу более применима к сообществу «крафтовых» пивоваров, чем к «пивгигантам», в сфере деятельности которых преобладает ориентация на законы рынка.

В. А. Воробьев (РГГУ, Москва) в докладе «Генезис и топика русской студенческой песни XIX века» отметил, что тексты студенческих песен восходят к песням вагантов, через немецкие университеты они попадали сначала в университеты Москвы, Львова и Дерпта, откуда распространяются в другие университеты, которые, таким образом, тоже становятся «агрегаторами» студенческих песен. Студенческие сообщества, как сложные и иерархизованные, склонны обращаться к разным ориентирам в прошлом. Исследователь выделил несколько топосов, устойчивых структур, благодаря которым студенческие тексты продолжают свое существование. Заметив, что его выводы согласуются с концепциями Дж. Верча о «нарративных шаблонах», докладчик предложил говорить о «песенных шаблонах». Последние образуются в университетах отдельные студенческие мнемонические сообщества, в некоторых отношениях схожие между собой.

С. Ю. Неклюдов (РГГУ, Москва) в лекции «Культура как коммуникация: оптика фольклористики» обратился к особенностям изучения устной традиции. Было замечено, что методы ее изучения необходимо учитывать фольклористам при работе с интернет-лором, поскольку последний по некоторым параметрам более напоминает устную, а не письменную культуру.

Завершил секцию доклад **О. И. Кудрявцевой** (Нац. исследовательский ун-т «Высшая школа экономики», Москва) «Поворот к животным (animal-

turn) в современной культурной антропологии». В нем было показано, как меняется восприятие животных в гуманитарных науках под воздействием исследований агентности, кибернетики, трансформации представлений о том, как мыслят животные, и других факторов. Для анализа были выбраны работы Э. Кона «Как мыслят леса», Х. Раффлза «Инсектопедия», А. Пшера «Интернет животных».

Доклады восьмой секции были посвящены различным религиозным сообществам и практикам. **М. Р. Масагутова** (Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) в докладе ««Каков Бог, таков и приход»: режимы доступа к харизме в общине трезвенников-чуриковцев» рассказала, как проявляется присутствие Братца Иоанна Чурикова в жизни последователей его учения. После его смерти (предположительно в 1933 г.) в сообществе был только один видный лидер — А. И. Синников. Различные интерпретации его фигуры — как воплощения Иоанна Чурикова, как «сильного старца» и как просто талантливого проповедника — вызвали в сообществе конфликт. К этому времени «чуриковцы» уже приобщились к харизме лидера благодаря чтению ими писем и проповедей, оставленных основателем движения. «Связь» с ним они поддерживают благодаря запискам, обращенным к нему. Именно столкновение двух типов лидеров привело сообщество к расколу, который, однако, его представители не артикулируют в официальных заявлениях и в частных разговорах обсуждают неохотно.

И. А. Малиновский (Московская высшая школа соц. и эконом. наук, Москва) в своем исследовании при-

менил концепцию «техник заботы о себе» М. Фуко к собственным полевым материалам. Докладчик разделил информантов — практикующую нью-эйдж городскую молодежь — на четыре кластера: представители «чистого нью-эйджа, представители западного эзотеризма, практикующие «традиционную магию» и неоязычники. В большей степени «техники заботы о себе» свойственны практикующим двух первых кластеров. Представители этих групп замечали, что магические практики помогают им познавать и описывать себя, устанавливать контроль над внутренним состоянием. В меньшей степени концепция Фуко применима к представителям последних кластеров. В среде неоязычников большую роль играют определенные ритуалы, которые плохо соотносятся с техниками заботы о себе, а практикующие «традиционную магию» больше сконцентрированы на изменении мира вокруг себя.

Два сообщения девятой секции были основаны на материалах, собранных благодаря экспедициям Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ на юг Нижегородской области. **А. И. Завьялова** (РГГУ, Москва) представила доклад «Советская рукодельная икона как центр (теневого) сети социальных взаимодействий». Изготовление рукодельной иконы в советское время могло объединять нескольких акторов, среди которых были мастера-«образовники»; люди, снабжающие его материалом; распространители икон. Образы, созданные в технике бриколажа, отражали социальный статус изготовителей. Городские «образовники» предпочитали оформлять иконы более

лаконично, чем деревенские мастера. Монахини декорировали иконы высушенными растениями, заключенные использовали обрезную медную проволоку, стекло и другие специфические материалы. **С. М. Тюнина** (РГГУ, Москва) в докладе «Советская икона на постсоветском пространстве» выделила несколько локусов, куда теперь попадают самодельные образы. В одних случаях иконы остаются в жилых помещениях, в других они попадают в иные места или утилизируются. Оказавшись в действующих храмах, заброшенных церквях или часовнях, образы могут продолжить создавать моленное пространство. В заброшенных домах, в пространствах природных святынь иконы, подвергаясь разрушению, оказываются под угрозой естественной утилизации. Исследовательница рассмотрела и другие локусы: склады при храмах и монастырях; антикварные магазины и интернет-площадки для продажи. Оказавшись в монастырях, советские иконы могут раздаваться паломникам как евлогии, в таком случае их статус повышается. Разные пространства формируют отличные друг от друга дискурсы и языки описания. Программа конференции опубликована на сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» (http://www.ruthenia.ru/folklore/pdf/Young-folklorist-2022_program.pdf).

А. Е. Калкаева,
Институт научной информации
по общественным наукам РАН
(Москва)
аспирантка, Российский
государственный
гуманитарный университет
(Москва)

Конференция «ДЕМОНОЛОГИЯ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»

13 мая 2022 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) состоялась VII Всероссийская с международным участием научная конференция «Демонология как семиотическая система», организованная Центром типологии и семиотики фольклора и Центром визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ. В этом году она была посвящена памяти А. Е. Махова, профессора РГГУ, специалиста по культуре европейского Средневековья и Возрождения, постоянного участника демонологических форумов. В начале конференции со словом о нем — «Majus

ab exsequiis nomen in ora venit» — выступила **О. Л. Довгий** (Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова / МГУ). Включая это выступление, состоялось 18 докладов. Заседание проходило в смешанном формате — часть докладчиков могла присутствовать лишь онлайн.

Первую секцию открыл директор Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ **Д. И. Антонов** (РГГУ; Рос. академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, Москва / РАНХиГС) докладом «Демонизация, инвектива, экзотизм? Неочевидные знаки и их

роли в древнерусской иконописи», который был посвящен различным приемам изображения осуждаемых иконописцами персонажей. Одним из важнейших способов демонизации в русском искусстве Средних веков и Нового времени становится особая прическа — вздыбленные волосы, хохолок и др. Были рассмотрены необычные ситуации применения этого визуального знака, когда он появляется у персонажей с неопределенным статусом, не относящихся к демонам или грешникам.

Доклад **Л. Б. Сукиной** (Ин-т программных систем им. А. К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский) «Демоны печерских старцев на гравюрах мастера Или и Леонтия Тарасевича» был посвящен разнообразным сюжетам искусства праведников бесами в гравюрах двух мастеров, представленных в изданиях Киево-Печерского патерика

1661 и 1702 гг. Эти сюжеты не получили более раннего отображения в иконографии потому, что в текстах не было достаточного описания самих демонов, а в XVII в., когда издавался патерик, авторы гравюры были уже знакомы с западноевропейскими изображениями демонов. В итоге образы нечистой силы на изображениях не просто воспроизводят текст, а в значительной степени дополняют его.

О. А. Кузнецова (МГУ им. М. В. Ломоносова) выступила с докладом «Демонизация персонажей на русских изразцах XVIII — начала XIX в.». Она обратила внимание на то, как изразцовые мастера, воспроизводя классические визуальные барочные сюжеты, дополняли их своими надписями — с намерением и объяснить, и пошутить. В итоге получалось маргинальное пространство полустрашных, полукомичных персонажей — Амур с факелом возле жертвенника весталки становится, согласно подписи, диким человеком с гор, а персонажи басни об упрямой жене — лещачихами, которых черт проиграл в карты.

Последним в этой секции стал доклад независимого исследователя **К. В. Бандуровского** (Славянск, Украина) «Дьявол-автохтон на фреске “Учреждение августинианского ордена” в монастыре св. Николая Толентинского в Актопане». Рассматривая историю ордена, докладчик истолковал различные знаки на фреске, особое внимание уделив изображению демона, несущего индейские культовые предметы. По мысли докладчика, это изображение, находящееся почти по центру фрески, отражает как оппозицию «божественное/дьявольское», так и оппозицию «колонизаторы/автохтоны».

Вторая секция состояла из трех докладов, продолживших повествование о различных демонах. **И. Е. Суриков** (Ин-т всеобщей истории РАН, Москва / ИВИ РАН; РГГУ) в докладе «Эмпуса, Мормо, Ламия: вновь к вопросу о трех малоизвестных античных демоницах» продолжил исследование этих персонажей древнегреческой мифологии (им была посвящена его статья в 10-м выпуске альманаха «In Umbra», 2021). Докладчик проанализировал связи этих демониц между собой, между ними и богиней Гекатой, а также рассмотрел некоторые аспекты изучения этих демониц.

В докладе «Дидактическая анатомия: тела демонов и тела ангелов как инструмент проповеди» **М. Р. Майзульс** (РГГУ) коснулся известного парадокса в христианской интерпретации телесности духов: с одной стороны, они понимаются как существа духовной, бестелесной природы, с другой — описываются и изобража-

ются как вполне телесные агенты. Отталкиваясь от мнения средневековых богословов, толкующих телесность духов в аллегорическом ключе, докладчик показал, что эти толкования опирались на традиции иконографии, которые развивались самостоятельно и не сводились исключительно к аллегории.

Д. Д. Харман (РГГУ) в докладе «Демоны Альбрехта Дюрера: источник угрозы или объект насмешки?» рассуждала о том, как в творчестве Дюрера соединились позднесредневековое благочестие и зарождающаяся в то время вера в могущество ведьм и демонов. Исследовательница подробно рассмотрела внешний вид демонов, поставив наличие антропо- и зооморфных черт в их облике в зависимость от комической или поучительной направленности произведений художника.

В следующей, третьей секции конференции ряд выступлений отражал тематику магии и колдовства. Доклад **О. И. Тогоевой** (ИВИ РАН) «Правое, левое или зеркальное? Убийство герцога Людовика Орлеанского в текстах и изображениях XV в.» был посвящен тексту «Оправдания» Жана Пти, который был советником Жана Бесстрашного — убийцы герцога Людвига Орлеанского. Советник обвинял герцога в намерении захватить власть и в тирании, кроме того, он утверждал, что для достижения этой цели герцог прибег к колдовству и был в сговоре с ведьмами, — все эти обвинения должны были продемонстрировать, что убийство такого человека угодно Господу. Кроме того, создаваемый в «Оправдании» образ тирана-колдуна подкреплялся аллегорическими миниатюрами, где интересно обыгрывалась оппозиция правого и левого. Анализ этой семиотической «игры» стал центром доклада.

Доклад независимого исследователя **Г. В. Бакуса** (Тверь) «Эти странные коты и непоследовательный инквизитор: к вопросу о преемственности взглядов на колдовство авторов демонологических трактатов XV в., принадлежавших к доминиканскому ордену» посвящен темам, связанным с магическими путешествиями и превращениями ведьм в трудах Генриха Инститориса и других авторов-доминиканцев, а также преемственности идей о вредоносном колдовстве (maleficia) между разными поколениями авторов. Центральным сюжетом доклада стало причинение вреда людям вследствие нападения котов или кошек на людей, этот сюжет отображает взгляды на природу колдовства Инститориса и итальянских доминиканцев, при этом обвинение в таких нападениях отсутствуют у Иоанна Нидера, труды которого часто цитировал Генрих.

Л. С. Соболева (Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург) в докладе «Обличение колдовских практик в проповедях XVII в.» рассказала о росте числа устных проповедей, обличающих колдовские практики, в России предпетровского и петровского времени. Докладчица предположила, что высокая творческая активность проповедников была связана с тем, что в XVII в. общество стремительно менялось в социальном и культурном отношении.

В докладе «Вариации сюжета “Повести о грешной матери” в старообрядческой традиции» **О. Б. Христофорова** (РГГУ; РАНХиГС) рассмотрела старообрядческие версии византийской «Повести о грешной матери», специфика которых — невозможность спасения грешной матери и отсутствие мотива «смрадной руки» (рука сына-монаха, которой он вытаскивает мать из ада, навсегда остается смердящей в напоминание о чуде). В старообрядческих лицевых рукописях XIX — начала XX в. сюжет Повести обнаруживается в нескольких кратких назидательных текстах, сопровождаемых миниатюрами с центральным образом «грешницы на звере». Иконография миниатюр почти идентична, однако некоторые детали (изображены ли на них один монах или два, бесы или псы) позволяют различить их и соотносить с разными версиями сюжета. Интересным добавлением к основному повествованию стал рассказ о восприятии старообрядцами символики советских детских организаций в связи со знакомыми им изображениям грешницы (пионерский значок как красная жаба на ее груди, пионерский галстук — как красная змея на ее шее).

Последнюю секцию открыл **С. Ю. Неклюдов** (РГГУ) докладом «“Дикий человек”: феномен и таксономия», посвященным рассмотрению фигуры «дикого человека», до сих пор малоизученной в фольклористике, несмотря на его мифологическую природу, принимаемую большинством ученых. Докладчик показал важность фольклористического исследования этого персонажа для понимания процессов мифологического осмысления окружающего мира и поставил ряд задач для такого исследования: систематизация различительных признаков подобных персонажей, выделение их основных типов, описание жанровой дистрибуции соответствующих сюжетов, составление каталогов мотивов и др.

Доклад **Т. А. Михайловой** (Ин-т языкознания РАН, Москва) «Ирландский пишог и русский подклад: механизмы демонического воздействия» был посвящен способам причине-

ния вреда (порчи) с помощью магии и вредоносных предметов. В докладе сравнивались две традиции наведения порчи — ирландская и славянская. Они схожи на внешнем уровне, однако ирландский «пишог» означает совсем не то, что русский «подклад». Подклад — это предмет, созданный человеком для того, чтобы причинить вред другому человеку; отправителем же пишогоа может быть не человек, а фейри, более того, пишог может быть вместилищем фейри, в таких случаях пишогоами могут становиться не только предметы, но и животные и даже люди.

С. Ю. Королёва (Ин-т славяноведения РАН; Пермский гос. нац. исслед. ун-т) в докладе «Мифологизация и демонологизация умерших в устной традиции Кочёвского района Пермского края» предприняла попытку применить методологические разработки московской этнолингвистической школы к мифологическим представлениям коми-пермяков. Отталкиваясь от работ Л. Н. Виноградовой и Е. Е. Левкиевской о мифологизации умерших в Полесье, докладчица представила список мифологических персонажей, связанных с умершими людьми, в Коми-Пермяцком округе (душа, покойник, предки, «старые люди», чудь, ходячий покойник), описала их функции и связанные с ними мотивы. С. Ю. Королёва заключила, что специфика коми-пермяцкой традиции проявляется не только в комбинации мотивов и функций, связанных с определенными мифологическими персонажами, но и в самом наборе этих персонажей (так, у коми-пермяков нет

таких категорий умерших, как некрещеные дети, самоубийцы, русалки).

В докладе **В. Е. Овсячичка** (Полоцкий гос. ун-т, Республика Беларусь) ««Нечистые» покойники в представлениях населения Полоцко-Псковского пограничья (по материалам полевых исследований конца XX — начала XXI в.)» были рассмотрены мифологические идеи жителей белорусско-русского (полоцко-псковского) пограничья. Докладчик проследил общеславянские и региональные черты в этих представлениях, охарактеризовал их эволюцию в последние десятилетия. Так, с конца XX в. к «нечистым» покойникам перестали относить умерших некрещеными детьми; самоубийцы и предполагаемые колдуны также могут быть исключены из этой категории благодаря тому, что они были похоронены в соответствии с нормативным погребальным обрядом.

В докладе **Ю. А. Шкураток** и **А. В. Кротовой-Гариной** (Пермский гос. нац. исслед. ун-т), «Люди со сверхъестественными свойствами в традиционной культуре коми-пермяков: номинации и функции» рассматривались различные категории «знающих людей» (*tödissez*) в коми-пермяцкой традиции. Кроме общих с севернорусской мифологической традицией персонажей (*колдун/ковдун, колдунья/ковдунья, велживеч, ерекник/еретник* и др.), у коми-пермяков есть особые персонажи, например, исполнители обряда *черошлан* (гадание с помощью топора о причинах болезни).

Завершил конференцию **Д. Ю. Доронин** (РАНХиГС) докладом «Под-

земный мир и его обитатели: видения ада у алтайских шаманов XX–XXI вв.», посвященным актуальным представлениям о подземном мире алтайских шаманов и шаманистов. Сложность в исследовании этой темы заключается в табуировании у алтайцев рассказов о смерти и в отсутствии у них иконографии подземного мира до XX в. Докладчик рассмотрел вариации основных сюжетов — космогонических и эсхатологических, а также связанных с ними персонажей. Кроме того, в докладе было показано, как трансформируются представления алтайцев с появлением новых технологий и средств передачи информации.

Материалы конференции опубликованы на сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика»¹. По ее итогам планируется издать очередной, XI выпуск альманаха «In Umbra: Демонология как семиотическая система». К участию в нем приглашаются специалисты в области демонологии.

Примечания

¹ Демонология как семиотическая система: материалы VII науч. конф. Москва, РГГУ, 13 мая 2022 г. / сост. О. Б. Христофорова. М., 2022. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/2022_demonology7.pdf.

Д. Е. Давыдова,
магистрантка

О. Б. Христофорова,
доктор филологических наук
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)

Уважаемые коллеги!

В 2023 г. журнал «Живая старина» планирует публикацию статей и материалов в рубриках:

- «Верования и обряды»
- «Жанры фольклора»
- «Фольклор и религия»
- «Архивная полка»
- «Региональный фольклор»
- «Мифологические персонажи в фольклоре»
- «Фольклористика в научных центрах»

Мы также будем рады материалам, записанным в экспедициях, публикациям архивных документов, рецензиям на книжные новинки, обзорам научных мероприятий и проектов.

Уважаемые читатели!

Подписка на журнал «ЖИВАЯ СТАРИНА» по Объединенному каталогу «Пресса России»
Подписка онлайн — индекс Ц45355

Ответственный секретарь редакции
М. В. Ясинская

Научный редактор **О. В. Трефилова**
Корректор **М. К. Егорова**
Дизайн, верстка **О. Е. Самсонова**

Адрес редакции:

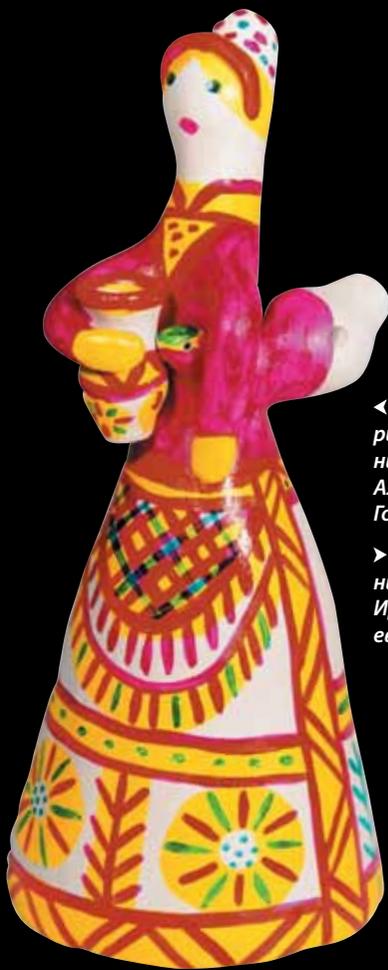
101000, г. Москва,
Сверчков пер., д. 8, стр. 3
Тел.: 8 (495) 621-43-50
E-mail: zhst-red@yandex.ru
Сайт: www.folkcentr.ru

Рукописи не возвращаются.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
© «Живая старина», 2022

Журнал зарегистрирован в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство № ФС77-73498 от 24 августа 2018 г. Подписано в печать 01.09.2022. Формат 60 × 90 1/8. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,0. Заказ № 1760.

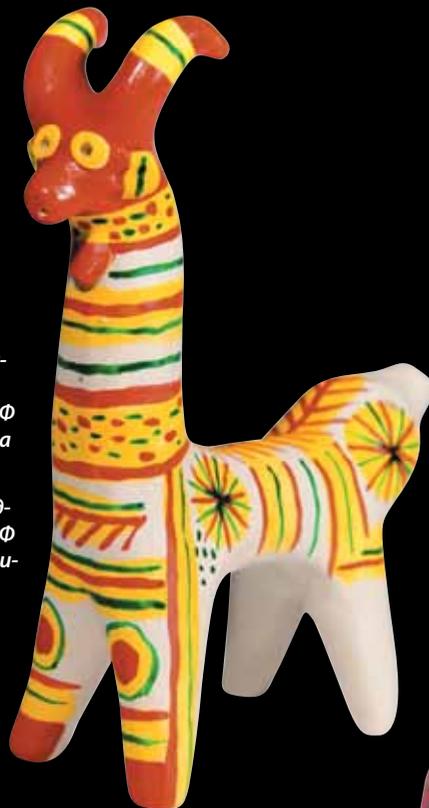
Отпечатано в типографии:

ООО «Принт сервис групп»
105187, г. Москва, ул. Борисовская, д. 14
E-mail: 3565264@mail.ru

◀ Барыня с курицей. Народный мастер РФ Алла Ивановна Гончарова

▶ Коза. Народный мастер РФ Ирина Дмитриевна Бежина

▶ Семья: барышня с детьми. Народный мастер РФ Ирина Дмитриевна Бежина

◀ Танцы. Народный мастер РФ Ирина Дмитриевна Бежина

▲ Любота. Мастер Елена Алексеевна Орлова

▼ Петух. Народный мастер РФ Алла Ивановна Гончарова

На этой странице представлена филимоновская игрушка, изготовленная в XXI в. (Архив Центра народного творчества Государственного учреждения культуры Тульской области «Объединение центров развития культуры»). Читайте статью А. В. Гавриловой об истории промысла на с. 5–9

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- М. В. Ясинская (Москва). Обычай *Vožična Devetica* (*Novena di Natale*) на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность
- П. Ф. Лимеров (Сыкывкар). Практика поминальных трапез в коми традиции
- Д. И. Кузнецов (Нижний Новгород). Семейная реликвия: альбом матроса Ю. П. Кузнецова (1959 г.)

Екатерина Васильевна Крохалева (1927 г.р., д. Казённая) играет на одностовольном детском свистке пöляньэ

Анастасия Васильевна Носкова (1928 г.р., д. Якушво) играет на двухствольных флейтах пöляньэз

Марфа Ермолаевна Кыласова (1920 г.р., д. Урманово) играет на двухствольных флейтах пöляньэз

В 2021 г. в Государственном институте искусствознания состоялась выставка «Юсьва. Путешествие за дудками. Дневник экспедиции». Читайте о выставке на с. 46–48. Фотографии сделаны М. М. Горшковым в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края в 2001 г.

Сергей Николаевич Исаков (1947 г.р., д. Логиново) играет на одностовольной травяной флейте туригунке из растения вёр пикана

Анна Николаевна Шилоносова (1923 г.р., д. Урманово) играет на двухствольных флейтах пöляньэз